

ISSN 2077-5911

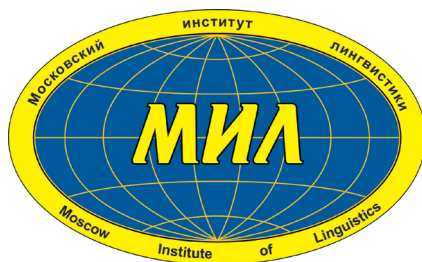
ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014

3 (21)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2014
3 (21)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2014
3 (21)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Виноградов Виктор Алексеевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом африканских языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Караулов Юрий Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра русского языка Московского государственного лингвистического университета, Москва, (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московского института лингвистики, Москва (Россия)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2014

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2014

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2014

© Авторы, 2014

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Зак. № 0220. Усл. печ. л. 15,3. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS
Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Viktor A. Vinogradov, Doctor of Philology, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Yury N. Karaulov, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Scientific Russian Language Centre of Moscow State Linguistic University, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University, Perm (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2014

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2014

© Moscow institute of linguistics, 2014

© Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Борботько В.Г.** (Сочи, Россия) Апория как тип аффекта и психосинергетика рефлексии.....8
- Горохова С.И.** (Санкт-Петербург, Россия) Использование вероятностно-статистической информации о грамматических формах слов при порождении речи: корпусное исследование речевых ошибок.....18
- Дзялошинский И.М., Пильгун М.А.** (Москва, Россия) Развлекательные медиа и политика: российский контент.....34
- Каганов А.Ш.** (Москва, Россия) Использование методов моделирования для преодоления низкой сопоставимости исходного и сравнительного речевого материала в задаче криминалистической идентификации говорящего.....50
- Юрьева Н.М.** (Москва, Россия) Соотношение игры и диалога в совместных играх детей-сверстников дошкольного возраста.....60
- Зубкова О.С., Ушкалова М.В.** (Курск, Россия) Реализация означающих практик при понимании каламбура: некоторые результаты пилотажного эксперимента.....78
- Казнова Н.Н., Овчинникова И.Г.** (Пермь, Россия) Специфика коммуникации в социальных сетях по сравнению с блогосферой.....86

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

- Чесноков И.И.** (Волгоград, Россия) Дискурсивная тактика поругания: косвенные формы объективации.....98
- Карташкова Ф.И.** (Иваново, Россия) Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в англоязычном художественном тексте.....108
- Бутакова Л.О., Гуц Е.Н.** (Омск, Россия) Психолингвистическое исследование восприятия современного русскоязычного документа: разные типы официально-делового дискурса.....114

ДИСКУССИЯ

- Бубнова И.А., Красных В.В.** (Москва, Россия) Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия.....128

Трибуна молодых ученых

- Vasily V. Amochkin** (Moscow, Russia) Accent and Dialect as Part of Social-Cultural Characteristics of a Motion Picture Character (Based on English, American and French Films and their Russian Translations).....136
- Elena V. Gabrielova** (Moscow, Russia) New Media in Protest Movement: Explicit and Implicit Expression of Point of View on the Protest Movement Occupy Wall Street on Twitter.....150
- Бекреева Ю.В.** (Минск, Беларусь) Признаки категориальной принадлежности субъекта в значении глагола (в контексте теории прототипов Э. Рош)....160
- Сардарова А.А.** (Москва, Россия) Переводческая интерпретация при создании вторичного текста.....170

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета.....178

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

- Заботкина В.И.** От прагмалингвистики к лингвокогнитологии: рецензия на монографию «Слово и смысл». М.: РГГУ, 2012. – 428 с. (**Г. Г. Слышкин**)....182

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Пильгун М.А.** (Москва, Россия) Communication and ‘the Good Life’ (Коммуникация и «хорошая жизнь»).....186

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ИНФОРМАЦИЯ

CONTENTS

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

<i>Vladimir G. Borbot'ko</i> (Sochi, Russia) Aporia as a Type of Affect and Psychosynergy of Reflection.....	8
<i>Svetlana I. Gorokhova</i> (Saint Petersburg, Russia) The Use of Probabilistic Information about Inflected Word Forms in Sentence Production: a Corpus Study of Speech Errors.....	18
<i>Iosif M. Dzyaloshinskiy, Maria A. Pilgun</i> (Moscow, Russia) Entertainment Media and Politics: Russian Content.....	34
<i>Alexander Sh. Kaganov</i> (Moscow, Russia) Use of the Simulation for Overcoming Low Comparability of Source and Comparative of Speech Material in Task of Forensic Identification of the Speaker.....	50
<i>Nadezhda M. Yurieva</i> (Moscow, Russia) Interrelationship of Play and Dialogue in the Preschool Children's Joint Play.....	60
<i>Olga S. Zubkova, Margarita V. Ushkalova</i> (Kursk, Russia) The Realization of Denotating Practices in the Process of Understanding of Puns: Some Results of the Pilot Study.....	78
<i>Natalia N. Kaznova, Irina G. Ovchinnikova</i> (Perm, Russia) Specific Features of Computer Mediated Communication: Social Networks vs. Weblogs.....	86

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES OF DISCOURSE

<i>Ivan I. Chesnokov</i> (Volgograd, Russia) The Discursive Tactic of Desecration: Indirect Forms of Presentation.....	98
<i>Faina I. Kartashkova</i> (Ivanovo, Russia) Verbal and Non-verbal Components of Communication in English Fiction.....	108
<i>Larisa O. Butakova, Elena N. Goots</i> (Omsk, Russia) A Psycholinguistic Study of Modern Russian Document's Perception: Different Types Official Discourse.....	114

DEBATE

<i>Irina A. Bubnova, Victoria V. Krasnykh</i> (Moscow, Russia) Neo-psycholinguistics: Arguments in Defence of Ethnocultural Peculiarities.....	128
--	-----

ROSTRUM OF COMMENCING SCHOLARS

<i>Vasilij V. Amochkin</i> (Moscow, Russia) Accent and Dialect as Part of Social-Cultural Characteristics of a Motion Picture Character (Based on English, American and French Films and their Russian Translations).....	136
<i>Gabrielova E. V.</i> New Media in Protest Movement: Explicit and Implicit Expression of Point of View on the Protest Movement Occupy Wall Street on Twitter.....	150
<i>Yuliya V. Bekreyeva</i> (Minsk, Belarus) Features of Subject Categorical Membership in the Verb Meaning (in Context of the Prototype Theory of E. Rosch).....	160
<i>Alina A. Sardarova</i> (Moscow, Russia) Translational Interpretation in Creation of a Secondary Text.....	170

OUR ANNIVERSARIES

Chair Of Linguistics And Stylistics Of Voronezh State University.....	178
---	-----

REVIEWS

<i>Vera I. Zobotkina</i> From Pragmalinguistics to Linguistics Cognitology: Book Review to "Word and Sense". – M.: PFGY, 2012. – 428 c. (<i>G. G. Slyshkin</i>).....	182
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Maria A. Pilgun</i> (Moscow, Russia) Communication and 'the Good Life'	186
---	-----

NOTES ON CONTRIBUTORS

INFORMATION

В.Г. Борботько

УДК 81'23

АПОРИЯ КАК ТИП АФФЕКТА И ПСИХОСИНЕРГЕТИКА РЕФЛЕКСИИ

Автор разграничивает понятия эмоции и аффекта и выделяет три базовых типа аффектов: эпатию, дисфорию и апорию. Апория рассматривается как ключевой фактор, стимулирующий действие рефлексии при разрешении противоречивых ситуаций и порождении идеи. Деятельность рефлексии сопряжена также с явлениями аффективного резонанса в процессе формирования образов, который сопровождается парадоксальными реакциями субъекта, проявляющимися в его поведении и эмоциях. Подчеркивается важнейшая роль апории в создании дискурса художественной литературы.

Ключевые слова: эмоция, аффект, апория, идея, рефлексия, аффективный резонанс, противоречие.

Vladimir G. Borbot'ko

APORIA AS A TYPE OF AFFECT AND PSYCHOSYNERGY OF REFLECTION

The author delimits emotion and affect and specifies three basic types of affects: eupathy, dysphoria and aporia. He considers aporia as a decisive factor that activates the reflection for idea's generation in case of absurd situations. The activity of reflection is also associated with affective resonance in formation of images attended by paradoxical reactions in behaviour and emotions. The main role of aporia in creation of belletristic discourse is accentuated.

Keywords: emotion, affect, aporia, idea, reflection, affective resonance, contradiction.

1. Аффект как мотивационное состояние, его типы и разновидности

Деятельность рефлексии человека проходит в режиме диалога с образами мира, приводящими в сознание через непосредственное восприятие ситуаций и через информирующие высказывания. Перцептивные и информационные образы сходным образом действуют на психику человека, на его аффективную сферу, вызывая различные виды мотивационных состояний, которые могут реализоваться и в действии, и в эмоциях, определяя тот аспект мотивационного состояния, который называют переживанием или настроением.

В лингвистике традиционно отождествляются эмоциональное и аффективное, хотя есть психолингвистические основания для их разграничения. Термин «эмоция» (фр. *émotion* – ‘волнение’) восходит к латинскому глаголу *emovere* (*ex-movere*), первичное значение которого ‘выдвигать, выталкивать, вытеснять, выводить наружу, выражать’. Этим значениям сопутствуют и другие, унаследованные от базового глагола *movere* – ‘двигать, шевелить, волновать’. Таким образом, эмо-

ция – это выход мотивационной энергии помимо ее реализации в действии, проявление актуального мотивационного состояния субъекта в речи, мимике, жестах, соматических реакциях.

Слово «аффект» (лат. *affectus* – ‘состояние, переживание’) восходит к глаголу *afficere*, существенные смыслы которого – ‘влиять, воздействовать, производить впечатление’. Глагол *afficere* унаследовал ряд своих значений от базового глагола *facere* ‘делать’. В обоих глаголах – *facere* и *movere* – были развиты значения переживания, которые получили закрепление в аффиксальных дериватах *exmovere* и *afficere*.

Различение эмоционального и аффективного прослеживается в работах Л.С. Выготского, согласно которому аффект в большей степени связан и с отражением ситуации и с волеизъявлением, чем собственно эмоциональные моменты. Размышляя над экспериментами Курта Левина, показавшего специфику взаимодействия ребенка и ситуации, Л.С. Выготский констатирует то, что от каждого предмета исходит как бы аффект, притягательный или отталкивающий, побуждающая мотивация. Всякой вещи присущ какой-то аффект, каждая вещь заряжена, имеет аффективную валентность [Выготский 1984: 341]. Выготский делает вывод о единстве аффективно-рецептивных моментов и далее – о сенсомоторном единстве в поведении, когда аффективно окрашенное восприятие побуждает к соответствующему действию.

В работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский выдвигает важнейшее положение: «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [Выготский 1982: 22]. Недаром он ссылается на Б. Спинозу, который полагал, что аффект есть «смутная идея, страдательное состояние души» [Спиноза 1957: 519]. Для Спинозы любое аффективное состояние человека – итог взаимодействия с объектом [ор. cit.: 421]; у аффектов столько же видов, сколько разных воздействий от причиняющих объектов [ор. cit.: 501].

Эмоции свидетельствуют о мотивационном состоянии субъекта как о переживании сложившейся ситуации. Эмоция может быть результатом аффекта, но не все аффективные явления должны быть «эмоциональными». Эмоция – отголосок аффекта, который может определить внутреннее состояние субъекта и без видимого проявления эмоций. Отметим, что в психологии под аффектом обычно понимается критическое состояние субъекта, при котором он теряет над собой контроль. Для таких случаев, на наш взгляд, больше подходит термин «патологический аффект» [см. Калашник 1984: 220].

В речи эмоция деструктивно действует на структуру фразы, компоненты которой подаются импульсивно и беспорядочно. Особенности эмоциональной речи подвергались специальному анализу, например, в исследовании Э.Л. Носенко [1979]. Отмечалось, что эмоциональная речь характеризуется нарушениями грамматического порядка слов, частым использованием междометных форм,perseverирующими тенденциями, многократными и незавершенными попытками выражения мысли, отвлечениями от главной идеи, обедненностью словаря, употреблением неуместных слов и т. д. Наблюдаются нарушения связности производимого текста. Эмоциональная речь сопровождается повышенной жестикуляцией,

которая в известной мере компенсирует затруднения в подборе подходящих слов и выражений.

Если же мы перейдем к аффективному плану речи, то можно утверждать, что неаффективной речи не бывает. Всякое высказывание сопровождается определенным «аффективным тоном», проявления которого имеют различную степень выраженности – от интонационной до лексико-синтаксической. Аффективные смыслы представлены во множестве языковых единиц, используемых в повседневной речи: аффективна лексика арго, и даже слова с нейтральным денотативным содержанием способны получить аффективный заряд в соответствующем контексте. Высокой аффективной окрашенностью отличаются языковые междометия, которые французский лингвист Люсьен Теньер называл аффективными фразоидами. Согласно Теньеру, аффективны и эмотивные, и регулятивные междометия, а также междометия-ономатопеи [Теньер 1988: 113]. Действительно, все они, как правило, являются продуктом аффекта, индуцированного объектом, находящимся в поле восприятия.

Восприятие мира и обработка его образов рефлексией не являются беспристрастными. Логико-когнитивному членению мира сопутствует аксиологическая составляющая, которая, по-видимому, определяет первичную категоризацию мира – его разбиение на приемлемое и неприемлемое для человеческого субъекта. Это разбиение и находит свое примитивное соответствие в корпусе междометий как выразителей позитивных и негативных мотивационных состояний человека. Как известно, наибольшим разнообразием отличаются междометия, выражающие негативное состояние субъекта – **дисфорию**. Им противостоят междометия, выражающие позитивное состояние – **эвпатию**. Но есть и третья группа междометий, которой обычно не уделяется специального внимания. Это междометия, выражающие состояние **апории** – недоумения, которое может быть также трактовано как сомнение, замешательство, озадаченность, нерешительность, колебание, удивление, паника и т. п.

Указанные три типа аффектов имеют свои разновидности и модусы, зафиксированные в понятийной лексике.

Так, эвпатия – позитивное переживание ситуации – подразумевает следующие эмотивные концепты позитивной семантики: удовольствие, облегчение, радость, беззаботность, ликование, восхищение, одобрение; видами эвпатии являются **эйфория** (веселое настроение, благодушие, беспечность, часто не соответствующие внешней ситуации) и **симпатия** (позитивное отношение к объектам, другим людям).

Дисфория – негативное переживание ситуации – включает эмотивные концепты негативной семантики, которые образуют две группировки: **антипатия** (досада, недовольство, раздражение, пренебрежение, отвращение, неодобрение, презрение, возмущение, гнев, ярость); **диспатия** – от гр. *dyspatheia* ‘страдание’ – (огорчение, боль, разочарование, сожаление, печаль, скорбь).

Существенно то, что модусы апории тоже обнаруживают значительное разнообразие и несомненную градацию по интенсивности. В апории можно выделить, по меньшей мере, два вида, один из которых, содержащий аффективную двойственность в восприятии мира, обозначим термином «**амфипатия**» (кон-

цепты: сомнение, колебание, озадаченность, недоумение, удивление, изумление, скептицизм); другой вид апории, определяющий дестабилизацию состояния субъекта, обозначим термином «*фобия*» (концепты: неуверенность, замешательство, паника, страх, ужас). Указание на родство этих двух видов апории можно найти у Э. Сепира, который считал состояния нерешительности или сомнения формами ослабленного страха [Сепир 1993: 54].

2. Апория как аффект, порождающий идею

В генезисе идей важнейшую роль играют образы ситуаций, содержащих противоречие, которые вызывают у субъекта состояние апории, принимающее разнообразные модусы. Состояние апории мобилизует психическую энергию субъекта, его рефлексию, направляя их на поиск **идеи** для выхода из противоречия, и следующий шаг рефлексии может завершиться порождением идеи, способной данное противоречие нейтрализовать.

Уточним, что возникновение идеи сопряжено с состоянием апории, которое образуется как аффективное отражение **не объекта, а того противоречия** в ситуации, с которым сталкивается субъект. Состояние апории обостряет рефлексию и фокусирует ее на противоречии, то есть делает возможной ту «остроумную рефлексию», которая, по Г. Гегелю, «состоит в схватывании и высказывании противоречия» [Гегель 1971:78].

Как известно, «идея» имеет ряд определений в словарях: (1) обобщенное представление объекта, его мысленный образ, (2) основная мысль какого либо произведения, (3) план или замысел говорящего [см. Ожегов, Шведова 2006]. Среди этих определений именно последнее наиболее соответствует ситуации формирования первичной идеи в процессе коммуникации: говорящий формулирует то, что **надо сделать** в императивной форме высказывания, адресованного партнеру и несущего в себе смысл конкретного действия, которое представляется говорящему адекватным для выхода из противоречия.

В императиве, однако, есть два момента: момент запуска, собственно побуждения, или промоторный момент (*давай, действуй, ну, пошел, вперед* и т. п.), и момент представления самого действия – операторный момент. Пусковой, промоторный момент – это команда приступить к действию, движению, операторный подразумевает то, что надо сделать с объектом. Операторика – это не просто проявление энергетической разрядки, пусть даже направленной, а преобразование (метаморфоза, трансформация). Получается, что мало говорить о мотивации как об энергетическом заряде, находящем выход в эмоциях и движениях. Здесь возникает конкретная операция, смыслом которой является преобразование, или **интерполяция** двух ситуаций – наличной и предстоящей [см. Бернштейн 1990: 438]. Таким образом, идеофорный элемент в сознании не есть отображение ни исходной ситуации, ни результирующей. Изначальная идея возникает именно как психосинергетический образ той операции, которую надлежит произвести в данных условиях, это то, «что надо сделать».

Когда субъект сосредотачивается на выполнении операторных действий, в особенности на манипуляциях, производимых руками, то в моторику вовлекается и движение речевых органов, артикулирующее звучание голоса. Первичные идеи – образы взаимодействия субъекта с ситуацией – реализуются посредством речевой

артикуляции, сопутствующей производимым действиям, и обособляются от других аффективно-тональных образований. Сформированные как речевые изображения операций с предметами, первофразы такого рода стали в языке прототипами глаголов действия, образовавших мощную базу для производства понятийной лексики и комплексных высказываний с высокой степенью разработанности идей.

Следы идеофорных первофраз, несмотря на многовековые процессы редукции их форм, прослеживаются в глагольных корнях различных языков, то есть глагольная лексема на протяжении длительного времени сохраняет в себе древнейшую фоносинтагму – **фонокинему** – с речеоператорной семантикой [см. Борботько 2006: 137-146]. Но современные языки сохраняют и реликтовые формы, свойственные первичным речеоператорным фразоидам – аффективным предшественникам глагола, в составе междометий и в корпусе междометных **вербоидов** [Борботько 2013]. Среди них наряду со звукоимитативными элементами есть и звукофигуративные, дублирующие операции субъекта. Ср. примеры русских фигуративных вербоидов с соответствующими глаголами, представленные с характерной для них редупликацией: *бур-бур (бурить)*, *верть-верть (вертеть)*, *дёрг-дёрг (дёргать)*, *коль-коль (колоть)*, *круть-круть (крутить)*, *кус-кус (кусать)*, *ляп-ляп (ляпать)*, *ням-ням (*нямать)*, *раз-раз (разить)*, *тр-тр (тереть, торить)*, *толк-толк (толкать, толочь)*, *тык-тык (тыкать > ткать)*, *хап-хап (хапать)*, *хват (хватать)*, *хлоп-хлоп (хлопать)*, *цап-цап (цапать)* и т. п.

Все предметы, участвующие в ситуации – фразовые актаны, получают языковое представление как субкатегориальные проекции глагольной категории, что выглядит как саморедупликация глагольного ядра высказывания, базовая значимость которого проецируется на источник, на объект и на посредник (орудие) действия. С течением времени разные актаны могут приобрести специфичную для них морфологию, но общий принцип образования субкатегориальных компонентов, окружающих исходный категоризатор-глагол, продолжает «проглядывать» сквозь структуру высказываний. Так, в русском языке базовый глагол легко образует тавтологичные формы словосочетаний и высказываний: *делать дело*; *писать письмо*; *прясть пряжу*; *печь печенье*; *варить варенье*; *откусить кусок*; *Бегун бежит*; *Резец режет*; *Ткач ткёт ткань*; *Певец поёт песню*; *Рисовальщик рисует рисунок*. *Учитель учит ученика учению по учебнику*.

По-видимому, в своей теории порождающей грамматики Н. Хомский [1962] поступил бы более адекватно, если бы отнес к корпусу элементарных предложений не любые монопредикатные фразы, а именно тавтологичные фразоиды, с которыми затем можно производить любые преобразования, и контаминации, обращая их в привычные предложения, делать любые подстановки, замещая исконные актаны актантами из других категориалов. Так из первичных моногенных фразоидов получается множество полиморфных высказываний с гетерогенным составом компонентов, выражающих идеи качественно иным комбинаторным способом.

По мере наработки синтаксического разнообразия высказываний возрастает возможность перехода в формулировке идеи от того, «что надо сделать», к тому, «что **надо сказать**», чтобы разрешить актуальное противоречие, сопряженное с апорией. Тем самым закрепляется статус идеи как мыслительной операции, находящей языковое выражение уже не в императивной, а в утвердительной форме.

3. Резонансные явления в аффективной психосинергетике

И эмоции, и действия, и мысли, и высказывания представляют собой различные проявления аффективного состояния субъекта. Само же аффективное состояние вызывается некоторым объектом, воспринимаемым или же воображаемым. Внешняя обстановка, обстоятельства, отдельные предметы постоянно воздействуют на человека с той или иной степенью суггестии. Солнечная полянка с цветами внушает одно мотивационное состояние, а мрачное ущелье или головокружительный водопад – совершенно другое. Воспринимаемый объект выступает как **аффлектор**, оттормаживающий текущую мотивацию субъекта и внушающий ему иное чувственное состояние – аффект: от восторженной эйфории до унылой дисфории, от воодушевления до опасения и страха. Может произойти и нейтрализация мотивационного заряда, приводящая к апатии.

Важно то, что аффлектором может быть как непосредственно воспринимаемый внешний предмет, так и его образ в сознании, и вообще любой образ, созданный рефлексией. Энергетический потенциал аффективного состояния субъекта либо находит разрядку при встрече с подходящим объектом, либо проецируется на окружение, что создает явление, которое можно назвать **аффективным резонансом**. В ситуации выделяются именно те параметры, которые соответствуют знаку энергетического потенциала внутреннего образа. Так, герой некогда известной песни поэта В. Лифшица, находясь в состоянии эйфории, испытывает возвышенные чувства в предвкушении свидания (*А вокруг меня прохожие шли на ангелов похожие, улыбалось небо синее, дивно пахла резеда*), затем, в результате обманутого ожидания, он воспринимает тот же пейзаж в состоянии дисфории, видит его в негативном свете (*А вокруг меня прохожие шли на дьяволов похожие, и несло капустой квашеной из соседнего двора*).

Аффективный резонанс – частое явление в лирической поэзии. В следующем примере авторская дисфория (состояние уныния, бессилия) проецируется на окружение: *Не поправить дня усильями светилен, не поднять теньям крещенских покрывал. На земле зима и дым огней бессилен распрямить дома, полегшие вповал* (Б. Пастернак).

Аналогичные случаи аффективного резонанса мы наблюдаем в известной шутке о бутылке с вином, которую пессимист считает *наполовину пустой* (проекция негативного состояния – дисфории), а оптимист – *наполовину полной* (проекция позитивного состояния – эвпатии). Ср. также выражение: *видеть жизнь в розовом (черном) цвете*. В статьях актуальной прессы наблюдаются характерные своей полярностью или противоречивостью оценки известных личностей, политических лидеров, когда один и тот же человек в одних средствах информации выглядит как мудрый и выдающийся лидер, как истинный вождь нации, а в других – как кровавый диктатор и тиран.

Можно выявить и некоторые резонансные явления, сопряженные с аффектом апории. Если брать апорию в плане «фобии», то здесь аффективный резонанс наиболее очевиден. Образы ситуаций и предметов, внушающих страх, прочно запечатлеваются в психике и в дальнейшем служат своеобразными эталонами, ограждающими человека от опасности, что наблюдается в случаях отождествления смутно воспринимаемых объектов, когда сознание совершает своеобразную

перестраховку. Так, темный пенёк в лесном полумраке резонансно вызывает реакцию: «не медведь ли это?»; «а вдруг это медведь?». Вообще при встрече со всякого рода неопознанными объектами, фатально возникает настороженность, отсюда и поговорка: *Пуганая ворона куста боится*. Здесь срабатывает эффект *qui pro quo* (когда одно по недоразумению может приниматься за другое) [см. Борботько 2011].

Другого рода резонансные явления возникают при амфипатической (амфиболической) апории, где заявляет о себе двойственность интерпретации объектов, уже не связанная с тревожностью, когда хорошо известный и различимый объект представляется в сознании чем-то другим благодаря действию воображения. Так, в пятне или в облаке субъект может разглядеть верблюда, слона, обезьяну, человека и т.п. В сознании происходит выдвигание образа, расходящегося с перцептом. Этот образ, противостоящий перцепту, представляет собой некий *квазиконцепт* (продукт воображения), который изначально носит расплывчатый, схематичный характер, но может получить дальнейшую обработку.

В результате сталкиваются аффективные валентности двух образов – перцепта и квазиконцепта, что обуславливает неординарное поведение субъекта, которое со стороны может восприниматься как **парадоксальное** – не вполне адекватное с точки зрения удовлетворения обычных, необходимых жизненных потребностей.

Двойственность аффектора при амфипатическом резонансе определяет то, что субъект одновременно действует и в наличной ситуации, и в воображаемой, что характерно для игровой деятельности: *Вот бегают дворовый мальчик, в салазки Жучку посадив, себя в коня преобразив...* (А. Пушкин). В играх детей подручные предметы вовсе не являются «знаковыми» заместителями истинных вещей. Играющие видят в вещах именно то, что хотят видеть в них. Древность амфипатического резонанса подтверждается играми животных: котенок играет с клубком ниток в точности так, как с некой мышкой: подстерегает, набрасывается из засады, хватается, покусывает и т.д.

Б.Ф. Поршнев, рассуждая о случаях парадоксального поведения первых людей, полагал, что на заре человеческой истории «создание изобразительных двойников было созданием устойчивых нелепостей, или абсурдов типа «то же, но не то же», и тем самым выходом на уровень, невысказанный в нервной деятельности любого животного... Этому противоречивому объединению в одно и то же изобразительной копии и живого оригинала, надлежит думать, отвечала какая-то эмоциональная реакция», и эта реакция «находила подкрепление и могла быть стойкой, только если отвечала наличию двух противоречащих друг другу раздражителей» [Поршнев 1974: 468-469]. Речь идет здесь, вне всякого сомнения, об аффективных явлениях, связанных с апорией амфипатического плана, которая действительно «свидетельствует о наличии абсурда и нуждается в нем»; именно для апории такого вида вполне справедлива приведенная Б.Ф. Поршневым мысль об амбивалентности (внутренней противоречивости) человеческого чувства [op. cit.: 469]. У человека парадоксальное поведение, по-видимому, находило характерный выход и ритуальное закрепление в игровой активности, которая могла приобретать и веселые (шутливые), и возвышенные (сакральные) тональности, превращаясь как в карикатурные, так и в самоценные виды изобразительной деятельности (живо-

пись, скульптура, поэзия). Создаваемые при этом образы, надо полагать, полностью не утрачивают свою первичную амфипатическую двойственность (то же, но и не то).

Идея божества у человека – продукт амфипатического резонанса: *Мне надо на кого-нибудь молиться. Подумайте, простому муравью вдруг захотелось в ноженки валиться...* И лирическим героем в богиню преобразена простая бедная женщина: *И муравей создал себе богиню по образу и духу своему...* (Б. Окуджава). В случаях с квазиконцептами такого рода мы имеем дело уже не с недоразумением типа *qui pro quo*, а скорее с эффектом *qui per quo*, когда одно представляется, воображается и затем замещается другим именно в силу изначальной резонансной установки на двойственность образа.

Преодоление апории может вылиться в качественно иное аффективное состояние и соответствующие ему реакции, позитивные или негативные. На одном полюсе здесь ликование, почитание божества или продукта творчества, на другом – негодование, презрение, осмеяние. Пример перехода состояния апории в дисфорию мы наблюдаем в басне И.А. Крылова «Мартышка и очки», где вполне карикатурно представлена серия неадекватных действий субъекта, вызванных встречей с новым предметом: *мартышка вертит очками так и сяк: то к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет...* После безуспешных манипуляций с очками апория персонажа сменяется дисфорией, что в итоге приводит к уничтожению предмета: *мартышка тут с досады и печали о камень так хватила их, что только брызги засверкали.*

Интересно, что смеховая реакция, вопреки мнению К. Изарда [1980: 219-223], который довольно однозначно связывает ее с радостью, сопряжена, согласно Д. Вайсу [2004], главным образом с некоторой ситуацией абсурда. Смех может быть или реакцией на воспринятую несуразность, бессмыслицу, карикатурность образа, или сопровождать разрешение противоречия, разгадку. Но это не значит, что он всегда является проявлением веселья, а тем более радости. Смех – это психосинергетическая разрядка фактически для любого парадоксального действия или парадоксальной ситуации, наблюдателем или участником которой является субъект. Смех провоцируют парадоксальные ходы в процессе игры, но и пережитый страх нередко завершается хохотом. Радость же может повлечь не только смех как результат неожиданного позитивного изменения, но и совершенно неадекватные слезы. Получается, что смех – это всегда проявление такого состояния апории, которое достигло высокой степени обострения. И на этом уровне его можно расценивать как типичную и даже адекватную реакцию на неадекватную ситуацию.

* * *

Подводя итог нашим рассуждениям, можно сказать, что из трех типов аффекта, обозначенных нами как эвпатия, дисфория и апория, решающую роль в психосинергетике речемыслительной деятельности играет именно апория. Примечательно то, что в паремическом корпусе языка наблюдается значительное число структур, генерирующих состояние апории: фольклорная небылица и загадка, разного рода парадоксы и анекдоты. То же можно сказать и об апорической аффективности дискурса художественной литературы, построенного на разнообраз-

ных противоречиях. Всевозможные коллизии, неоднозначности, ситуации *qui pro quo*, конфликтующие образы предельно обостряют состояние апории у читателя, приводя к разрядке противоположно направленных аффектов, которая, как писал Л.С. Выготский [1987: 204], увенчивается «катарсисом» и может проявляться как смех, слезы, воодушевление и т. п.

В то же время апория, создаваемая художественным дискурсом, мобилизует рефлексию и тем самым выполняет свою идеаторную функцию – служит мощным генератором идей. При этом для поэтического произведения характерна не однозначная, а именно множественная интерпретация благодаря исключительной многоплановости возникающих в нем оппозиций, а также в силу многообразия в организации сознания его читателей.

Список литературы

Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 495 с.

Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.

Борботько В.Г. Психосинергетика *qui pro quo* в диалоге лингвокультур // Жизнь языка в культуре и социуме-2. Материалы международной научной конференции. – М-Калуга: Эйдос, 2011. – С. 177-180.

Борботько В.Г. Вербоиды в высказываниях русского и французского языков // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания. Сб. науч. трудов. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – С.29-35.

Вайс Д. Абсурд как преддверие смеха // Абсурд и вокруг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 259-272.

Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.

Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.2. – М.: Мысль, 1975. – 695 с.

Изард К. Эмоции человека / Пер. с англ. – М.: МГУ, 1980. – 440 с.

Калашиник Я.М. Патологический аффект // Патология эмоций. Тексты. – М.: МГУ, 1984. – С. 220-227.

Носенко Э.Л. Специфика проявления в речи состояния эмоциональной напряженности. Автореф. дис... докт. психол. наук. – М., 1979. – 36 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 655 с.

Спиноза Б. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 631 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике, вып. 2. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 412-527.

С.И. Горохова

УДК 81'23

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ О ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СЛОВ
ПРИ ПОРОЖДЕНИИ РЕЧИ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ ОШИБОК¹**

Сопоставление данных речевых ошибок русской речи и данных Национального корпуса русского языка позволяет предположить, что во внутреннем лексиконе хранится вероятностно-статистическая информация о частоте использования словоформ и что высокочастотные грамматические формы слов имеют приоритет при порождении высказывания.

Ключевые слова: речевые ошибки, грамматическая форма слова, частота словоформы, искомая словоформа, заменяющая словоформа.

Svetlana I. Gorokhova

**THE USE OF PROBABILISTIC INFORMATION ABOUT INFLECTED WORD
FORMS IN SENTENCE PRODUCTION: A CORPUS STUDY
OF SPEECH ERRORS**

A comparison of Russian speech error evidence with the Russian National Corpus data suggests that probabilistic information about the frequency of inflected word forms is available in the speaker's production lexicon, and higher-frequency inflected forms are more likely to be selected during language production.

Keywords: speech errors, inflected word form, word form frequency, target word form, error word form.

Введение

Роль эффекта частоты при порождении и восприятии речи уже давно является предметом довольно оживленного обсуждения. Два противоположных подхода к грамматическому компоненту языковой способности – «порождающие грамматики» и разрабатываемые в последнее время так называемые «пользовательские грамматики» – отводят вероятностно-статистической информации на этой стадии порождения/восприятия речи совершенно разную роль.

Пользовательские (“usage-based”) грамматики основаны на предположении, что всякий раз при использовании определенной формы слова или грамматической конструкции во внутреннем лексиконе активируется соответствующий «узел» или группа «узлов» и частота активации словоформы или грамматической конструкции оказывает влияние на способ ее хранения в лексиконе [см. Croft & Cruse 2004].

С другой стороны, сторонники генеративных грамматик признают, что особенности порождения нерегулярных форм слов (например, форм прошедшего вре-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00353

мени неправильных глаголов) и способ их хранения в лексиконе зависят от частоты их использования в речи, но при этом предполагают, что при образовании регулярных форм слов (например, форм прошедшего времени правильных глаголов) информация о частоте их использования неактуальна для механизма речепорождения. Согласно этой точке зрения, получившей название «теории двойственного процессинга», регулярные формы слов каждый раз порождаются заново с помощью определенных грамматических правил, а низкочастотные нерегулярные формы хранятся целиком [Caramazza et al. 1985; Pinker & Prince 1988, 1994; Pinker 1991, 1997; Clahsen et al. 1992; Prasada & Pinker 1993; Marcus et al. 1995; Ullman 1999]. Многие приверженцы этой теории – авторы авторитетных экспериментальных исследований порождения речи – утверждают, что можно говорить лишь о выборе лексических единиц, но никак не о выборе грамматических форм слов, поскольку грамматические характеристики приписываются лексическим единицам автоматически. Таким образом, роль вероятностно-статистических характеристик грамматической формы слова в речепроизводстве изначально отвергается [см., например, Caramazza et al. 2001; Costa et al. 2003; Schiller and Caramazza 2002, 2003; Bordag and Pechmann 2008].

Сторонники «пользовательских» моделей подвергли «модели двойственного процессинга» критике, утверждая, что, наряду с низкочастотными нерегулярными формами, во внутреннем лексиконе полностью хранятся и многие высокочастотные формы слов [Dabrowska 2008]. Было показано, что «эффект частоты использования» регулярных форм слова наблюдается при восприятии речи на английском [Serenio & Jongman 1997; New et al. 2004], финском [Lehtonen & Laine 2003], французском [New et al. 2004] и голландском [Baayen et al. 1997; Baayen et al. 2002 – исследования восприятия речи; Tabak et al. 2005; Bien et al. 2005 – исследования порождения речи] языках. Сходные результаты получены при исследовании речи больных с аномией [Bi et al. 2007]. Эти экспериментальные исследования свидетельствуют в пользу гипотезы о хранении в лексиконе высокочастотных форм слов как самостоятельных единиц [Stemberger & McWhinney 1986].

Важность частоты использования грамматических конструкций как детерминанты лингвистической структуры и языкового употребления признается всеми «пользовательскими» моделями грамматики [Croft & Cruse 2004; Bybee 2006; Diessel 2007]. Высказываются предположения о том, что информация о частоте использования различных грамматических структур является частью языковой способности [Demuth 2007]. По-видимому, можно говорить как о частоте словоформы (т.н. «частоте экземпляра» - token frequency), которая является одним из показателей устойчивости представления этой словоформы во внутреннем лексиконе, так и о частоте данного грамматического явления (т.н. «частоте типа» – type frequency – например, о частоте регулярного/нерегулярного образования формы прошедшего времени глаголов), свидетельствующей о «потенциале» данной когнитивной схемы [см. Bybee 2006].

Х. Дисселл [Diessel 2007: 124] считает информацию о частоте использования лингвистических структур движущей силой нескольких психологических механизмов, действующих при порождении и восприятии речи. Однако, как отмечал Д. Джурафски [Jurafsky 2003: 84], хотя большинство вероятностных моделей языково-

го употребления и признают роль показателя частоты использования синтаксической структуры как при порождении, так и при восприятии речи, до сих пор существует очень мало исследований, подтверждающих психологическую реальность этого параметра, особенно в процессе порождения речи.

Экспериментальные работы в обсуждаемой области, проводившиеся в последние годы, относились в основном к использованию вероятностно-статистической информации о грамматических формах слов при восприятии речи. Например, результаты исследования восприятия падежных форм существительных на материале сербского языка [Kostić & Mirković 2002] свидетельствуют о том, что средняя частота использования данной падежной формы влияет на ее восприятие. Получены также данные о том, что частотное распределение вариантов падежных окончаний внутри определенной грамматической парадигмы оказывает влияние на распознавание слов [Milin et al. 2007]; ср. исследование [Clahsen et al. 2001], в котором высказывается предположение о психологической реальности словоизменяемых парадигм.

Данные, подтверждающие существование зависимости между распознаванием слова и частотными характеристиками его грамматических форм, получены и при изучении речи больных с моторным аграмматизмом [Stemberger 1984, 1985; Faroqi-Shah & Thompson 2004]; см., однако, противоположные результаты исследования речи больных с аграмматизмом: [Janssen & Penke 2002]. Кроме того, экспериментально показано, что (относительная) частота форм множественного числа существительных и глаголов оказывает влияние на скорость реакции при выполнении экспериментальных заданий [Baayen et al. 2003], а это можно считать весомым аргументом в пользу теории независимого хранения во внутреннем лексиконе грамматических форм слов, в том числе образуемых регулярным способом.

Проведенные в последние годы корпусно-статистические исследования свидетельствуют о том, что вероятностно-статистическая информация об отдельных грамматических формах слова может храниться в лексической памяти человека [Baayen 2007; Smolka et al. 2007].

Недавние исследования закономерностей детской речи [Tomasello 2003; Lieven & Tomasello 2008] и усвоения иностранных языков [Ellis 2008] показывают, что частотные характеристики языковых конструкций влияют на их усвоение; особенно это касается развития синтаксиса детской речи [Demuth 2007].

Разумно предположить, что часто используемые конструкции более прочно закрепляются в долговременной памяти, что, в свою очередь, облегчает их активацию, распознавание и актуализацию при восприятии и порождении речи. Имея подтверждение того, что при порождении речи говорящий использует информацию о частотности той или иной структуры языка, мы получаем возможность преодолеть жесткое разграничение грамматики и языкового употребления и получить более полное представление о работе механизма поиска синтаксических характеристик слова. В этом смысле многообещающими кажутся «пользовательские» грамматические теории, предполагающие, что чем чаще говорящий сталкивается с определенной формой слова или грамматической конструкцией, тем глубже она «укореняется» в языковой системе, и что, таким образом, частота использования

словоформы или конструкции оказывает безусловное влияние на организацию и функционирование единиц лексикона и языковых конструкций [Evans & Green 2006; Schmid 2010; Bybee 2006 и др.].

Данные

В данной работе исследуется роль т.н. «эффекта частоты» в порождении поверхностно-синтаксической структуры высказывания. Для оценки того, используется ли вероятностно-статистическая информация при поиске грамматической формы слова, были использованы данные речевых ошибок (оговорок) русской речи. Преимущество речевых ошибок как объекта исследования заключается в том, что они раскрывают особенности работы речевых механизмов в «естественных условиях» и не ограничены жесткими условиями эксперимента.

В отличие от экспериментальных исследований механизма поиска грамматических признаков, посвященных изучению ограниченного набора грамматических категорий – в основном числа и рода [см., например, Schriefers 1993; Caramazza et al. 2001; Costa et al 2003; Schiller & Caramazza 2002, 2003; Bordag & Pechmann 2008], исследование речевых ошибок позволяет охватить гораздо большее число грамматических категорий и, таким образом, расширить наше представление о принципах хранения и поиска грамматических форм слова.

В данной работе исследуются 198 речевых ошибок (оговорок) устной русскоязычной речи, приводящих к неадекватной замене грамматических форм существительных, местоимений, глаголов и прилагательных. Анализу подвергались контекстно-свободные замены грамматического признака, т. е. замены, возникшие не под влиянием грамматической формы другого слова данного высказывания. Примеры включают замены падежа, числа, рода, лица, времени и вида.

Примеры контекстно-свободных замен грамматических признаков были отобраны из корпуса, включающего около 6000 речевых ошибок русской речи.

Чтобы отграничить понятие речевой ошибки от других сходных типов лингвистических явлений (ошибок, возникающих вследствие несовершенства лингвистических «знаний» говорящего; намеренных искажений нормы; проявлений функционально-стилистической вариативности разговорной речи и, наконец, от известного явления затрудненного поиска слова, т.н. “tip of the tongue”), в данном исследовании под **речевой ошибкой** понимается **результат отклонения от речевой интенции говорящего, если это отклонение не становится актуально осознанным в процессе грамматико-семантической реализации речевого действия** (об уровнях осознаваемости в спонтанной речи см. [Леонтьев 1970: 12]).

Материал исследования составили тексты спонтанной устной речи носителей русского литературного языка (с высшим или незаконченным высшим образованием), включающие ту или иную речевую ошибку. Тексты были зафиксированы в ситуациях непринужденного и полуофициального общения. Кроме того, в анализируемый корпус вошли тексты синхронных репортажей и тексты спонтанной речи участников «неподготовленных» радио- и телепередач типа «Что? Где? Когда?».

В анализируемый корпус текстов были включены тексты, репрезентирующие как систему разговорного языка, так и систему кодифицированного литературного языка [см. Земская и др. 1981: 5-6], поскольку, как было обнаружено, характер

рассматриваемых речевых ошибок (т.е. явлений, соответствующих данному выше определению речевой ошибки) не зависит от типа устной речи.

Методика сбора материала исследования состояла в систематической фиксации текстов устной речи на магнитные и цифровые носители информации и вычленении из этих записанных массивов отрезков текста с речевыми ошибками. В спорных случаях, особенно в тех, когда говорящий, допустив ошибку, не исправлял ее самостоятельно, ему задавались вопросы, уточняющие наличие/отсутствие и характер ошибки с точки зрения самого говорящего. Разумеется, подобная процедура не представляется возможной, если мы имеем дело с текстами теле- и радиопередач: в таких случаях спорные или вызывающие сомнения примеры не включались в анализируемый корпус.

Примеры

Ниже приведены некоторые примеры контекстно-свободных замен различных грамматических признаков (до знака «→» – фраза с искомым словом; после знака «→» – заменяющее слово; искомое и заменяющее слова выделены заглавными буквами).

(1) Замена падежной формы: предл. → род.

Очень хорошо сэкономлю на ПРОЦЕНТАХ → ... на ПРОЦЕНТОВ

(2) Замена падежной формы: дат. → вин./род. (точную заменяющую падежную форму невозможно идентифицировать из-за омонимии форм вин. и род. падежей)

Ты ЕЙ позвонила? → Ты ЕЁ позвонила?

(3) Замена падежной формы: тв. → род.

Под нормой или ЗДОРОВЬЕМ понимают такую форму жизнедеятельности → ... ЗДОРОВЬЯ ...

(4) Замена падежной формы: род. → им./вин.

– Я тут прочла в газете, что зефир...

– Без БЕЛКА? → Без БЕЛОК?

Помимо падежных форм существительных и личных местоимений, другие грамматические признаки лексических единиц также подвержены контекстно-свободным заменам, хотя примеры таких ошибок не столь многочисленны, как примеры замен падежных форм.

(5) Замена формы числа: мн. → ед.

У каждого брокера всегда есть на руках определенное количество акций. Вот можно взять у него взаймы ЭТИ АКЦИИ ... → ... ЭТУ АКЦИЮ ...

Пример (6) – интересный случай склонения существительного среднего рода и всех определяющих его слов по типу существительного женского рода:

(6) Замена формы рода: ср. → жен.

Я возьму вот ЭТО БЛЮДЦЕ: ОНО САМОЕ МАЛЕНЬКОЕ → Я возьму вот ЭТУ БЛЮДЦУ: ОНА САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ

(7) Замена формы лица: 2 → 3

Послезавтра БУДЕШЬ отдохнувший → ... БУДЕТ ...

(8) Замена временной формы: буд. → прош.

Я думаю, я вынуждена БУДУ выслушать пламенную тираду → ...вынуждена БЫЛА выслушать...

Характерно, что формы прошедшего и настоящего времени доминируют в русской разговорной речи и в этом смысле противостоят формам будущего времени: частота использования форм прошедшего и настоящего времени составляет, соответственно, 45% и 45%, тогда как частота использования форм будущего времени – всего 10% [Санджи-Гаряева 2003].

Имеются, однако, и противоположные примеры, подобные примеру замены искомой формы прошедшего времени формой будущего времени:

(9) Замена временной формы: прош. → буд.

В начале восьмидесятых годов Уран ПРИШЕЛ на это место → ... ПРИДЁТ

(10) Замена видовой формы: свш. → нсвш. (искомая форма глагола совершенного вида заменяется супплетивной формой несовершенного вида)

Могла прекрасную путевку ВЗЯТЬ → ... БРАТЬ

В то же время, имеются и противоположные примеры замены искомой формы глагола несовершенного вида формой совершенного вида:

(11) Замена видовой формы: нсвш. → свш.

Мы помним, как нервничала Алена и ДОПУСКАЛА ошибки → ... ДОПУСТИЛА ...

Следует отметить, что замены таких грамматических категорий, как время и вид искомого слова, иногда с трудом поддаются интерпретации из-за тесного взаимодействия признаков времени и вида; в результате заменяющая форма глагола может отличаться от искомой как по времени, так и по виду (ср. пример 12, где искомая форма совершенного вида будущего времени глагола *удаваться* заменяется формой несовершенного вида настоящего времени):

(12) Замена видо-временной формы буд. свш. → наст. нсвш.:

Может быть, все-таки ему УДАСТЯ довести свою идею до конца → ... УДАЁТСЯ ...

Сравнение с данными Национального корпуса русского языка

Примеры 1–12 позволяют предположить, что некоторые из форм, составляющих словоизменительную парадигму данного слова, с большей вероятностью могут быть выбраны говорящим при порождении речи.

Для проверки того, подвержены ли контекстно-свободные замены грамматических признаков влиянию частоты использования словоформ, для каждого из примеров было произведено сравнение частот встречаемости заменяющего и искомого слов в Национальном корпусе русского языка. Поскольку анализируемые речевые ошибки принадлежат устной речи, поиск проводился в подкорпусе устной речи. В некоторых случаях результаты поиска корректировались вручную для снятия грамматической омонимии.

За абсолютную частоту использования словоформы принималось общее число ее употреблений в подкорпусе устной речи Национального корпуса русского языка. Поскольку принято считать, что логарифмированные значения частоты более корректно, чем ее абсолютные значения, отражают различные аспекты речевой деятельности [Oldfield & Wingfield 1965; Vitevitch 1997], а также поскольку логарифмирование является стандартным способом приведения распределения к нормальному виду, при сравнении использовались логарифмированные значения частот.

Сравнение **абсолютных частот** искомого и заменяющего слов показывает, что в устной речи существует тенденция замены низкочастотных словоформ высокочастотными ($t(197) = 2.35, p < .05$) (рис. 1).

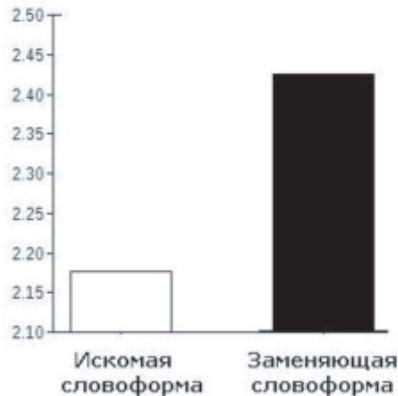

Рис. 1. Частоты (логарифмированные) искомой и заменяющей словоформ

104 из 198 проанализированных примеров, т.е. 52,5% от общего числа контекстно-свободных замен словоформ составляют примеры замен падежных форм существительных/личных местоимений. Это число оказалось достаточным для оценки статистической значимости различия между **относительными частотами** искомой и заменяющей падежных форм в пределах словоизменительной парадигмы данного слова. За относительную частоту использования словоформы в пределах словоизменительной парадигмы принималась доля употреблений данной падежной формы слова (в процентах) по отношению к общему числу употреблений данного слова во всех падежных формах в подкорпусе устной речи Национального корпуса русского языка.

В таблице 1 представлены выборочные результаты сравнения частот искомого и заменяющего слов для замен падежных форм существительных/личных местоимений. Таблица показывает абсолютные частоты падежных форм искомого и заменяющего слов (измеряемые числом словоупотреблений) и их относительные частоты внутри словоизменительной парадигмы (измеряемые в процентах по отношению к общему числу употреблений данного слова во всех падежных формах) по данным подкорпуса устной речи Национального корпуса русского языка. Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что, как правило, низкочастотная падежная форма существительного/местоимения заменяется формой, имеющей более высокую частоту. Эта тенденция прослеживается как в случае падежных форм, образованных регулярным способом (существительные), так и в случае нерегулярно образуемых падежных форм (местоимения). Сравнение относительных частот искомой и заменяющей падежных форм указывает на статистическую значимость этой тенденции для всех замен падежных форм ($t(103) = 3.39, p < .001$) (рис. 2).

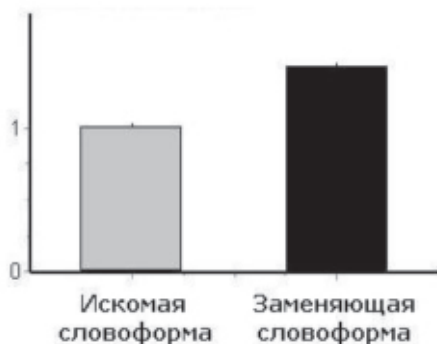

Рис. 2. Относительные частоты (логарифмированные) искомой и заменяющей падежных форм существительных и личных местоимений

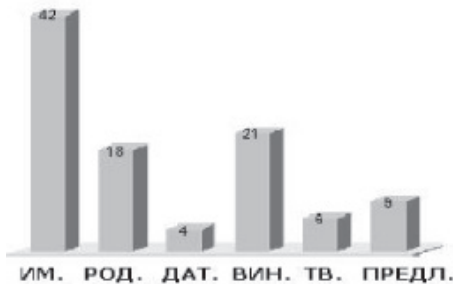
Таблица 1. Частоты искомой и заменяющей словоформ в контекстно-

Слово	Искомая форма	Абсолютная частота	Относительная частота (%)	Заменяющая форма	Абсолютная частота	Относительная частота (%)
белок	род.	7	41,2	им./вин.	9	52,9
точки	род.	56	21,7	им./ вин.	161	62,4
он	род.	20294	21,63	им.	48856	52,08
туристы	дат.	9	5,7	вин./ род.	28	17,72
родственники	дат.	122	11,11	вин./ род.	158	14,39
она	дат.	3,241	7,93	вин./ род.	9396	22,98
мы	дат.	9,506	12,21	вин./ род.	24419	31,36
они	дат.	4,511	7,6	вин./ род.	11009	41,13
вы	дат.	14833	16,27	вин./ род.	18305	20,08
папа	дат.	105	4,2	род.	133	5,3
проекты	дат.	8	3,61	предл.	15	6,78
этап	тв.	9	1,51	им./ вин.	89	14,93
здоровье	тв.	39	5,4	род.	181	25
холодильник	предл.	48	15,1	им./ вин.	82	25,78
проценты	предл.	26	1,05	род.	1087	44,77
литература	предл.	146	21,95	род.	211	31,73
коллектив	род.	62	19,13	предл.	54	16,66
стол	предл.	330	13,68	дат.	212	8,79

свободных заменах падежных форм существительных и личных местоимений

Точная идентификация падежной формы заменяющего слова не всегда возможна из-за омонимии падежных форм существительных: так, в примере 2 форма личного местоимения *её* может быть как формой винительного, так и формой родительного падежа, а в примере 4 *белок* может быть либо формой именительного, либо формой винительного падежа существительного.

Общее распределение частот использования падежных форм в русской разговорной речи показано на рис. 3 (данные заимствованы из работы [Мартыненко

2003]).

Рис. 3. Распределение частот использования падежных форм в русской разговорной речи (в процентах)

Сравнение результатов, представленных в таблице 1, с данными рис. 3 позволяет предположить, что в русской разговорной речи существует тенденция замены менее частотных форм косвенных падежей (дательного, творительного и предложного) наиболее часто используемыми падежными формами (именительным, винительным и родительным). В то же время формы родительного падежа заменяются более частотными формами именительного и винительного падежей. Сравнение относительных частот показывает, что эта тенденция является статистически значимой для замен род. → им./вин. ($t(37) = 3.58, p < .001$) (рис. 4) и для замен дат. → вин./род. ($t(39) = 3.08, p < .01$) (рис. 5).

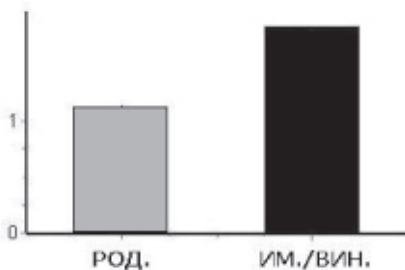

Рис. 4. Относительные частоты (логарифмированные) искомой формы родительного падежа и заменяющей формы именительного/винительного падежа существительных и личных местоимений внутри словоизменительной парадигмы слова

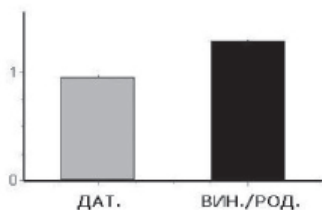

Рис. 5. Относительные частоты (логарифмированные) искомой формы дательного падежа и заменяющей формы винительного/родительного падежа существительных и личных местоимений внутри словоизменительной парадигмы слова

Поскольку формы винительного падежа существительных и личных местоимений часто омонимичны формам именительного и родительного падежей, частота использования заменяющей словоформы фактически представляет собой суммарную частоту использования соответственно форм им./вин. или же форм вин./род., то есть потенциал заменяющей словоформы в таких случаях «удваивается», что повышает вероятность возникновения речевой ошибки-замены.

К сожалению, число примеров замен иных грамматических признаков (примеры 5-12) недостаточно велико и не позволяет оценить статистическую значимость различия относительных частот использования искомой и заменяющей словоформ. Кроме того, имеющиеся примеры весьма разнообразны – например, случаи замен таких грамматических признаков, как род и число, относятся к разным частям речи, и поэтому определение точных границ словоизменительной парадигмы для определенного грамматического признака часто является проблематичным. Взаимодействие различных грамматических признаков, например, времени и вида (см. выше пример 12) в некоторых примерах также затрудняет анализ ошибок. На сегодняшний день статистически достоверные данные о различии относительных частот использования искомой и заменяющей словоформ получены лишь для падежных форм существительных и личных местоимений.

Обсуждение результатов

Целью работы было использование данных речевых ошибок для исследования механизма выбора грамматических форм лексических единиц при порождении речи и, в частности, для ответа на вопрос об актуальности вероятностно-статистической информации о грамматических формах слов при порождении спонтанной устной речи.

Прежде всего, данные речевых ошибок свидетельствуют о том, что грамматическая форма слова не обязательно конструируется автоматически, а может выбираться из числа нескольких конкурирующих форм. Это заключение идет вразрез с выводами большинства экспериментальных исследований, использующих методику интерференции грамматических признаков для изучения механизма поиска грамматических форм слова. Авторы этих исследований считают, что «конкуренция» присуща лишь процессу выбора самих лексических единиц, тогда как грамматические признаки приписываются им автоматически [Caramazza et al.

2001; Schiller & Caramazza 2002, 2003; Costa et al. 2003; Bordag & Pechmann 2008]. Данные речевых ошибок русской разговорной речи, напротив, указывают на вероятностный характер поиска грамматических форм слова, что скорее подтверждает выводы, сделанные в работе [Schriefers 1993]. Однако, в отличие от экспериментальных исследований, в которых изучается конкуренция двух словоформ, возникающая под воздействием грамматического признака (обычно грамматического рода или числа) интерферирующей словоформы, примеры 1-12 указывают на то, что конкуренция грамматических форм внутри словоизменительной парадигмы слова имеет место даже при отсутствии интерферирующего контекста. Более того, примеры контекстно-свободных замен грамматических форм слова показывают, что список грамматических категорий, вовлеченных в эту конкуренцию, не ограничивается категориями числа и рода: падежные формы, видовременные формы и формы лица (см. примеры 1-4, 7-12) также могут выбираться из числа нескольких конкурирующих форм. Таким образом, данные речевых ошибок подтверждают гипотезу о конкуренции грамматических форм слов при порождении речи.

Сравнение абсолютных частот использования искомой и заменяющей словоформ в Национальном корпусе русского языка показывает, что существует общая тенденция замены низкочастотных словоформ высокочастотными. Это свидетельствует о роли эффекта «частоты экземпляра» (token frequency) в процессе речепорождения.

Полученные данные сопоставимы с результатами некоторых экспериментальных исследований, подтверждающими, что информация о частоте словоформы используется при восприятии лексических единиц [см., например, Kostić & Mirković 2002; Milin et al. 2007], а также с экспериментальными данными об усвоении родного и иностранного языков [Tomasello 2003; Lieven & Tomasello 2008; Ellis 2008] и о речи больных с аграмматизмом [Stemberger 1984, 1985; Faroqi-Shah & Thompson 2004].

Итак, судя по данным речевых ошибок, эффект «частоты экземпляра» играет существенную роль при порождении речи. Если предположить, что контекстно-свободные замены грамматических признаков происходят вследствие конкуренции различных грамматических форм искомого слова при поиске во внутреннем лексиконе, разумно предположить, что некоторые формы доминируют в словоизменительной парадигме, т.е. определенные типы грамматических форм будут выбраны говорящим с большей вероятностью. Используется ли при порождении речи информация о «частоте типа» (type frequency)?

Сравнение относительных частот искомой и заменяющей словоформ в пределах словоизменительной парадигмы слова показывает, что при заменах падежных форм существительных и личных местоимений относительная частота заменяющей падежной формы слова, как правило, превышает относительную частоту искомой формы в пределах парадигмы склонения данного слова.

Результаты сравнения позволяют предположить, что при выборе грамматической формы слова некоторые его формы имеют преимущество над другими. Так, оказывается, что наиболее часто используемые в разговорном русском языке падежные формы существительных и личных местоимений (именительный, родительный и винительный) часто становятся заменой менее частотных форм косвенных

падежей, таких как дательный. В то же время формы родительного падежа заменяются более высокочастотными формами именительного и винительного падежей. В этих случаях можно говорить об эффекте «частоты типа». Вероятно, омонимия некоторых падежных форм существительных и местоимений усиливает потенциал заменяющей падежной формы; так, например, омонимия самых высокочастотных падежных форм — именительного и винительного падежей — увеличивает вероятность возникновения замены род. → им. / вин., а омонимия форм винительного и родительного падежей повышает вероятность возникновения замены дат. → вин. /род.

Возникает закономерный вопрос: идет ли в данном случае речь о приоритете определенной падежной формы слова над другими падежными формами или же мы можем говорить о приоритете определенного грамматического признака, например признака родительного падежа, над другими грамматическими признаками, например над признаками дательного и творительного падежей?

Представляется, что говорить об иерархии грамматических признаков, а не грамматических форм слова преждевременно, поскольку во многих примерах исследуемого типа речевых ошибок заменяющую падежную форму невозможно определить однозначно из-за омонимии падежных форм, — например, в случае, когда заменяющая форма род. / вин. имеет более высокую суммарную частоту по сравнению с искомой формой дат. п. Подобные примеры не позволяют с уверенностью объяснить наблюдаемый эффект доминированием грамматического признака родительного или винительного падежа относительно дательного, поскольку он может быть вызван высокой суммарной частотой форм родительного и винительного падежей данного слова. Поэтому из двух возможных объяснений — иерархия грамматических признаков или частота использования грамматических форм — приходится, видимо, предпочесть второе, а именно, что при порождении речи некоторые грамматические формы слова могут быть выбраны говорящим с большей вероятностью, чем другие.

Действие «эффекта частоты» при поиске грамматических форм слов можно объяснить с помощью гипотезы, что различные грамматические формы слова хранятся во внутреннем лексиконе вместе с информацией о частоте их использования в речи и что более «сильные» высокочастотные формы более легко доступны как потенциальные заменители «слабых» низкочастотных форм. В случае, если искомая низкочастотная форма слова по какой-то причине недоступна в момент порождения, по умолчанию может использоваться высокочастотная форма. Используя понятийный аппарат «моделей распространяющейся активации» [Dell 1986; Dell et al. 1997], можно предположить, что информация о частотах грамматических форм слов может быть закодирована в лексической памяти в виде информации о пороговых значениях активации той или иной словоформы [см. Jurafsky 2003].

Результаты исследования свидетельствуют в пользу динамичных, «пользовательских» моделей ментальной грамматики и подтверждают гипотезу, что как «частота экземпляра», так и «частота типа» играют существенную роль в организации внутреннего лексикона [ср. Вубее 2006] и что частота использования лингвистических конструкций является частью языковой компетенции говорящего.

Заключение

Данные речевых ошибок указывают на то, что процесс порождения речи сопровождается конкуренцией различных грамматических форм данного слова, и позволяют предположить, что вероятностно-статистическая информация о каждой из грамматических форм слова хранится во внутреннем лексиконе человека. Выбор определенной грамматической формы обусловлен, в частности, частотой ее использования в речи, и чем выше частотность формы, тем больше вероятность ее выбора говорящим. Полученные результаты делают более предпочтительными «пользовательские» модели ментальной грамматики.

Список литературы

- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
- Леонтьев А.А.* Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. – М.: МГУ, 1970. – 88 с.
- Мартыненко Н.Г.* Существительное: Категория падежа // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика [под ред. О.Б.Сиротининой]. – М.: УРСС, 2003. – С. 47-64.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.04.14)
- Санджи-Гаряева З.С.* Глагол: Категория времени // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика [под ред. О.Б.Сиротининой]. – М.: УРСС, 2003. – С. 110-124.
- Baayen R.H.* Storage and computation in the mental lexicon // The Mental Lexicon: Core Perspectives [eds. Jarema, G., & Libben, G.]. – Amsterdam: Elsevier, 2007. – P. 81-104.
- Baayen R. H., Dijkstra T., & Schreuder R.* Singulars and plurals in Dutch: Evidence for a parallel dual route model // Journal of Memory and Language. – 1997. – Vol. 36. – P. 94–117.
- Baayen R.H., McQueen J., Dijkstra T., & Schreuder R.* Frequency effects in regular inflectional morphology: Revisiting ‘Dutch plurals’ // Morphological Structure in Language Processing [eds. Baayen, R.H., & Schreuder, R.]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 355-390.
- Baayen R. H., Schreuder R., De Jong N. H., & Krott A.* Dutch inflection: the rules that prove the exception // Storage and Computation in the Language Faculty [eds. Nooteboom, S., Weerman, F., & Wijnen, F.]. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 61–92.
- Bi Y., Han Z., & Shu H.* Compound frequency effect in word production: Evidence from anomia // Brain and Language. – 2007. – Vol. 103. – P. 8–249.
- Bien H., Levelt W., & Baayen R. H.* Frequency effects in compound production // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. – 2005. – Vol. 102. – P. 17876–17881.
- Bordag D., & Pechmann T.* Grammatical gender in speech production: Evidence from Czech // Journal of Psycholinguistic Research. – 2008. – Vol. 37. – P. 69-85.

Bybee J.L. Frequency of use and the organization of language. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 376 p.

Caramazza A., Miceli G., Silveri M.C., & Laudanna A. Reading mechanisms and the organisation of the lexicon: Evidence from acquired dyslexia // *Cognitive Neuropsychology*. – 1985. – Vol. 2 – P. 81-114.

Caramazza A., Miozzo M., Costa A., Schiller N., & Alario F.X. A crosslinguistic investigation of determiner production // *Language, Brain, and Cognitive Development: Essays in Honor of Jacques Mehler* [ed. Dupoux E.]. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – P. 209-226.

Clahsen H., Hadler M., Eisenbeiss S. & Sonnenstuhl-Henning I. Morphological Paradigms in Language Processing and Language Disorders // *Transactions of the Philological Society*. – 2001. – Vol. 99, No. 2. – P. 247-277.

Clahsen H., Rothweiler M., Woest A. and Marcus G.F. Regular and Irregular Inflection in the Acquisition of German Noun Plurals // *Cognition*. – 1992. – Vol. 45. – P. 225-255.

Costa A., Kovacic D., Fedorenko E., & Caramazza A. The gender congruency effect and the selection of freestanding and bound morphemes: Evidence from Croatian // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 2003. – Vol. 29. – P. 1270–1282.

Croft W., & Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

Dąbrowska E. The effects of frequency and neighbourhood density on adult speakers' productivity with Polish case inflections: An empirical test of usage-based approaches to morphology // *Journal of Memory and Language*. – 2008. – Vol. 58. – P. 931–951.

Dell G. S. A spreading-activation theory of retrieval in sentence production // *Psychological Review*. – 1986. – Vol. 93, No. 3. – P. 283–321.

Dell G.S., Schwartz M.F., Martin N., Saffran E.M., & Gagnon D.A. Lexical access in aphasic and nonaphasic speakers // *Psychological Review*. – 1997. – Vol. 104. – P. 801-838.

Demuth K. The role of frequency in language acquisition // *Frequency effects in language acquisition* [eds. Gülzow, I. & Gagarina, N.] (Studies on Language Acquisition (SOLA) series). – Berlin: Mouton De Gruyter, 2007. – P. 383-388.

Diessel H. Frequency effects in language acquisition, language use, and diachronic change // *New Ideas in Psychology*. – 2007. – Vol. 25. – P. 108–127.

Ellis N. C. The dynamics of second language emergence: cycles of language use, language change, and language acquisition // *Modern Language Journal*. – 2008. – Vol. 92. – P. 232-239.

Evans V., & Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.

Farooqi-Shah Y. & Thompson C.K. Semantic, lexical, and phonological influences on the production of verb inflections in agrammatic aphasia // *Brain and Language*. – 2004. – Vol. 89. – P. 484–498.

Janssen U. & Penke M. How are inflectional affixes organized in the mental lexicon? Evidence from the investigation of agreement errors in agrammatic aphasics // *Brain and Language*. – 2002. – Vol. 81. – P. 180–191.

Jurafsky D. Probabilistic modeling in psycholinguistics: Linguistic comprehension and production // Probabilistic Linguistics [eds. Bod, R., Hay, J., & Jannedy, S.]. – Cambridge, MA: MIT Press, 2003. – P. 39-95.

Kostić A. & Mirković J. Processing of inflected nouns and levels of cognitive sensitivity // Psihologija. – 2002. – Vol. 35. – P. 287-297.

Lehtonen M., & Laine M. How word frequency affects morphological processing in monolinguals and bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition. – 2003. – Vol. 6. – P. 213-225.

Lieven E., & Tomasello M. Children's first language learning from a usage-based perspective // Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition [eds. Robinson, P., & Ellis, N.C.]. – New York: Routledge, 2008. – P. 168-196.

Marcus G.F., Brinkmann U., Clahsen H., Wiese R., Woest A., & Pinker S. German inflection: The exception that proves the rule // Cognitive Psychology. – 1995. – Vol. 29. – P. 189-256.

Milin P., Filipovic Djurdjevic D., & Moscoso del Prado Martín F. The simultaneous effects of inflectional paradigms and classes on lexical recognition: Evidence from Serbian. 2007. URL: <http://cogprints.org/6188/> (дата обращения: 30.04.14).

New B., Brysbaert M., Segui J., Ferrand L., & Rastle K. The processing of singular and plural nouns in French and English // Journal of Memory and Language. – 2004. – Vol. 51. – P. 568-585.

Oldfield R.C., & Wingfield A. Response latencies in naming objects // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 1965. – Vol. 17. – P. 273-281.

Pinker S. Rules of language // Science. – 1991. – Vol. 253. – P. 530-535.

Pinker S. Words and rules in the human brain // Nature. – Vol. 387. – P. 547-548.

Pinker S. & Prince A. On language and connectionism: Analysis of a parallel distributed processing model of language acquisition // Cognition. – 1988. – Vol. 28. – P. 73-193.

Pinker S. & Prince A. Regular and irregular morphology and the psychological status of rules of grammar // The reality of Linguistic Rules [eds. Lima, S.D., Corrigan, R.L., & Iverson, G.K.]. – Amsterdam: Benjamins, 1994. – P. 321-351.

Prasada S. & Pinker S. Generalizations of regular and irregular morphology // Language and Cognitive Processes. – 1993. – Vol. 8. – P. 1-56.

Schiller N. O., & Caramazza A. The selection of grammatical features in word production: The case of plural nouns in German // Brain and Language. – 2002. – Vol. 81. – P. 342-357.

Schiller N.O., & Caramazza A. Grammatical feature selection in noun phrase production: Evidence from German and Dutch // Journal of Memory and Language. – 2003. – Vol. 48. – P. 169-194.

Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics [eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens]. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 117-138.

Schriefers H. Syntactic processes in the production of noun phrases // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 1993. – Vol. 19. – P. 841-850.

Sereno J.A., & Jongman A. Processing of English Inflectional Morphology // Memory & Cognition. – 1997. – Vol. 25. – P. 425-437.

Smolka E., Zwitserlood P., & Rösler F. Stem access in regular and irregular inflection: Evidence from German participles // Journal of Memory and Language. – 2007. – Vol. 57. – P. 325–347.

Stemberger J.P. Structural errors in normal and agrammatic speech // Cognitive Neuropsychology. – 1984. – Vol. 1, No. 4. – P. 281–313.

Stemberger J.P. Bound morpheme loss errors in normal and agrammatic speech: One mechanism or two? // Brain and Language. – 1985. – Vol. 50. – P. 225–239.

Stemberger J., & McWhinney B. Form-oriented inflectional errors in language processing // Cognitive Psychology. – 1986. – Vol. 18. – P. 329-54

Tabak W., Schreuder R. & Baayen R.H. Lexical statistics and lexical processing: semantic density, information complexity, sex, and irregularity in Dutch // Linguistic Evidence [eds. Reis, M., & Kepsers, S.]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 529-555.

Tomasello M. Constructing a language: A usage-based account of language acquisition. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. – 388 p.

Ullman M.T. Acceptability ratings of regular and irregular past-tense forms: Evidence for a dual-system model of language from word frequency and phonological neighborhood effects // Language and Cognitive Processes. – 1999. – Vol. 14. – P. 47-67.

Vitevitch M.S. The neighborhood characteristics of malapropisms // Language and Speech. – 1997. – Vol. 40. – P. 211–228.

Iosif M. Dzyaloshinskiy, Maria A. Pilgun

УДК 81'23

ENTERTAINMENT MEDIA AND POLITICS: RUSSIAN CONTENT

The study showed that composition of audience groups and the ratio among them has transformed substantially in recent years. Requirements of contemporary audience (including information, entertainment, communication, etc.) have grown significantly in comparison with the recent past. Share of political content in the entertainment sphere is increasing steadily. Although institutionalized groups and associations with the help of professional journalists contribute and distribute the biggest part of political media content, the increasingly big part of it is produced by users themselves. A new classification of media consumer types was proposed.

Keywords: content, audience, media consumer types, entertainment media.

И.М. Дзялошинский, М.А. Пильгун

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ МЕДИА И ПОЛИТИКА: РОССИЙСКИЙ КОНТЕНТ

В статье представлены результаты исследования, которое показало, что состав аудиторных групп и их соотношение в современном медиапространстве в последние годы существенно трансформировались. Потребности современной аудитории (в информации, развлечении, коммуникации и пр.), значительно выросли по сравнению с недавним прошлым. Политический контент все активнее включается в сферу развлечений. Хотя основным субъектом производства и распространения политического медиаконтента по-прежнему выступают институционализированные группы и объединения, пользующиеся услугами профессиональных журналистов, все большая часть контента производится самими пользователями. Предложена новая классификация типов потребителей медиаконтента.

Ключевые слова: контент, аудитория, типы потребителей медиаконтента, развлекательные СМИ.

In the past decades it is widely admitted in Russia that the contemporary mass media is progressively less focused on the public interest and pays more attention to the private one, which is to a large extent determined by market nature of the economy.

Extension of information consumption boundaries is the most important trait of interaction between audience and media today. Previously the biggest part of media content was consumed during leisure hours but today the rapid growth of mobile media popularity results in the fact that a consumer can continuously be in the information flow and this expectedly has affected the political content.

Since Aristotle politics was considered to be a grave matter, which requires knowledge, skills and certain mental set. However, the Postmodernism made substantial adjustments to the politics concept: politics became a show in some of its aspects. And one of the reasons is growth of entertainment origins in the mass media activities.

Politics in the mass media increasingly resemble a carnival, where instead of real people we watch a continuous string of masks, which are usually very ugly and outrageous. And of course at a carnival no one is responsible for their actions.

There are many politicians in Russia, which have been in the politics for many years only because the electorate considers them to be funny clowns. However, the mass media also constantly present them in this role, adding to their popularity. Quite often the clownish start is linked to a claim of a certain protest - either political or social. But this protest has, as a rule, populist-carnival nature. And it is exactly this type of people become popular in the collective consciousness and claim for real participation in political activities.

To interpret this situation scientifically we need to find answers to the next questions: Why entertainment became such a popular form for self-fulfilment of most people? Why politicians so readily participate in a show? Why mass media so willingly became clowns?

This article presents the results of research aimed to find answers the following questions: what is happening to the audience of contemporary mass media; what is the preferred type of content and why; how do mass content producers react to the interests of audience.

In a form of hypothesis we suggested that the higher is the human well-being and the more stable is the relevant sustainability of social order, the less is the interest to politics and the higher is the interest to entertaining content. In response to this trend the mass content producers double the efforts to improve the content quality and attractiveness, because only this type of content attracts audience, and this audience becomes merchandise that can be sold to advertisers. At the same time, politicians need to strengthen links with electorate and this impels the politicians to embed their messages in entertainment content and become showmen.

Method. Participants.

To probe the hypothesis a research was undertaken, which included survey of residents living in large, medium-sized and small towns of Russia, analysis of mass media content and interviews with experts. A 500 respondent survey was conducted (See Table 1).

Research Instruments:

To capture the data the survey was conducted on the platform UNIPARK. Today Unipark is part of the company QuestBack (former Globalpark). Method Questback's internet is based on the principle of EFS-review. EFS-review is based on MySQL, PHP, Apache and Linux and corresponds with the information center Questback's.

After the survey all the data were exported to the program Excel, where they were analyzed. The data was in a form of an array, where each row contained all the answers of a respondent, representing the number corresponding to the number of an answer. Thus, it was possible to carry out calculation of the average values based on one or more parameters, such as age, education level, occupation, etc.

Formula:

To make data calculations the formula counting the average value in the specified range, at the same time specifying some criteria with the relevant ranges of data was used.

One of the criteria was that the value should be greater than zero, so it was possible to eliminate the error in the calculations due to the blank and missed answers (which were coded as 0). The values ranged from 1 to 5.

One of the parameters was used as the other criteria, according to which the study was conducted.

Results and Discussion

What is happening to the audience of contemporary mass media?

The presented research shows that Russian audience should be divided into two types: users and consumers. Users search the information they need and are involved in content creating. Consumers are those who use the offered content thoughtlessly, without any searching or participating. According to our information, the approximate ratio between users and consumers is 20 to 80.

The first important characteristic of users is a real, active involvement in the process of communication. This involvement is manifested in deliberate attitude towards the communication act; selective perception (memorizing, understanding, assessment) of material and its parts; realization (aftereffect) of the information in the conscience and behavior.

The second important characteristic is objectively available abilities of either direct contact the communication initiator, or deferred, but actually possible feedback communication.

Today's consumer as a communication subject type is only a receiver of the offered information and has neither will nor ability to get involved in substantial contact with the communication initiator. [See Dzyaloshinsky & Pilgun 2012; Dzyaloshinsky 2012; Pilgun 2008].

Belonging to either user or consumer groups is determined according to our data by, firstly, social role of an individual and, secondly, by their chosen life strategy. As for a social role all media process participants can be divided into three categories:

Corporative audience that includes various type of people who make decisions and able to directly influence the media scene situation.

Elite audience includes opinion shaping leaders and experts that are authoritative people (usually those are representatives of engineering and humanitarian intellectuals), whose assessments and opinions influence assessments and opinions of other media audience people. Mass audience includes so-called ordinary people.

The corporate audience is, according to our research, not great in number but extremely influential audience that views the mass media neither as an autonomous institute of civil society and nor as a specific, relatively independent information business, but exclusively as an informational and promotional appendant to authorities. Representatives of this group have been always convinced that journalists' only mission is to help the authorities to solve their problems. Thus it can be said that this audience either consciously or unconsciously is willing to make the mass media become a cross-breed between an executive briefing service and a propaganda tool.

The elite audience is highly interested in having access to a great variety of information. It has almost equal interest to political, economical, social and cultural issues. In whole the elite audience reports average satisfaction with the level of information availability. By their assessment the least available is the information about abroad events.

Mass audience is also not completely satisfied with the quality of the provided content. Later we will return to this issue, and now we can list the main, according to the survey, reasons of audience dissatisfaction with the mass media:

1. Complaints against information: not enough of useful information; information is boring;

2. Complaints against journalists' work: distortion of facts; imposing of opinions; exacerbating situation; low level of professionalism; usage of materials from other media and the Internet.

3. Complaints against a publication, a channel: too much of advertising; political prejudice; overpoliticized.

In terms of life strategy (or, in other words - life style, life model), it is about set of basic values that determines perception of one's own actions and actions of others, as well as of information from outside.

Today there are three distinctly dominating strategies and three complementary ones.

The dominant strategies include: Wellbeing strategy, life success strategy and self-actualization strategy.

The complementary strategies include: emotional experience strategy (strategy of gag, strategy of impressions), consumption (glamour) strategy and contemplation strategy.

Dominant strategies:

People with wellbeing strategy are employees payed for the time spent at work according to wages scale. The core of this model is the life wellbeing perceived as family's abundance and living standards of «keeping up with the Joneses». The only aim of work is earning, which makes it possible to live a purposeful life in the free from work time. Responsibilities are painful necessity that has to be done in order to have a good leisure time. In this living model people do not work for the good of business. Instead they impose requirements to business while caring little for its success, because they can sell their labor somewhere else.

Wages in a sense have little relevance to what and how a person does. The wages are paid for the time spent at work, as a pay-off. Information requirements: entertainment information (movies, shows, amazing phenomenon); time-structuring information (crossword puzzles, astrology); consumer information (gardening, household tips, announcements); modeling information (ideas for free time, models of daily behavior). The news information is perceived not as necessary for business, but as part of a show or a topic for communication and discussion in referential groups.

1.2. People professing the life success strategy are mainly managers, experts, self-employed and those without their own ownership share. Success in the today's world is measured by financial well-being and high social status. As a rule, they are professionals. It is indicative that this type of workers are paid not for the time spent at work, according to wages scale, rather they are hired individually, on the basis of qualifications and

prospects of their future contribution to business. Their services are paid in accordance with the actual benefits they have provided.

As for free time, the success-oriented people consider the idea of free time to be absurd.

Their information requirements are focused on professional and business information. They are also interested in the status-related information about the adopted currently consumption standards - clothes, interior, car brands and types, vacation places and their prestige level. News information is required for the orientation in the current socio-economic situation and decision-making.

There is a clear correlation between the level of well-being and interest in political issues [see Petukhov & Barash 2013].

1.3. The self-actualization strategy is supported by people who seek self-actualization in their own business and take full responsibility for its success. For the most part they are entrepreneurs. It also includes representatives of the intellectuals that focused on self-motivated creative activities and implementation of intellectual projects limited only by imagination of authors.

Work is the main priority. For them there is no difference between working and leisure time. Free time matters little to nothing. Such people are never free from work since they have devoted themselves to it, are totally in and the work became the only meaning and condition of their life. They feel responsible for the business success and failures. This attitude provides the sense of freedom and independence.

Free time is the time devoted to meaningful activities.

Information requirements: professional information - situation in the economic or cultural spheres; socio-economic information - news about markets, prices and economic indicators of interest, attitude and actions of the authorities in regards of a certain business sphere; intellectual information - information about main trends in the cultural sphere of society; guiding information about quality and safe for business recreation satisfying their needs and adequate to their status.

Complementary strategies:

Emotional experience strategy attracts people, who believe that vivid experiences are the essence of life. These people are stunts, bikers, extreme sports fans, inveterate travelers. Both work and leisure time is subject to the same imperative: emotional intensity. Life success is perceived as unique emotional experience. Circle of contacts is quite narrow and consist of the like adventurers.

The increasingly big number of Russian people adopts the consumption strategy. Consumption becomes the meaning of life. Life's completeness is indirectly associated with the process of purchases, transactions, or other money and goods operations. Critics of the strategy argue that within its framework human relations are replaced by relations between things; even thoughts and feelings are replaced by things and there are never enough of them.

Followers of contemplation strategy reject active life position, success and consumption and make the main objective of their lives contemplation of nature and art beauties.

Very often the contemplation strategy develops into a strategy of search for new, sometimes very exotic, forms of spiritual self-improvement.

Ratio analysis (according to statistics, population surveys, questionnaires and focus groups) suggests that representatives of self-actualization strategy amount to 5 - 7 % of the working population; representatives of life success strategy make 15 to 20 %; the representatives of emotional experience strategy compose 10 %. The most numerous (up to 60 %) is the group of representatives focused on wellbeing strategy.

Interesting that the majority of respondents evaluate their own media competency as high.

According to the Public Opinion Foundation almost a third of respondents are confident that they can recognize illegal Internet content.

The answers to the next question are also very interesting: Where and to whom will respondents refer in case the accuracy of the information received from the media is questionable? It turned out that during last years the number of people that will not refer anywhere to check the information has rapidly increased (from 1% in 2009 up to 20% in 2011). And even if one would decide to check the information they will refer to Internet, though understanding, that this source of information is not reliable.

Audience attitude towards media content and its creators: question of trust

Level of trust to the most sources of information has been reducing recently: And first of all it relates to television - both central (from 75% to 69%) and local (from 67% to 56%). Reduced is the number of people convinced in trustfulness of central and regional press (from 52 % to 42 %) and central (from 45 % to 35 %) and local radio (from 39 % to 30 %). The degree of confidence is growing towards only one source of information - Internet (from 27 % to 35 %). The highest loyalty index belongs to the central television (45 points). Local television is on the second place (40). The third place with a significant margin belongs to central radio (30). These are followed by Internet (28), central and regional press (26) and local radio (24). The least is the audience level of trust to the foreign media (-4 points) [URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=111297>].

As for the Internet, we asked regular users the next question: «What sources of information about the events in Russia and in the world you trust more - traditional media (newspapers, radio, television) or news and information sites on the Internet?» The results show that only 23% of the «internauts» trust more the online news, while 53% of respondents prefer news in traditional media. Almost a quarter (24 %) of users was undecided with which of the information sources they trust more - Internet or traditional media channels.

This means that although users admit the possibility of obtaining an objective picture of the political situation in Russia based on the Internet materials, still the majority of them at the time the studies were conducted were not ready to trust this information to the same extent as traditional media (table 2).

Those people who claimed trusting the Internet were asked additional open question: «Why do you trust Internet news and information sites? “ More often than not the responders answered that they consider the Internet to be a more objective and independent source of information, rather than traditional media (7%) Other 4% of respondents explained trust to the Internet by mistrust to the traditional media and by availability of diversified and full information in the web.

«Internauts», which trust more the traditional media, were asked an open question about the reasons behind it. It turned out that their main argument was mistrust to the

Internet as a source of information (22 %). In addition to this, traditional news sources were said to be of a greater availability (12 %) and more customary (7 %) Some of them (2 %) explained their position by official status of the traditional media [Internet.ru. Sociological contours 2009].

As for the audience attitude towards media content creators, it was well demonstrated in the responses of the focus-group participants, which were asked to describe in two or three sentences a newspaper or magazine, which they often read, as if it was a man. Here are just a few of the descriptions.

Older man, dependent on his son, boring, serious, but in straw shoes, dusty, grayish, absurd.

Old maid, elderly lady, “oldy”, exhausted, boring, trying to keep path with the youth, loves to lecture, strict, sometimes in a business dress, unsatisfied.

Woman, 50 years old. Unmarried - trying to educate. Always wearing the same strict dress, but sometimes puts on a fancy bow. Catches and speaks out something, strict, cold.

The main feature of all these descriptions is a substandard, comic nature of the attitude to the mass media. They are not perceived as opinion shaping leaders or even anything significant: «He is not someone you can trust with serious matters»...

What content attracts mass audience and why?

Information requirements of the Russian population arise from the need to provide realization to various psychological functions.

The function of social orientation is based on the audience need of information for orientation in the world of social phenomena.

The participation function in the formation of public opinion is based on the need of the society members to be not only passive recipients of information, but to actively participate in the information processes of society, for instance, in formation of a certain public opinion, which is manifested as feedback of different types.

The function of social identification is based on the need of a person to feel their belonging to some groups and dissociation from the other ones. Satisfaction of this need increases the sense of security and self-confidence of a person. Mass media provide virtually unlimited opportunities for recipient selection of their reference groups.

Contact function is associated with the need of an individual to establish contact with another person for self-expression and comparison of their views with the views of other people. Simultaneous perception of mass media messages by vast audience creates some kind of information community, which makes it easier to establish contact with unfamiliar people and to develop relations with familiar ones.

The function of self-assertion and cognition is reflected in the fact that media communications are perceived by recipients as direct or indirect support for their own ideas and views.

Utilitarian function of mass media communication is expressed by the fact that with the help of mass media people finds information with practical orientation and borrows effective models of behavior.

Emotional discharge function is carried out mainly through publications and broadcasts of entertainment nature. However, in some cases entertainment broadcasts

and publications produce a kind of narcotizing effect, sidetracking recipients in world of illusions, hedging them off from real and daily problems.

The surveyed population representatives demonstrated mostly actualized *utilitarian function* and *emotional discharge function*, which is very natural for the audience professing wellbeing strategy.

Less obvious are the interests of audience representatives implementing strategies of self-actualization and success, with their distinct aspiration to obtain reliable and accurate business information. In the opinion of respondents, they have to look for this kind of information reading almost each local publication - which requires significant amounts of time and the results are often not satisfying. So far there are no publications or TV broadcasts that could satisfy this type of the audience at least to some extent.

The function of participation in public opinion formation is «locked» to some extent. The selected strategy of local mass media organization directs members of society towards passive information perception and it results in the fact that social participation of population in the information processes is implemented through informal channels. While the information they provide is not subject to correction, and as a rule is much distorted, forming opposition moods among audience.

Sources for information

In the process of information consumption (including the political) we can single out a few key points: receipt, verification, evaluation. Whereas some sources are used to receive information, after that the information is usually verified in other sources, while assessment of its value and trustworthiness is defined in the process of contact with third-party sources.

For each sphere of the information there are different sources of receipt, verification and evaluation. Here we will identify seven of important for the audience spheres: family, health, education, household, politics, culture, recreation (entertainment). A person can perceive the information in one sphere automatically, in another - by comparing and in the third - critically. It all depends on the extent of topic importance and experience of a percipient. Besides, the choice of sources and preference of some sources over other helps to define the vector of interest of the studied groups of population.

Within this model there are three style of information perception: *automatic*, *comparing* and *critical*.

In the process of focused interviews respondents were asked to range the spheres of information in accordance with their importance and to determine for each of them the sources of information receipt, verification and evaluation. Table 3 shows the results of this survey.

It should be noted that the politics sphere was ranked only the fifth by its degree of importance for respondents. Here is the sequence of spheres by their degree of importance: family, health, education, household, politics, culture, recreation (entertainment). Only for «politics» and «culture» categories the mass media turned out to be a «clean» source of information. In the «politics» sphere the mass media is also a source of information verification (in different publications and channels). Here we define the *comparing* information style. Only in the «culture» sphere the respondents trust media both delivery of information and its evaluation, actually borrowing the last. Here we can note the *automatic* perception of information. For the rest of spheres the respondents focus on

critical perception of information, actively using both formal and informal channels for receipt, verification and evaluation of the information.

Analysis of responses to the question about the main sources of information once again proved the iteratively documented pattern: television is the most significant source of information for Russians. Further in descending order: newspapers, radio, friends, familiar and colleagues and on the last place - magazines (Table 4). Besides, this hierarchy has almost no correlation with characteristics of respondents or their places of residence. In certain groups sometimes magazines swap places with other sources of information (friends, familiar, colleagues; the Internet; rumors, gossip).

As for television, it is primarily regarded as a translator of feature films, informational, entertainment and music programs (Table 5).

Uneven reduction of TV usage in different groups is changing the composition of television audience, its sex-age structure. Each passing year increases the proportion of women and viewers aged over 55. The main and obvious reason for these changes is the competition of the Internet and other new media over time and attention of the audience. According to the TNS electronic measurements of TV watching, Internet users watch television almost one hour less (167 min. a day) than nonusers (260 min.). Young people are more involved in the Internet use, rather than the representatives of the senior generations; men are slightly more involved than women¹. This largely explains the disproportionate decrease of TV usage and changes in the television audience composition.

Bulk of the audience (about 90 %) is still attracted by 20 federal TV channels, with «the big three» channels (Channel one, Rossiya 1, NTV) holding 46% of audience. The three largest commercial television networks (STS, TNT and REN-TV) cumulatively hold 20% of TV audience and 23% are divided between 14 niche terrestrial channels. Also for the audience attention compete about 250 non-terrestrial thematic TV channels, distributed by agents of cable, satellite and IP television (8.6 % TV audience) Significantly smaller volume of audience gather local terrestrial broadcasters (cumulatively less than 3 %).

Competition between television and new media determines the following long-term trends in Russian TV usage:

reduction of the aggregate time of TV usage;

changes in the socio-group structure of television audience related to the disproportional reduction of TV usage in different audience groups (increase of women and elderly people proportion);

increase in the «non-linear» consumption of television content through new digital platforms (primarily via the Internet), which is not «taken into account» by the existing measurement system of TV watching and either not monetized (illegal downloading), or is taken into account and monetized as part of Internet consumption (Internet-portals, offering access to licensed content). Respectively, the advertisement budgets flow from television to the Internet.

¹ Source: ACVI «Television in eyes of viewers», 2011 (survey of urban population of age 15 and older). Op. cit.: Industry report «Television in Russia. Status, trends and prospects for development», 2012.

With respect to the radio audience, all-Russia radio audience measurements (VCIOM) show that about 40% of Russian people do not listen to the radio, and in the small towns and rural areas this number is higher and amounts to 44-45 %.

In respect of print media, the audience of the most readable and influential printed daily newspapers, such as Vedomosti, Izvestiya, Kommersant, Moskovsky Komsomoletz, RBK-daily, Rossiyskaya gazeta ranges from 79.7 (RBK-daily) up to 1213.1 (Rossiyskaya gazeta) thousands of readers a day. Audience of weekly magazines (Dengi, Itogi, Kommersant-Vlast, Ogonek, Russkiy reporter, Finansy) is from 258.8 (Dengi) to 806.3 thousands of readers (Ogonek) (TNS Gallup Media. National Readership Survey. – URL: <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/press/index.wbp?press.action=search&press.regionId>).

Hence the socio-political printed press is read by 0.4 % - 6.7 % of the country population. People spend an average of hour a day for reading newspapers and magazines (Kolomietz, 2010). Consumers of this information source are mainly people interested in receiving news, but for whom the Internet is yet to become the major source of the information. According to surveys, among readers of print media middle and top managers amount to only 5% (Crocus Consulting, 2010). According to expert survey of public relations professionals, in spite of the fact that the demand for the printing press dropped significantly, publishers do not reduce the number of runs, because their advertising budgets depend on this factor.

Considering today's Russian mass-media, we can state that it progressively becomes a mean for audience entertainment. Over the past five years the share of entertainment programs, movies and series in the broadcast of 16 federal channels has increased from 52 to 66 %. 23% of air time is assigned to movies. Since 2005 the percentage of series has doubled and amounts up to 21 %. Whereas the Channel One, Rossiya 1, NTV, STS, TNT broadcast mainly domestic serials, while niche channels (DTV, TV3, Zvezda, Muz-TV) show as a rule foreign ones, states the publication. In fact political content takes less than 4% of air time on the Russian television (http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/05/26/n_1855761.shtml).

According to TNS Gallup Media, in 2012 with average share of the Channel One - 21.0, Rossiya - 17.0 , NTV - 13.5 , STS, 8.8 and TNT - 6.7, two channels - STS and TNT, according to their officially claimed concepts, are purely entertaining and form their broadcasting grid exclusively of movies, series, situation comedies, popular shows, comedy programs, games and reality TV shows. The leaders are followed by six channels of the «second-level» - REN-TV with share of 4.4; TVC - 2.9; TV-3 - 2.2; Domashniy - 1.9; Sport - 1.9 and DTV - 1.8. Here the ratio is already 50/50: Three channels - TV-3, Domashniy and the DTV are promoted as entertainment television broadcasters. The most of relatively new specialized terrestrial and nonterrestrial channels - Muz-TV, MTV-Rossia, TU-1000. Russkote Kino, Russkiy Illusion, A-One TV, VH-i, Style TV, 2x2.

Shift of the scheduling toward the entertainment formats is also noticeable in broadcasts of leading nationwide (coverage of over 50% of the population) generalized channels - Channel One, Rossiya, NTV and REN-TV. The total amount of socio-political broadcasting on average in 2012 amounted to a total of 17 %. Watching grids of television leaders are consistently filled with «easy» (games / entertainment / humor / leisure) content lacking any social importance. Furthermore, the traditional genres of socio-

political broadcasting, such as news, analytics, and documentary - on these channels are often transformed into infotainment, or, downgrade and obtain features of «yellow» journalism that also contributes to the general trend.

The Russian newspaper industry also represents a vivid example of transformation of informational models towards the entertainment. Statistics confirms: Publications of yellow type and TV-guides, which concepts by definition have entertainment nature, are the absolute leaders in the market of daily and weekly periodicals.

According to Rospechat, in 2012 the most popular among Russian readers were the next newspapers: Argumenty i Fakty (14% of audience), Antenna-Telesem (8%), Moya Semya (6%), Zhizn (6%), Spid-Info (6%), Moskovsky Komsomoletz (5%). A sports publication the Sport-Ekspress took the eighth position (3 %). And only on the ninth place of the rating table is the first socio-political quality newspaper the Izvestiya (2% of the audience). The remaining high-quality newspapers barely reach 1 %.

The same trends are evident in the Russian radio segment. As of 2012, the share of news/talk radio stations on the market is only 18 %. In general the market is shared by radio stations of music formats, mainly these four: CHR (14 to 21 years audience), Hot AC (21-28 years), Soft speakers AC (28-42 years) and Oldies (42-49 years). Most of new projects on the radio market is created in the segment of niche music broadcasting, (e.g., radio station «KINO FM», which rotation consists of popular movies soundtracks) [Debre 1999].

For effective interaction with the mass media the skills of news making become crucial. News is a tool of attracting attention to a political event, a certain structure, political person or idea. The attracted attention should not be abstract, but leading to positive relationships, affecting increase in sales of goods or services, or establishment of authority in society.

Thus, we can conclude that the information and its distribution through a variety of mass media channels are well-established in the entertainment industry as a whole. Political content has little chances to be popular with the Russian audience unless it is included in an entertainment segment.

Relationship between entertainment media and politics in Russia recently are built in compliance with the two trends: (1) emergence of media resources, which represent the political content in entertaining form (NTV show «K Baryery!» with V. Solovyov, «Moment Istiny» with A. Karaulov, etc.). Broadcasts, claiming the status of political analytics (as for instance the informative political show «Postscriptum» with Aleksey Pushkov) almost identically offer an entertainment version of political event interpretations.

(2) including of political content in entertainment media. Most actively this strategy is used by the leader of Liberal Democratic Party of Russia. V. Zhirinovskiy

[<http://www.ldpr.ru/#leader>]. V. Zhirinovskiy is a member of LDPR since 1989 and since 31th of March 1990, he is the president of Liberal Democratic Party of Russia. From the very beginning on the political stage of Russia V. Zhirinovskiy took the position of a political leader with a provocative communication strategy. He naturally fits into any formats of entertainment media and that helps him to maintain stable position among the electorate up to this day. Rating of V. Zhirinovskiy has been consistently high during all the 23 years of his political career.

Conclusion

Relationship between entertainment media and politics in Russia today are defined by trends of inclusion of political content in traditional entertainment media.

The study showed that composition of audience groups and the ratio among them has transformed substantially in recent years.

It is proven that the existing audience models do not explain the complexity of the relationship between interacting within the frame of media scene initiators and recipients. A new classification of media consumer types was proposed, which helps to single out of the audience composition of the groups that differ both by social status and by life strategy.

Most of the surveyed representatives of different audience groups highly evaluate their own media-competence and are convinced that they are able to show discrimination in features of mass media and the produced media content. The study confirmed the stated in other works thesis on reduction of trust to the media in all of audience groups.

Requirements of contemporary audience (including information, entertainment, communication, etc.) have changed significantly in comparison with the recent past. Audience expects from media entertainment, trusted communications and heart-to-heart conversations, sense of stable and decent life, positive news. And this suggests the transformation of professional matrices, search for fundamentally different approaches to scheduling of political content.

In response to these needs the mass media increasingly interact with the field of entertainment. Because the entertainment content helps to collect maximum audience and then «sell» it to advertiser. In terms of market the mass-media is used as part of selling goods and services systems and in marketing strategies of manufacturers. Here the media is focused not so much on the political and cultural needs of a society, but rather on required by advertisers consumer needs of target audiences.

As a result the media becomes an organizing industry along with the process of content creating and distribution - delivery of advertising to consumers. To achieve the maximum efficiency the industry is merging the previously separated segments of mass media and entertainment. Electronic mass media start to play a special role because a strong manufacturing sector with recording studios, film studios, producing companies, TV enterprises, photo-services and other emerges to satisfy its needs. By creating relatively cheap content products, this sector reinforces the commercialization of media content. The economy based on consumption reasonably stimulates mass media movement towards the entertainment industry.

Secondly, due to development of technological progress emerge new consumption platforms and media delivery channels based on the digital mobile technologies, which provide new opportunities for the distribution of political content in an entertainment form.

Thus in the course of economic and social processes the modern mass-media becomes an integral part of the industry of recreation and entertainment and demonstrates certain changes in the media nature (first of all political), associated with both recreational function enhancements and direct participation in the entertainment industry.

Although institutionalized groups and associations with the help of professional journalists contribute and distribute the biggest part of political media content, the increasingly big part of it is produced by users themselves.

Amateur political journalism, which is actively developed in the Internet, triggers many questions so far. On the one hand, its influence on certain audience groups is already comparable to influence of the traditional media. On the other hand the low quality of content produced by amateur journalists makes these kind of journalism a phenomenon specific to certain niche groups.

References

Debray R. Introduction à la médiologie. – Paris: Premier Cycle, P.U.F. - 1999. – 368 p.

Industry report «Television in Russia. Status, trends and prospects for development» (2012). ACVI «Television in eyes of viewers», 2011 (survey of urban population of age 15 and older). Moscow: MSU.

Internet.ru. Sociological contours. Moscow: Econ-Inform, 2009. – 140 p.

Crocus Consulting Russian middle class read news on the Internet and do not watch TV. (2013) - URL: <http://www.korusconsulting.ru/defacto/release/october-2010/labwork/> (15.08.2013).

Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М.: АПК и ППРО, 2012. – 592 с.

Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Стратеги и тактики коммуникационного воздействия // Меди@льманах. 2012. № 5. – С. 6-16.

Петухов В., Бараиш Р. Хотят ли россияне демократию, и, если хотят, то какую? http://www.perspektivy.info/rus/gos/hotat_li_rossijane_demokratiju_i_jesli_khotat_to_kakuju_2013-04-17.htm (12.09.2012).

Пильгун М.А. Средства выражения оценочности в медиатексте в контрастивном аспекте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2008.- № 3. – С. 21-34.

Appendix

Table 1.

Respondent general characteristics

Characteristics	% of total number of respondents
The place of residence	
Moscow	39.2
Megapolis	24
Large City	14.4
Town	12.3
Village	10.1
Sex	
Male	46.2
Female	53.7

Age	
Up to 21 years	37.5
22 - 34 years	27.8
35 - 55 years	20.8
Over 55 years	13.9
Education	
General secondary	3.8
College Degree	28
Higher education	31.3
Incomplete higher education (learning)	28.4
Have an academic degree	8.5
Type of activity	
Industry (including transportation, communication, construction)	7.2
Agriculture	3.6
Trade, catering, housing and communal services, consumer services	5.5
Health, social welfare	4.5
Education	10.9
Culture	5.8
Crediting, finance and banking	5.4
Government department	3.8
Social organizations	4.3
Mass media	8.5
Retired pensioners	4.3
Students of higher and secondary educational institutions	19.8
Army, law enforcement bodies	4.2
Temporarily unemployed, housewives, people on care leave, etc.	5.1
Another sphere	7.1
Employment status	
Senior Manager (director, deputy director, chief engineer, chief expert, officer, etc.)	9.7
Middle management (head of shop, head of the department, master, team leader, etc.)	25.9
Average worker (worker, clerk)	64.4

Table 2.

Distribution of responses to the question “What sources of information about the events in Russia and in the world you trust more - traditional media or sites on the Internet?”

	Internet users in general	Moscow	Megapolis	Large city	Small city	Village
Traditional mass media	53	40	42	60	62	63
Sites in the Internet	23	37	21	18	19	15
Were undecided	24	23	37	22	19	22

Table 3.

Summary table of information sources

Category	Receipt	Verification	Evaluation
1. Family	Relatives	Relatives, books	Relatives, myself, books
2. Health	Mass media (special publications or columns), relatives	Relatives, experts	Experts, relatives, myself
3. Profession	Experts, books	Experts, books	Experts, books
4. Household	Advertising, relatives, media (specialized publications or news)	Myself, relatives	Myself, relatives
5. Politics	Mass media	Experts, Mass media	Books, relatives, myself
6. Culture	Mass media	Mass media, books	Myself, Mass media
7. Recreation	Advertising, friends	Myself, friends	Myself, friends

Table 4.

Assessment of mass media source importance (ranks)

Sources of information	Ranks
Television	1
Newspapers	2
Radio	3
Another source	4
Magazines	5

Table 5.

TV broadcasts that are popular with representatives of the population
(% of respondents in a row)

Types of TV broadcasts	Russian TV	Regional TV	City TV
Feature films	90.1	28.0	32.7
Informational	87.5	51.1	55.6
Entertainment, music broadcasts	74.3	21.1	24.8
Documentary films	36.5	10.3	8.0
Announcements, advertising	13.7	11.8	19.3
Other (<i>sports; children; historical; scientific, scientific and popular; about the nature, animals; military theme</i>).	1.4	0.4	0.4

А.Ш. Каганов

УДК 81'23

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ
ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НИЗКОЙ СОПОСТАВИМОСТИ ИСХОДНОГО
И СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА В ЗАДАЧЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОВОРЯЩЕГО**

Темой настоящей статьи является обсуждение применимости методов моделирования для преодоления кажущейся несопоставимости речевого материала звукозаписей: исходных (полученных, например, в процессе оперативно-розыскных мероприятий) и образов голоса и речи фигуранта криминалистической экспертизы. Статья основана на литературных источниках и материале криминалистических экспертиз, выполненных автором.

Ключевые слова: голос, кибернетика, криминалистика, модель, речь, речевой аппарат.

Alexander Sh. Kaganov

**USE OF THE SIMULATION FOR OVERCOMING LOW COMPARABILITY
OF SOURCE AND COMPARATIVE OF SPEECH MATERIAL
IN TASK OF FORENSIC IDENTIFICATION OF THE SPEAKER**

The theme of this article is to discuss of applicability of simulation methods to overcome the low commensurability of recordings: unknown speaker's record and sample voice and speech of suspect in a crime. This article is based on literature data and on the material of forensic examinations made by the author.

Keywords: voice, cybernetics, criminalistics, simulation, speech, vocal apparatus.

Введение

Успешное решение задачи криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи связано с преодолением ряда трудностей, обусловленных растущим многообразием речевого материала, поступающего на экспертизу.

Фонограммы, подлежащие исследованию, очень часто характеризуются недостаточным объемом, зашумленностью, низкой разборчивостью, невысокой (на первый взгляд) сопоставимостью исходной и сравнительной записей, различием технических характеристик каналов записи и др.

За прошедшие годы к перечисленным выше сложностям добавилась еще и проблема идентификации дикторов, говорящих на т.н. этнических языках, которая в настоящее время приобретает все большую актуальность.

Не пытаюсь в данной статье охватить весь перечень перечисленных выше трудностей, остановимся только на вопросе преодоления низкой сопоставимости исходных и сравнительных записей, используемых в процессе идентификационно-го исследования, который уже частично освещался в наших работах¹.

Успешному решению этого вопроса может помочь использование в процессе криминалистической идентификации диктора методов моделирования. Эти методы давно и широко применяются в различных сферах человеческой деятельности при построении и отработке сложных систем². Большая советская энциклопедия определяет моделирование как *«исследование объектов познания на их моделях... для определения, уточнения их характеристик, рационализации способов их построения...»*.

Не обсуждая подробно вопросы классификации методов моделирования, отметим только, что любая классификация таких методов обречена на неполноту, тем более что терминология в этой области опирается не столько на строгие правила, сколько на языковые, научные и практические традиции. Чаще всего эта терминология определяется в рамках конкретного контекста и вне его никакого стандартного значения в себе не несет.

Типичным примером может служить термин «кибернетическое моделирование»³, при котором обычно абстрагируются от структуры изучаемой системы, рассматривая последнюю как «черный ящик». Сама модель системы при таком подходе строится в терминах соотношения между состояниями ее «входов» и «выходов»⁴.

Если модель и моделируемый объект имеют одну и ту же физическую природу, то говорят о физическом моделировании⁵.

Возможность переноса результатов, полученных в ходе построения и исследования моделей, на оригинал, основана на том, что модель в определенном смысле отображает (воспроизводит, моделирует) какие-либо черты этого оригинала, например поведение органов речевого аппарата диктора в том или ином его эмоциональном состоянии, если речь идет о фигуранте криминалистической экспертизы.

I. Применение метода моделирования для выбора речевого материала при невозможности получения нового образца

Рассмотрим вначале случай, когда у эксперта-исследователя нет возможности получить новый, отвечающий всем необходимым требованиям, образец голоса и звучащей речи лица, подозреваемого в совершении преступного деяния. Поясним,

¹ См., например, [Каганов 2010: 137].

² См., например, Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин. Моделирование как метод научного исследования: (гносеологический анализ). – М.: Издательство Московского университета, 1965. – 248 с.

³ Задачу криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи можно рассматривать как задачу речевой и аналитической кибернетики (см., например, [Каганов 2012: 19]).

⁴ Напомним, что «входы» соответствуют внешним воздействиям на изучаемую систему, а «выходы» – ее реакциям на них, т.е. ее поведению.

⁵ Типичным примером физического моделирования может служить работа имитатора, который пытается воспроизвести речь другого человека с помощью средств своего речевого аппарата.

что такой образец необходим для сравнения с речевым материалом, зафиксированным на исходной записи, полученной, например, в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Преодолению низкой сопоставимости исходного речевого материала и сравнительной записи способствует, наряду с другими факторами, и правильный подбор тех фрагментов исходной фонограммы, которые будут впоследствии использованы в процессе сравнительного анализа. Вопросы такого подбора нередко носят нетривиальный характер и каждый раз требуют специального рассмотрения.

Известно, что в криминалистике и в теории судебной экспертизы широко используется понятие функционально-динамических комплексов (далее – ФДК) навыков, носителем которых является человек [Орлова 1997: 124]. Навыки имеют свою физиологическую основу, механизмы реализации, этапы формирования. Будучи материально отображенными в обстановке расследуемого события, ФДК навыков оказываются источниками важной криминалистической информации.

Проиллюстрируем использование ФДК навыков звучащей речи для моделирования работы фонационного аппарата подозреваемого, который находился в пониженном эмоциональном состоянии во время отбора у него образца голоса и звучащей речи.

На рис. 1 приведено распределение частоты основного тона (далее – ЧОТ) голоса неизвестного фигуранта (далее – фигурант **М**) в условиях воздействия шумов при заметной активизации эмоционального состояния участников разговора, в котором шел спор о сумме взятки (кривая 1). На этом же рисунке (кривая 2) показано распределение частоты основного тона для фонограммы-образца, на которой подозреваемый в пассивном, вялом эмоциональном состоянии читал в кабинете следователя предложенный ему текст⁶, в среднем, обычном для этого диктора темпе⁷ речи.

Из сравнения кривых 1 и 2 видно, что распределения сильно отличаются друг от друга: среднее значение частоты основного тона для распределения исходной записи ≈ 125 Гц, для фонограммы образца ≈ 109 Гц. Темп речи в первом случае составил около семи слогов в секунду, а во втором (при чтении текста-образца длительностью около шести минут) – пять-шесть слогов в секунду. Такое отличие распределений ЧОТ и темпа речи объясняется разницей в эмоциональном состоянии диктора: активным в исходной записи и пассивным в образце. Таким образом, активное эмоциональное состояние характеризуется более высоким значением средней частоты основного тона и более быстрым темпом речи.

Сопоставление исходной и сравнительной записей по параметрам частоты основного тона и темпу речи (см. столбцы «исходная» и «образец (чтение)» табл. 1. показывает их несовпадение. Указанное несовпадение, однако, не следует связывать с биометрическими характеристиками фонационного аппарата. Расхождение

⁶ Указанный текст представлял собой фрагмент уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

⁷ В процессе получения образцов голоса и речи информанту (свидетелю, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему) в числе прочих тестов предлагают прочитать тексты как в нормальном для данного индивидуума темпе, так и в убыстренном [Каганов 2005: 237].

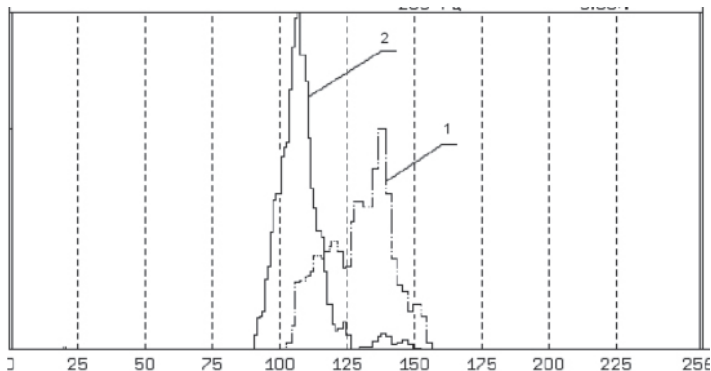

Рис. 1. Распределение частоты основного тона для речи М в исследуемом диалоге (кривая 1) и при чтении подозреваемым текста в нормальном для него темпе речи (кривая 2).

в параметрах основного тона и темпа речи в табл. 1 могут быть объяснены ситуативными условиями записи исходной и сравнительной фонограмм (спор о сумме взятки «на повышенных тонах» в исходной записи и чтение текста в кабинете следователя после предъявления обвинения в записи-образце). Неодинаковость речевых ситуаций и породила различие в степени напряженности голосовых связок фигуранта и как следствие несовпадение речевых структур.

В процессе исследование речи М было отмечено, что ее характерной особенностью являлось постоянное, вошедшее в навык, употребление им нецензурной лексики не несущей функциональной нагрузки. Нецензурная лексика, а также т.н. слова-сорняки (“это”, “это самое” и др.) занимали в исходной записи $\approx 6,2$ сек. из общего объема речи М длительностью ≈ 13 с., т.е. около половины его речевой продукции. Эти выделенные фрагменты сближались со сравнительной записью по темпу речи, степени напряжения голосовых связок, акустическим характеристикам источника возбуждения речевого тракта (см. столбец «исходная фр.» табл. 1).

Они служили своеобразной зоной отдыха для говорящего и выполняли функцию связки с другими фрагментами высказываний. Это весомый факт в пользу идентификации фигуранта. Существенно отметить, что данные аудитивной и лингвистической частей комплексного идентификационного исследования также свидетельствовали об идентичности голосов и речи на исходной и сравнительной фонограммах.

Табл. 1.

Параметры основного тона и темпа речи	фигурант М		
	исходная	исходная фр.	подозреваемый образец (чтен.)
Медиана основного тона, Гц	126	109	107
Среднее значение ОТ голоса, Гц	125	111	109
Максимальное значение частоты ОТ, Гц	152	120	139
Минимальное значение частоты ОТ, Гц	102	104	93

Относительное значение диапазона ОТ	1,3	1,5	1,6
Количество слогов в секунду	7	7	5–6

столбец «исходная» – исходная запись в целом;
 столбец «исходная фр.» – фрагменты исходной записи с нецензурной лексикой;
 столбец «образец (чтен.)» – сравнительная запись (чтение **М** текста в нормальном темпе).

Средневзвешенное относительное отклонение параметров основного тона и темпа речи выборок исходного речевого материала (столбцы «исходная» и «исходная фр.» табл. 1. от параметров фонограммы-образца составляет соответственно 14,5% и 8,7%.

Хотя оба значения не выходят за пределы допустимой внутридикторской вариативности⁸, приведенный выше анализ параметров основного тона и темпа речи подтвердил большую (по сравнению с исходной записью в целом) близость акустических характеристик нецензурной лексики и слов-сорняков в исходной записи **М** и чтения подозреваемым текста в фонограмме-образце. Иными словами, выделение идентификационных признаков, основанных на ФДК навыков лексической группы, позволили провести на исходном речевом материале моделирование работы фонационного аппарата **М** в пассивном, вялом эмоциональном состоянии, преодолев тем самым недостаточную сопоставимость исходной записи данного фигуранта и образца голоса и речи подозреваемого.

Подобные ситуации не относятся к числу единичных и заслуживают специального психолингвистического исследования, поскольку нельзя утверждать, что описанная близость акустических характеристик нецензурной лексики к различным видам нейтральной речи представляет собой общее явление. Не исключено, что возможны и другие соотношения, т.е. в массе экспертных ситуаций нецензурная лексика может выступать как в функции передышки, так и, напротив, в функции выразителя состояния возбуждения.

В любом случае, однако, приведенный пример ярко иллюстрирует тот факт, что использование ФДК речевых навыков (в данном случае – навыков лексической группы) может оказать существенную помощь при отборе речевого материала исходной записи в процессе определения фонационных характеристик фигуранта экспертизы в тех случаях, когда у эксперта-исследователя отсутствует возможность получения нового образца голоса и речи⁹.

II. Моделирование речевой ситуации исходной записи в процессе получения образца

Рассмотрим еще один случай использования метода моделирования в процессе отбора речевого материала при решении задачи идентификации личности говорящего. Речь пойдет о моделировании ситуации речевого общения в ходе получения сравнительной записи.

⁸ Напомним, что предельно допустимая внутридикторская вариативность характеристик основного тона согласно литературным источникам составляет от 15 до 20% [Рамишвили 1991: 31].

⁹ Например, в тех случаях, когда на момент проведения экспертного исследования фигуранта экспертизы уже нет в живых.

Известно, что полновесный образец голоса и речи фигуранта идентификационной экспертизы не ограничивается чтением текстов [Каганов 2012: 125]. Такое чтение составляет лишь часть фонограммы-образца, которая в обязательном порядке должна включать в себя также запись свободной неподготовленной заранее речи.

Обсудим построение и содержание беседы с фигурантом экспертизы¹⁰, если речь идет об отборе образцов голоса и речи для сравнительного идентификационного исследования. Беседа должна быть построена так, чтобы больше говорил фигурант. Пример такой беседы можно найти в журналистских интервью, в разговорах на свободную тему, полученных из семейных архивов, и (что для нас особенно важно) в звукозаписях допроса свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого.

Поясним, что согласно п. 4 ст. 189 УПК Российской Федерации

«По инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, **аудио- и (или) видеозапись** (выделено нами. – А.К.), киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются».

Тема разговора в процессе записи образца не обязательно должна быть целиком связана с обстоятельствами расследуемого дела. Рассказ фигуранта может включать в себя также фрагменты повествования о его жизни, профессии, о каких-либо событиях в городе, в стране. В зависимости от темы, от характера фигуранта и лица, производящего запись (интервьюера, судьи, следователя, специалиста¹¹, может преобладать монологический или диалогический вид речи. Это спонтанная звучащая речь. Объем речи может быть определен с точки зрения состава (монолог, диалог, бытовые и профессиональные темы) и длительности звучания речи фигуранта ≈ 12 минут (± 2 мин.)¹². Этого будет достаточно для того, чтобы выявить многие особенности речи по сравнению с литературной нормой. Например:

- оканье / аканье / иканье / ёканье / яканье (яканье – произношение типа *сестра* – как [с'астра], *понедельник* – как [п'н'ад'ел'н'ик] и др., которое встречается в среднерусских диалектах, например, в Брянской и Калужской областях);
- распределение оканья по слогам: предударным и заударным, в предложениях (под, от, про и др.);

¹⁰ В данном контексте под фигурантом экспертизы понимается тот обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший, образец голоса и речи которого отбирается для последующего сравнительного анализа.

¹¹ В соответствии с п. 1 ст. 58 УПК Российской Федерации специалист может привлекаться «к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела».

¹² Здесь разговор идет именно о длительности звучания речи данного фигуранта, а не о длительности сравнительной звукозаписи в целом.

- соседство оканья и аканья, иканья и ёканья, преобладающий вариант;
- изменение фокуса артикуляции гласных и согласных (сдвигание вперед или назад, сдвигание фокуса артикуляции по направлению к средней части ротовой полости);
- особенности качественной и количественной редукции безударных гласных, особенности реализации формулы А.А. Потебни;
- степень мускульной напряженности согласных;
- особенности произношения шипящих (огубленность, полумягкость, шепелявость);
- особенности произношения свистящих, прежде всего мягких;
- степень плотности смычки, прежде всего у переднеязычных смычных;
- стилистические особенности;
- интонационные особенности (типы интонационных конструкций, степень контрастности центра ИК, место центра ИК, количество слов в ИК и др) [Брызгунова 2007: 102] и др.

Интересно отметить, что эксперты-исследователи, как правило, стараются выбрать для анализа (если это позволяет протяженность фонограммы-образца) вторую половину сравнительной звукозаписи. Это связано с тем, что в начале допроса фигурант чаще всего скован, психологически напряжен. По мере развития диалога с судьей, следователем или специалистом фигурант, как правило, раскрепощается, забывается, начинает говорить в своей обычной, естественной манере. Именно эту часть записи-образца предпочтительнее использовать впоследствии для сравнительного идентификационного исследования.

Таким образом, правильное моделирование речевой ситуации в процессе получения сравнительной записи позволяет повысить сопоставимость исходной фонограммы и фонограммы-образца и получить материал, пригодный для проведения криминалистического исследования на всем поле идентификационных признаков.

III. Моделирование эмоционального состояния говорящего за счет искусственного ослабления обратной связи

Продолжая обсуждение вопросов преодоления низкой сопоставимости исходной и сравнительной фонограмм, перейдем к случаю такого моделирования работы органов речевого аппарата, которое отражало бы эмоциональное состояние фигуранта экспертизы.

В кибернетике давно и хорошо известно понятие обратной связи [Солодовников 1967: 146], которую можно определить как обратное воздействие результатов процесса на его протекание или воздействие управляемого процесса на управляющий орган. Таким образом, в системах с обратной связью дополнительно появляется еще один информационный поток – от управляемого объекта к системе управления [Летов 1969: 181]. Этот поток и принято называть обратной связью. Обратная связь характеризует системы регулирования и управления в живой природе, обществе и технике.

С этой точки зрения процесс продуцирования и восприятия речи самим говорящим можно представить в виде следующей схемы на рис.2

Рис. 2.

Роль обратной связи в данной модели играет та часть воспринимаемой человеком звуковой волны (порожденной его собственным речевым аппаратом), которая распространяется обычным, т.е. воздушно-жидкостным путем, а не передается через т.н. костную проводимость. Воздействуя на этот канал слуховой информации, можно управлять процессом порождения речи.

Проиллюстрируем приведенное положение примером из нашей экспертной практики. В одном из экспертных исследований (речь шла о решении задачи криминалистической идентификации личности говорящего по голосу и звучащей речи) мы столкнулись со случаем несопоставимости исходной фонограммы, полученной в процессе ОРМ (оперативно-розыскных мероприятий), и образца голоса и речи обвиняемого, полученным в процессе допроса.

Несопоставимость двух звукозаписей была обусловлена различием в эмоциональном состоянии фигуранта и в ситуационных условиях общения. Разговор с потерпевшей, записанный на исходной фонограмме, проходил с глазу на глаз, без свидетелей в кабинете обвиняемого, т.е. на его рабочем месте. Фигурант экспертизы (военный прокурор) находился в активном эмоциональном состоянии, вел разговор уверенно, говорил хорошо отработанным командным голосом.

Образец голоса и речи отбирался у фигуранта в ходе его допроса, после предъявления ему обвинения. Обвиняемый находился в пассивном эмоциональном состоянии, скользящим к подавленности, его речь на протяжении всей фонограммы-образца была монотонной, вялой.

Экспертами было заявлено ходатайство об отборе у обвиняемого еще одного образца его голоса и речи. В рекомендациях по отбору нового образца специалисту или следователю, производившему запись, было предложено перед ее началом надеть на фигуранта наушники. Это было сделано с тем, чтобы ослабить обратную связь, в роли которой (согласно рис. 2) выступали те звуки, которые

человек воспринимает благодаря воздушно-жидкостной проводимости его слухового аппарата [Шиффман 2003: 505], т.е. когда ухо выступает в роли анализатора внешней среды, а звук является внешним раздражителем¹³.

После ослабления обратной связи, когда фигурант, надев наушники, стал хуже себя слышать, он непроизвольно усилил голос. Тем самым была смоделирована работа его речевого аппарата в условиях, характерных для записи исходного речевого материала. Результаты сравнения численных значений параметров ЧОТ и спектральных характеристик русских гласных (в фонетически сильных позициях), выделенных в процессе исследования речи фигуранта в исходной записи и в новом образце, показали, что различие значений соответствующих фонационных и артикуляционных характеристик оказалось значительно меньше пределов внутридикторской вариативности.

Необходимо подчеркнуть, что – как и в примере из раздела I – данные аудитивной и лингвистической частей комплексного идентификационного исследования также свидетельствовали об идентичности голосов и речи на исходной и сравнительной фонограммах

Таким образом, обратная связь в виде внешнего слуха диктора, позволяет контролировать и учитывать действительное состояние управляемой системы (в нашем случае речевого аппарата) и вносить соответствующие корректировки в алгоритм ее управления.

Заключение

Представленный в статье анализ применения методов моделирования для преодоления низкой сопоставимости исходного и сравнительного речевого материала показывает, что общие принципы моделирования (на которых базируется по существу любой метод экспериментального научного исследования, использующий предметные модели) могут быть успешно использованы в задаче криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи.

¹³ Известно, что существуют два способа передачи звуковых колебаний к рецепторам – воздушная проводимость и костная проводимость. В случае воздушной проводимости звуковые волны попадают в наружный слуховой проход и вызывают колебания барабанной перепонки, передающиеся на слуховые косточки – молоточек, наковальню и стремечко; смещение основания стремечка, в свою очередь, вызывает колебания жидкостей внутреннего уха и затем – колебания основной мембраны улитки. При костной проводимости звук, источник которого соприкасается с головой, вызывает вибрацию костей черепа, в частности височной кости черепа, и за счет этого – опять-таки колебания основной мембраны. В обоих случаях звуковые волны распространяются от основания к верхушке улитки. При этом для волны каждой частоты существует область основной мембраны, где амплитуда колебаний наибольшая: для высоких частот она ближе к основанию улитки, для низких – к верхушке [Гласман 2005].

Список литературы

Брызгунова Е.А. Современное состояние русского языка в свете общей теории языковых изменений (в аспекте судебной экспертизы) // Теория и практика судебной экспертизы № 3 (7) 2007 – М.: Наука – С. 102-105.

Гласман К.Ф. Слуховая система человека: основные свойства / Архив журнала «Звукорежиссер» за 2005 г. URL:<http://www.rus.625-net.ru/audioproducer/2005/03/mp3.htm> (дата обращения: 10.04.2014).

Каганов А.Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей: монография. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 272 с.

Каганов А.Ш. О получении образцов голоса и речи фигурантов криминалистической экспертизы звукозаписей // Научно–практический журнал “Теория и практика судебной экспертизы” – 2010. – № 3. – С. 137–140.

Каганов А.Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи: монография. – 2-е изд. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 296 с.

Лётов А.М. Динамика полета и управление. – М.: Наука, 1969. – 360 с.

Орлова В.Ф. Систематизация свойств и признаков объектов судебной экспертизы, являющихся отражением функционально-динамических комплексов (ФДК) навыков // Основы судебной экспертизы. Часть I. Общая теория: методическое пособие для экспертов, следователей и судей / под ред. Корухова Ю. Г.– М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России, 1997. – С. 124–136.

Рамишвили Г.С., Чикоидзе Г.Б. Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего. – Тбилиси: Мецниереба, 1991. – 265 с.

Солодовников В.В. Теория автоматического регулирования / книга 1 Математическое описание, анализ устойчивости и качества систем автоматического регулирования. – М.: Машиностроение, 1967. – 770 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (**действующая редакция от 15.02.2014**) // Некоммерческая интернет-версия системы Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.04.2014).

Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие 5-е изд-е, СПб.: Изд-во Питер, 2003. – 928 с.

Н.М. Юрьева

УДК 81'23

СОТНОШЕНИЕ ИГРЫ И ДИАЛОГА В СОВМЕСТНЫХ ИГРАХ ДЕТЕЙ-СВЕРСТНИКОВ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье на материале экспериментальных наблюдений за совместными играми детей-сверстников в возрасте трех – шести лет проводится анализ сложного взаимодействующего комплекса, который образуют в онтогенезе игровая деятельность и диалог, проходя в этот период ряд этапов и изменений. Нами сделана попытка рассмотреть единство игровой деятельности и диалога как целого, выделив из него один срез – отношение игры и диалога в разных типах совместной игры детей-сверстников.

Ключевые слова: совместная игра, игровое взаимодействие, диалог, речевое замещение, комплекс «предметное действие и речь», предметная игра, предметно-игровое взаимодействие, сюжетно-ролевая игра.

Nadezhda M. Yurieva

INTERRELATIONSHIP OF PLAY AND DIALOGUE IN THE PRESCHOOL CHILDRENS' JOINT PLAY

The article analyses a complex interactional unity that the play and dialogue form in ontogenesis while undergoing a number of stages and changes in this period. This article represents an attempt of a holistical view of play activity and dialogue, specially focusing on the framework of correlation between play and dialogue in various types of joint play of children of the same age.

Keywords: joint play, play interaction, dialogue, verbal substitution, unity “object activity and language”, object play, object-play interaction, role-sharing play.

Давно известно, что в онтогенезе речь и предметные действия связаны друг с другом теснейшим образом, что является важнейшей закономерностью в развитии детского мышления. Функциональное назначение речи в раннем онтогенезе состоит в том, что речь и высказывания детей опосредуют предметно-практическую деятельность и включены в нее. Долгое время в психологии эта связь рассматривалась в плане возникновения эгоцентрической речи и индивидуальной предметной деятельности, в то время как диалогическая форма речевого общения не принималась во внимание. В свою очередь, в лингвистике осмысление диалога связывалось исключительно с коммуникативными процессами, обеспечивающими передачу информации.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы дать характеристику игрового взаимодействия детей на ступени дошкольного детства и определить место диалога в играх детей. Это означает, что нам необходимо рассмотреть функционирующий комплекс «предметное действие и речь» в ходе развития совместной игры

и диалогического взаимодействия детей. В центре анализа находится не столько лингвистический аспект детских диалогов, сколько тот срез, который позволяет понять место и роль диалога в совместных играх детей.

Для сбора эмпирических материалов использовалась методика естественного эксперимента, который проводился в трех возрастных группах детского сада г. Москвы с детьми от трех до шести – семи лет. Всего – 77 участников. Получено 49 протоколов по игре и речевому общению детей.

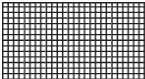

Анализ эмпирических материалов по игровой деятельности детей опирался на традиционную классификацию детской игры, основанную на ее рассмотрении с точки зрения изменения и динамики ее психологического содержания. Первый этап развития игры связан с предметными играми, овладением предметными игровыми действиями и функциями предметов. Второй этап – ролевые игры и овладение отношениями между людьми; третий этап связан с игрой по правилам, игрой–драматизацией и сдвигом игрового мотива с процесса игровой деятельности на ее результат [Эльконин 1999; Михайленко, Поддьяков, Короткова и др. 1987; Garvey 1977].

Анализ игрового материала проводился также в аспекте рассмотрения игры как игрового взаимодействия участников. В раннем возрасте (2 – 3 года) у детей наблюдается индивидуальная игра, затем возникает «игра рядом», для детей старшего дошкольного возраста (5 – 7 лет) характерны совместные формы игровой деятельности: сюжетно-ролевая игра, предметно-игровое взаимодействие, игры с правилами и т.д. [Эльконин там же; Михайленко и др. там же].

В результате анализа выделены формы игрового взаимодействия, характерные для каждой возрастной группы дошкольников. В целях наглядности при

Схема 1.

Младший возраст, 3 – 4 года

		
Индивидуальный тип игры	Коактивный тип игрового взаимодействия	Интерактивный тип совместной игры
Индивидуально-ролевая игра	Игра «рядом» и сюжетно-ролевая игра	Простейшая предметная интеракция

Средний возраст, 4 – 5 лет

	
Коактивный тип:	Интерактивный тип совместной игры:
Игра «рядом»	предметно-игровое взаимодействие и сюжетно-ролевая игра

Старший возраст, 5 – 6 лет

Интерактивный тип совместной игры: сюжетно–ролевая игра

дальнейшем изложении можно использовать схему 1, в которой представлена общая картина игрового взаимодействия детей-сверстников в возрасте от трех до шести лет по данным серии наблюдений (схема 1).

Общая картина игрового взаимодействия детей младшей группы (3 – 4 лет). Участвовали 32 ребенка; записано 24 протокола игрового и речевого взаимодействия детей, в соответствии с которыми общая картина игрового взаимодействия детей трех – четырех лет складывается из следующих форм игровой деятельности: индивидуальная ролевая игра, игра «рядом», совместная игра.

Индивидуальная ролевая игра представляет собой ряд манипулятивных игровых действий ребенка, относящихся к партнеру–игрушке. В младшей группе зафиксировано 4 игры данного типа. Для иллюстрации приводится протокол №13, младшая группа.

Аня В. (3,4) (здесь и далее цифры в скобках указывают на полное число лет и месяцев ребенка) играет с большой куклой, посадила ее на стол, кормит куклу. – *Ням-ням, очень вкусно. Ешь, вкусно. Не хочешь? А мороженое еще холодное, завтра будешь есть.*

В этот период начинается процесс овладения ролью как набором функциональных условных действий, характерных для нее в различных жизненных ситуациях. При этом дети воспроизводят лишь небольшое количество действий, связанных с ролью.

Характерные для одиночной ролевой игры переносы действия в разные ситуации и на разные предметы, одушевление предметов, появление предметозаместителей и воображаемых предметов являются своеобразным опытом детей по обобщению предметных действий, которые в играх подобного типа часто представлены условными игровыми вариантами действий. Высказывания, сопровождающие игру, придают игре сюжетное наполнение, однако, по своей сути, игра остается предметной, поскольку в центре внимания ребенка находится предмет и действия с ним.

Действие с воображаемым предметом у младших дошкольников, как правило, сопровождается поясняющей это действие речью. Изменение функциональных значений предмета ведет к развитию игрового опыта ребенка, а также условных игровых действий, необходимых для создания развернутых воображаемых ситуаций. Важным моментом подобных игр является своеобразный диалог с игрушками.

В играх с игрушками проявляется коммуникативная направленность высказываний ребенка к неодушевленному предмету: интерес к желаниям «партне-

ра», стремление воздействовать на него через осуществляемые действия и вербально через вопросы и предложения к совместному действию. Высказывания ребенка, обращенные к игрушкам как пассивным слушателям, рассматриваются исследователями в качестве периферийного диалогического феномена в детской речи, отражающего, стремление ребенка к взаимодействию, общению и диалогу [Елисеева 2001: 68]. Когда у ребенка нет «выхода» в пространство общения с окружающими, у него преобладает индивидуальная ролевая игра, компенсирующая для него недостаток речевых контактов и речевого взаимодействия с окружающими.

В индивидуальной ролевой игре речевая активность ребенка представлена эпизодически цепочками высказываний одного говорящего, которые выполняют различные функции в игровой деятельности: воссоздание в речи игровой условной ситуации, смену событий, пояснение совершаемых условных действий. Мальчик ездит на большом пластмассовом автомобиле: – *Полиция, полиция. У-у-у. Авария. Моя машина сломана*; планирование собственных игровых действий: – *Надо сварить суп. Буду суп варить*; одушевление предмета и разговор с игрушкой: – *Зайчик, я сейчас поеду на машине, а ты жди. Я поеду*.

Приведенные примеры отражают функционирование сложного взаимодействующего комплекса, создающегося в онтогенезе игровой деятельностью и речью. Помимо условных игровых действий, в них обнаруживается речевое замещение условной игровой ситуации и ее компонентов, воссоздаваемых ребенком в речи. С усложнением игровой деятельности дети замещают речью не только отдельные действия или отсутствующие предметы, но и осуществляют «проговаривание» целых воображаемых событий. Речевое замещение осуществляется в форме аккомпанирующих действие констатирующих или планирующих высказываний. Высказывания, сопровождающие одиночные сюжетные игры, связаны с переходом детей к предметно-действенному замещению в игре. Эти высказывания выполняют функцию подкрепления предметно-действенного замещения, речевого ситуативного опосредования и воссоздания элементов игровой ситуации в условном вербальном плане.

Игра «рядом» наблюдается, когда дети, находясь рядом, играют каждый отдельно со своим игровым материалом, демонстрируют друг другу то, что они делают, копируют и повторяют действия друг друга, сообщают о своих действиях и их результатах. Этот тип игры свидетельствует о начале перехода детей к коллективным или совместным играм. В играх «рядом» проявляется интерес ребенка к сверстнику, стремление к общению с ним. Но, с другой стороны, в этих играх наблюдается отсутствие у детей умений установления с партнером игрового и речевого взаимодействия, например, таких коммуникативных умений, как инициирование общения, введение новой темы, побуждение партнера к ответному высказыванию.

В младшей группе зафиксировано 5 протоколов игры «рядом». В подобных играх главным для ребенка является то, что он делает, т.е. сам процесс деятельности, который сопровождается незначительным участием речи. При этом ребенок хочет, чтобы его сверстник увидел, что он умеет делать, поэтому роль речи в по-

добных играх – функция сопровождения действия (говорящего), его пояснение и аттрактивная функция – привлечение внимания сверстника к осуществляемому в данный момент действию и к его результату. Для иллюстрации приводим фрагмент из протокола 1 младшей группы. Маша П. и Марина П. купают в ванночке (без воды) игрушки.

Маша: – *Я мишку.*

Марина: – *И я мишку.*

Маша берет пластмассовую рыбку, опускает ее в ванночку: – *А она плывет. У меня лыбочка (рыбочка).* И т.д.

Совместные или *интерактивные игры* (16 протоколов) представлены предметно-игровым взаимодействием, в котором содержание игры состоит в совместном осуществлении некоторого замысла (6 протоколов); совместной сюжетно-ролевой игрой (9 протоколов); комбинацией предметно-игрового взаимодействия с элементами воображения (1 протокол).

Предметно-игровое взаимодействие у детей трех – четырех лет проходит в виде катания друг другу одной или нескольких игрушек, либо в виде совместного сооружения какой-либо постройки. Игра протекает чаще всего с общими предметами, что способствует взаимосвязи игровых действий и выделению сверстника как партнера по игре. Довольно часто инициативные действия одного ребенка вызывают ответные действия другого, сопровождаясь речевыми обращениями к сверстнику, направленными на включение его в совместную игру. Именно в играх подобного рода дети сталкиваются с интересами партнеров, начинают ориентироваться на действия партнера и его точку зрения на игровую ситуацию.

Протокол № 16, младшая группа. Антон Д. (3,8), Денис Г. (3,9) строят дом из деревянных деталей строительного набора.

Антон (1): – *Они тяжелые, хочу подцепить* (укладывает детали).

Денис (2): – *Тяжелое это бревно, вот, пусть лежит.*

(1): – *Так не поместится.*

(2): – *А вот так, так положи.* (Показывает, как положить по-другому).

(1): – *Вот так попробую, по крыше.* И т.д.

Функция речи сводится к отражению происходящего в данный момент предметного действия, сообщению о своих планах и осуществляемых действиях, качествах предметов, к высказыванию личной оценки производимого действия, к координации совместной деятельности.

Совместная сюжетно-ролевая игра обычно отмечается у детей к пяти годам. Ее возникновение исследователи связывают с появлением нового мотива – «действовать как взрослый» [Эльконин 1989: 161]. Подобные игры предполагают выделение партнера по игре как носителя условной ролевой позиции, обращенность на партнера ролевых действий (предметных и речевых), наличие ролевого диалога; постепенное освобождение от конкретной ситуации и перенос игры в некоторое условное пространство.

Необходимо отметить, что у младших дошкольников мотив «действовать как взрослый» не подчиняет себе весь ход игры и не влияет на содержание игро-

вых действий ребенка, которые представляют собой манипуляции с предметами в конкретной предметной ситуации.

Хотя большую часть игрового времени детей 3 – 4 лет занимают игры «рядом», вместе с тем нельзя не заметить в их играх и сюжетно-ролевой игры. Однако, сюжетно-ролевая игра детей данного возраста – это не игра шестилетних или пятилетних детей, но она у них есть, и дети этого возраста играют в ролевые игры. Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент из протокола № 6, младшая группа. Денис Г., Саша М. (девочка), Антон Д., Марина В.

Марина Антону: – *Давай, ты будешь папа.* (Антон молчит).

Марина: – *Он наш папа, а я мама. Я – мамочка.*

Марина обращается к Денису: – *Ты кто? Ты – брат наш.*

Денис: – *Чего, чего?*

Марина показывает жестом на Сашу: – *Дочка, брат, я буду мамой, он будет брат.*

Марина идет на кухню: – *Так, нам ножик нужен.*

Антон: – *Я проголодался* (берет что-то со стола). *Ну, все, я пойду.*

Марина подходит к Антону с тарелочкой: – *На, поешь. Мясо ешь?*

Антон: – *Да, все ем.*

Сюжетно-ролевые игры в этот период имеют некоторые особенности, на которых мы далее останавливаемся.

Принято выделять две составные части, образующие совместную сюжетно-ролевую игру: а) сюжетную составляющую игры и ролевые отношения и б) реальные организационно-деловые отношения участников, возникающие по поводу игры и являющиеся регулятором игровой интеракции [Garvey 1977; Короткова 1987: 32]. Данные протоколов свидетельствуют, что в играх детей младшей группы присутствуют оба плана, каждый из которых имеет свою специфику, обусловленную характером взаимосвязи этих планов в ролевой игре.

Рассмотрим *ролевые отношения*. Имеющиеся протоколы показывают, что наиболее часто в играх детей 3 – 4 лет разворачиваются сюжеты, близкие им по реальной жизни, которые воссоздают некоторые фрагменты семейной жизни. Как правило, ролевая игра после нескольких предметно-игровых действий быстро заканчивается. Во многих играх отмечаются повторяющиеся игровые цепочки и игровая стереотипность, при этом речевое взаимодействие сводится к минимуму. Такие стереотипные игры представлены в протоколах 3 и 4, приведем для иллюстрации один из них.

Протокол № 4. Маша П. играет одна в кухонном уголке. Миша Д. катается на машине, подъезжает к Маше.

Маша (1): – *Тебя покормить?*

Миша (2): – *Я на машине, машину в гараж поставлю.*

Миша катается на машине, подъезжает к Маше. Маша протягивает ему тарелку.

(2) – *Че (что) это? Че это?* (1) – *Тарелка. Есть надо.*

(2) – *Не надо. Я уезжаю, поняла?* (1) – *В двенадцать часов дома. Понял?*

(2) – *Понял.* Миша катается на машине, Маша играет с посудой.

Сюжетно-ролевые игры детей младшего возраста быстро распадаются. По мнению исследователей, «столь быстрый распад совместной игры» связан с причинами когнитивного характера: ребенку надо научиться понимать и прогнозировать действия партнера по игре, уметь согласовывать игровые действия с партнером для продолжения игры, т.е. осуществлять действия, которые пока недоступны детям младшего дошкольного возраста [Михайленко, Короткова 1987: 83 – 97].

Вербальное принятие ролей и их осуществление в сюжетно-ролевой игре младших детей также имеет свою особенность. Материалы протоколов показывают, что роль как условная ролевая позиция ребенка в конкретной игре обозначается (не всегда) первоначально в речи, далее в большинстве случаев осуществляется ребенком не через взаимодействие с другими действующими лицами и координацию действий участников игры, а через индивидуальное выполнение своей роли в предметных действиях с игрушками.

Примером служит игра Ани В., Насти К., Риты А, Андрея С. (протокол 8, младшая группа). Каждый из участников игры действует без ориентации на партнера и его роль и представляет свою роль в виде предметно-ролевых действий или «роли в действии». Так, Аня В. в роли мамы берет игрушечных зверей, идет на кухню и занимается их кормлением, затем ее деятельность заканчивается уходом на работу. Настя К. и Рита А. осуществляют ряд действий, характерных для их ролей: Настя сходила за хлебом, затем обе пошли гулять. В свою очередь, Андрей С., сообщив о том, что он будет водителем, уехал и далее не участвовал в игре.

У детей младшей группы отмечены ролевые игры, в которых эпизоды ролевого взаимодействия чередуются с независимой игровой деятельностью. В таких играх ролевое взаимодействие в основном отражает обычные эпизоды семейной жизни, например, приготовление еды и угощение партнера (протоколы 3, 4); либо прием больного врачом (протокол 23). Роли в разыгрываемых сюжетах в большинстве случаев осуществляются в виде подражания действиям партнера.

Ролевые игры детей младшего возраста, протекающие в форме независимого выполнения роли почти каждым участником и эпизодов простейшего содержательного взаимодействия ролей, можно рассматривать как совместно-индивидуальную ролевую игру.

Совместная деятельность предполагает наличие общей цели, направляющей усилия участников и их действия. Сюжетно-ролевая игра характеризуется тем, что в ней конечный результат наглядно не представлен, и, в свою очередь, вклад и действия каждого участника в таких играх заранее не определены. По мнению Н.А. Коротковой, можно говорить не об общей цели совместной сюжетно-ролевой игры, а об общем образе игры, определяющем ее развертывание, понимание участниками содержания своей роли, выделение партнера в качестве носителя условной ролевой позиции, осознание содержательно-смысловой связи ролей, присущей той или иной игре [Короткова 1987: 33].

Имеющиеся протоколы показывают, что образ игровой ситуации не является единым для всех участников игры. Некоторый общий образ определяется детьми, когда они, начиная игру, формулируют сюжет игры, распределяют роли

и выбирают игрушки. Отличительной чертой ролевой игры детей 3 – 4 лет является то, что в центре игры находится предметная деятельность и предметно-функциональные действия каждого участника игры. Смысловой центр игры не определяется взаимодействием ролей, а направляется сформированным ранее у ребенка образом своей роли, который он передает через набор некоторых действий, присущих этой роли. Иными словами, игровая роль «кроится в действиях» индивидуально каждым участником игры. У детей младшей группы роли представлены в виде действий с предметами, но не в виде «роли во взаимодействии» с партнерами по игре.

Так, например, девочка, выполняя в игре роль мамы, раскрывает взятую на себя роль через ряд предметных и речевых действий: готовит на кухне еду, моет посуду, кормит игрушки, идет на работу, сопровождая свои действия речью. Ролевая игра осуществляется каждым участником в основном без ориентации на других участников игры и согласования с ними развития сюжета и игровых действий.

Далее остановимся на возникающих в ролевой игре *реальных отношениях* участников в игре, которые выполняют регулирующую функцию в совместной игре и обеспечивают преодоление многозначности игровых действий и замыслов участников игры. Помимо взаимоотношений, разыгрываемых детьми в соответствии с сюжетом и взятой на себя ролью, в игре возникают не условные, «изображаемые детьми отношения», а действительные, «реальные» отношения [Усова 1976]. В психологии для обозначения этого специфического слоя сюжетно-ролевой игры введено понятие «метакоммуникация» [Garvey 1977], под которой понимается обмен высказываниями, поясняющими условные игровые действия.

В совместной ролевой игре каждому ребенку необходимо ориентироваться как на содержание игры, развертывание некоторого замысла, свое поведение и свои ролевые действия, так и на план ролевого поведения партнера и вместе с этим каким-то образом координировать свои действия с действиями других участников игры. На разных ступенях развития ориентация детей на выделенные компоненты сюжетно-ролевой игры имеет свои отличия, которые выражаются в разной степени осознания ребенком принятой им роли, а также различным отношением к партнеру как носителю игрового действия, диктуемого его ролью.

В психолого-педагогических исследованиях в качестве свидетельства того, что партнеры по ролевой игре выделяют себя и сверстника как носителей условных ролевых позиций, принято рассматривать ролевые обращения партнеров друг к другу и вербальное обозначение детьми своих ролей, что проявляется в диалогическом взаимодействии, опосредующем ролевую игру, а именно: в метакоммуникации и ролевых диалогах.

Обратимся к некоторым особенностям метакоммуникации детей младшей группы по данным протоколов (№№ 3, 5, 6, ба, 8, 9, 17, 18, 23). Полный анализ представлен в работах [Юрьева 2006; Сигал, Юрьева 2009]. Анализ показал, что метакоммуникация в сюжетно-ролевых играх детей младшего дошкольного возраста осуществляется в следующем виде: а) вербального обозначения детьми ролей по ходу игры – *Ты будешь папа, а я – мама. Ты – брат наш;* б) обозначе-

Соотношение метакоммуникативных и ролевых высказываний (младшая группа)

Диаграмма 1.

ния ролей с помощью различных атрибутов, характеризующих роль; в) речевого пояснения игровых (условных) действий каждым участником игры – *Я пошла на работу; Я молочко везу, понятно?*; г) речевого планирования собственных действий и в редких случаях действий партнера. – *Денис, ты поедешь, а я пойду тебя встречать.*

В наблюдаемой группе ролевое взаимодействие детей представлено редко, в некоторых играх ролевые высказывания и ролевой диалог отсутствуют. Имеющиеся материалы указывают на интересную особенность, состоящую в том, что в сюжетно-ролевых играх детей 3 – 4 лет предметно-деятельностная составляющая игры доминирует над ролевой и метакоммуникативной стороной в игровом процессе. Речевое взаимодействие в ролевой игре, являясь ее необходимым компонентом, тем не менее, не преодолевает погруженность детей в предметно-деятельностную составляющую игровой ситуации [Эльконин 1994: 70–72]. Все это проявляется в том, что диалогические тексты, несущие в себе «слепки» выделенных аспектов ролевой игры, состоят из небольшого количества высказываний, а ролевые высказывания сводятся к минимуму.

Имеющиеся материалы показывают, что в этот период сюжетно-ролевая игра, являясь для ребенка новой формой совместной игры со сверстником, складывается постепенно, как любая новая деятельность. В младшем дошкольном возрасте индивидуальная и совместная формы игры сосуществуют и представляют собой основу для последующего развития и формирования более сложных видов игрового взаимодействия детей. У детей трех – четырех лет сюжетно-ролевая игра предстает в виде «незрелой» ролевой игры (повторение цепочек взаимодей-

ствия, подражание игровым действиям и высказываниям партнера), обусловленной необходимостью ориентации на план условных ролевых действий и план реального взаимодействия с партнером.

Важно и то, что ребенку необходимо владеть предметными действиями, умениями воспроизводить в условной форме те или иные ситуации, подчиняться некоторым условным правилам игры, уметь ориентироваться на партнера и его игровые условные действия, а также уметь вступать в диалог с партнером, используя при этом соответствующие структуры и средства речевого взаимодействия.

В диаграмме 1 отражено соотношение метакоммуникативного и ролевого планов речевого взаимодействия в сюжетно-ролевых играх детей младшей группы.

Общая картина игрового взаимодействия детей средней группы (4 – 5 лет). В экспериментальных сеансах участвовали 25 детей; зафиксировано 14 протоколов. В ходе анализа выделены следующие типы игры: игры «рядом» и совместные игры, которые, начиная со средней группы, преобладают над другими типами детских игр. Индивидуальные ролевые игры в условиях детского сада не были отмечены.

Общая картина игровой деятельности детей средней группы предстает в следующем виде: игра «рядом» (2 протокола), предметно-игровое взаимодействие (3 протокола), сюжетно-ролевая игра (9 протоколов).

Остановимся на *сюжетно-ролевых играх*. Для совместных игр детей средней возрастной группы характерно преобладание сюжетно-ролевой игры. Следует указать на повышение уровня игровой деятельности детей, который в специальных исследованиях оценивается по таким показателям, как число фрагментов в сюжете, обыгрываемых игрушек, ролей; владение игровым переименованием предметов в соответствии с их свойствами; творческое развертывание сюжета, устойчивость игрового замысла и др. [Репина 1978]. Основываясь на этих показателях, можно отметить, что игры стали разнообразнее по тематике и интереснее по содержанию, включают большее количество ролей и сюжетных фрагментов.

Вместе с тем, выделенные показатели отражают лишь внешнюю сторону развития игровой деятельности детей, поскольку представляют собой верхний, наглядный слой характеристик игры. Если исходить из специфики сюжетно-ролевой игры как игровой деятельности, в которой «воссоздаются социальные отношения между людьми» [Эльконин 1989: 314], то ее глубинный слой связан с воспроизведением взаимоотношений людей в различных социальных ситуациях в виде ролевого взаимодействия. Иначе говоря, в игре должны обнаруживаться простейшие формы социального действия, представления ребенка о роли и взаимодействии ролей, т.е. в детской сюжетно-ролевой игре отражается некоторая модель взаимодействия людей и их отношений в тех или иных социальных ситуациях.

Литературные источники и наблюдения свидетельствуют, что с четырехлетнего возраста начинается «расцвет ролевой игры». Сущность детской ролевой игры заключается в выполнении какой-либо роли, именно роль и связанные с ней

действия составляют основную единицу ролевой игры. Д.Б. Эльконин отмечал, что между ролью и соответствующими ей действиями ребенка имеется «тесная функциональная взаимосвязь и противоречивое единство». По мысли Д.Б. Эльконина, чем обобщеннее и сокращеннее игровые действия, тем глубже отражены в игре детей смысл, задача и система отношений воссоздаваемой деятельности взрослых. Вместе с тем, «чем конкретнее представлены игровые действия детей, тем больше выступает конкретно-предметное содержание роли» [Эльконин 1989: 320 – 321].

В этой связи возникают вопросы о том, что передает ребенок среднего дошкольного возраста в сюжетно-ролевой игре и что составляет основное содержание ролей.

По данным зафиксированных протоколов, ролевая игра детей в возрасте от 4 до 5 лет в большинстве случаев определяется предметной обстановкой и свойствами игрового материала, включенного в игры. Так, например, игра Марины К. и Светы Д. «Дочки – матери» (протокол № 1 средняя группа) протекает в виде предметного взаимодействия, диктуемого атрибутами ситуации. Вначале девочки распределяют роли: кукла будет маленькой сестренкой, одна из девочек – ее сестра, а другая – мама. Но дальнейшие их действия определялись исключительно предметно-функциональными свойствами игрового материала, который находился поблизости (кукла, качели, часы, телефон), роли преломлялись через действия, осуществляемые с этими предметами: мама и старшая сестра качают на качелях куклу, затем игровые действия поочередно переключаются на часы и телефон.

Детям этого возраста трудно осуществлять ролевое взаимодействие, дети постоянно переходят на предметное взаимодействие с игрушками, как бы «соскальзывают» на него. Роли детей являются некоторым фоном, на котором разворачивается их игровая деятельность с многократно повторяющимися предметными действиями, а ролевого взаимодействия нет. Этим определяется и то, что диалог детей в основном отражает реальный план отношений играющих и их предметное взаимодействие, сопровождая и направляя его.

Подобная характеристика относится также к сюжетно-ролевым играм «Магазин» Наташи З., Влада П. и Павла Н. (протокол №2) и «Больница» (протокол № 3). Игровая активность детей сконцентрирована в основном на освоении деятельности стороны своей роли и в редких случаях на ролевых отношениях. При этом в игре присутствует вербальное распределение ролей.

Имеющиеся материалы указывают на следующие особенности сюжетно-ролевой игры детей среднего дошкольного возраста: 1) в игровых ситуациях, мало освоенных детьми, роли не обозначаются вербально, а раскрываются через ролевые атрибуты; 2) прослеживается увеличение доли организационно-деловой стороны в игре, реального слоя отношений, возникающих между участниками по поводу игры, т.е. метакоммуникативного аспекта игры. Метакоммуникация представлена диалогом, обеспечивающим развертывание сюжета игры, планирование и обсуждение игровых действий участников. Приведем для примера несколько реплик из диалога, возникшего в игре «Поездка в поезде» (протокол 4, средняя группа).

Марина – *Мы будем играть в поезд, надо только, чтобы было этим ..., чтобы кто-нибудь рулил. Вов, ты будешь? Вов, ты не бойся.*

Вова – *Не хочу.*

Наташа – *А вот мой стул, я сажусь. Вова, а ты садись вот на этот.*

Марина подходит и обрывает у всех билеты.

Маша – *Не рви.*

Марина – *Я не рву.*

Маша – *Наташ, а ты приготовь руль – то, руль – то!*

В свое время Д.Б. Эльконин высказал предположение, что «развитие сюжетов неминуемо будет разворачивать организационную сторону игровой деятельности, начинающей занимать все больше места и времени и вступать в противоречие с собственно разыгрыванием сюжета». По этой причине «разыгрывание сюжета» принимает свернутый характер и выступает в виде сокращенных и обобщенных смысловых изобразительных действий [Эльконин 1989: 320 – 321]. Например, анализ речевого материала по игре «Поездка в поезде» (протокол 4) показал, что речевое взаимодействие детей состоит из 22 реплик, среди них 5 реплик относятся к ролевому диалогу, инсценирующему игровой сюжет, остальные реплики представляют собой метакоммуникативные высказывания, обеспечивающие реальные действия детей в игре и их отношения по поводу игры. Для иллюстрации приведем ролевые высказывания пассажира: – *Вы обманули пассажира, мне не в Рязанскую область, а в Москву;* проводника-кондуктора: – *Ну, все,*

Соотношение метакоммуникативных и ролевых высказываний (средняя группа)

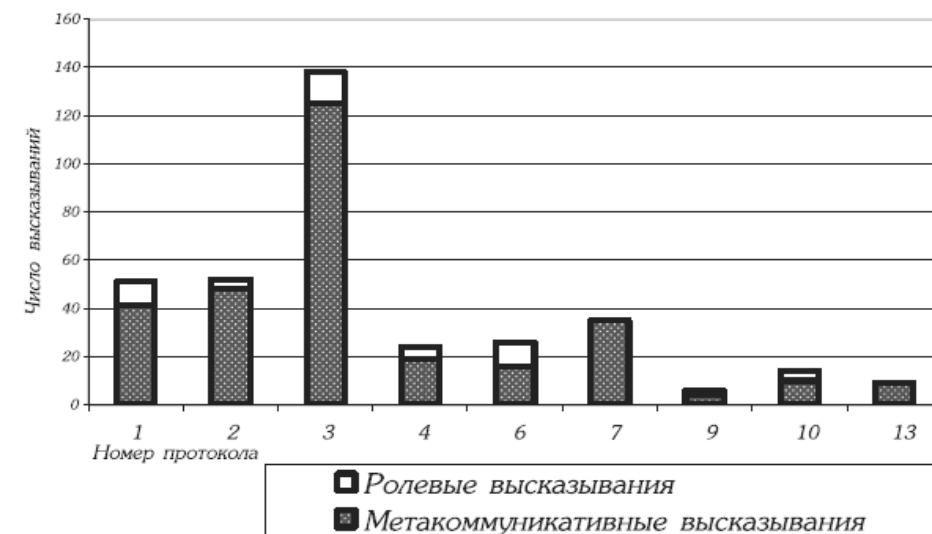

Диаграмма 2.

вылезайте, приехали, Москва; и метакоммуникативные высказывания участников игры: – Я буду билеты раздавать; Наташ, а ты приготовь руль – то!

Значительное преобладание метакоммуникативного аспекта ролевой игры над «инсценированием» сюжета игры отмечено практически во всех играх детей среднего дошкольного возраста. По нашему мнению, что преобладание метакоммуникации связано не только с развитием сюжета игры (на что указывал Д.Б. Эльконин), но и с тем, что детей привлекает сам процесс самостоятельной игровой деятельности, осуществляемой в некоторой условной ситуации с некоторым набором предметов.

Необходимо отметить, что модус условности в игре создает для ребенка специфические трудности, так как условная игровая ситуация является для детей более сложным коммуникативно-деятельностным событием. Сюжетно-ролевая игра включает в себя не только реальное взаимодействие партнеров и их общение, но и условные роли участников игры, реальные действия участников и действия условные, подчиненные представлениям ребенка о взятой роли и о ролевых отношениях с другими партнерами в условной игровой ситуации. Для ролевой игры необходимо не только воображение, но и готовность к мысленному абстрагированию от непосредственной ситуации, представлению условной игровой ситуации, фактически отсутствующей в актуальной ситуации, выделение не только содержания своей роли, но выделение сверстника как носителя условной (ролевой) позиции, обращенность на него собственных ролевых действий: и предметных, и речевых. Эти непростые «требования» вызывают речевое обсуждение действий, будущих или уже совершенных партнерами, обуславливая преобладание метакоммуникативного аспекта ролевой игры над собственно ролевым аспектом.

Общие данные о соотношении метакоммуникативного (реального) и ролевого планов речевого взаимодействия в сюжетно-ролевых играх детей средней группы представлены в диаграмме 2.

В сюжетно-ролевых играх детей среднего дошкольного возраста наблюдается развитие осуществления совместной деятельности, возникновение и усложнение взаимосвязанности действий участников деятельности [Коломинский, Жизневский 1987: 28–35]. Взаимосвязь действий участников игры влияет на процесс «децентрации» [Пиаже 1969], который проявляется в отходе ребенка от своей точки зрения на игровую ситуацию и в осознании связи своих ролевых действий с действиями другого участника игры, выступающего в другой ролевой позиции.

Ролевая игра в ее «зрелой форме» потенциально содержит в себе принцип сотрудничества, поэтому требует от участников «децентрации» – осмысления игровой ситуации с учетом своей роли и роли партнера. Дети, принимая на себя роли других людей в ролевых играх, должны «действовать с их точки зрения» и осуществлять ролевые действия, исходя из их взаимосвязи с действиями других ролей. Все это, в свою очередь, предполагает видение предметов, вовлекаемых в игру, и действия с ними в соответствии со своей ролью и при согласовании с другими играющими детьми [Эльконин 1989: 355].

Ранее мы отмечали, что в качестве свидетельства того, что в ролевой игре дети рассматривают себя и сверстника как носителей условных позиций, высту-

пают такие показатели, как вербальное принятие детьми ролей, ролевые обращения и ролевой диалог.

Анализ эмпирического материала (протоколы №№ 1 – 4, 6, 7, 9, 10, 13) показал, что в сюжетно-ролевых играх детей среднего дошкольного возраста вербальное принятие ролей наблюдается не всегда. При этом вербализация роли не свидетельствует о децентрации участников в ходе игры, так как ролевые действия осуществляются участниками в основном без стремления к ролевому взаимодействию. По всей видимости, «воспринимать себя как объект чужих ожиданий» является сложной задачей не только для детей младшей группы, но и для детей 4 – 5 лет. Стремление действовать в игре, отталкиваясь от понимания, что «если я другой, то в каком отношении я с другими» (по И. Кону), в сюжетно-ролевой игре у детей среднего дошкольного возраста наблюдается в редких случаях. Игра разворачивается преимущественно в действенном плане, т.е. в плане выполнения действий, диктуемых и наглядной актуальной ситуацией, и условной игровой ситуацией. Ролевой диалог и ролевое речевое взаимодействие присутствуют лишь в единичных фактах обращений к партнеру и замещаются предметным взаимодействием, сопровождающимся речевым взаимодействием. Диаграмма 2 отражает данную особенность.

Имеющиеся материалы показывают, что «расцвет» сюжетно-ролевой игры, обычно связываемый с пятилетним возрастом, в этот период выражается лишь в вербальном «принятии» и обозначении игровой роли, в предметно-ролевых действиях участников и метакоммуникативном взаимодействии.

Следующим типом совместной игровой деятельности детей 4 – 5 лет является *предметно-игровое взаимодействие*, которое в большинстве случаев проходило в виде совместного конструирования (строительства). В отличие от детей младшего возраста, дети 4 – 5 лет иногда в начале игры формулируют в речи некоторую общую цель взаимодействия, которая регулирует действия партнеров и определяет, правда, ненадолго, характер этого взаимодействия.

Приведем для иллюстрации фрагмент из протокола № 3. Два мальчика строят из деталей конструктора подъемный кран, затем в игре он становится гаражом для машин.

– *Давай строить кран, какой мы вчера строили.* (2) – *Мы щас будем строить кран.*

(1) – *Вот это будет крыша* (берет деталь). (2) – *Мы все выдумываем. Пусть это будет гараж с крышей.*

Проведенный анализ игровой деятельности детей среднего дошкольного возраста показал, что в этот период в совместных играх детей преобладает ролевая игра, представленная предметно-ролевыми действиями персонажей игры, т.е. предметными действиями, специфичными для роли, и метакоммуникацией в виде диалогического общения, служащего для вербального обозначения детьми ролевых позиций и планирования игровых действий. Полученные данные указывают на то, что ролевой диалог, рассматриваемый в психолого-педагогической литературе как характерный признак развитой ролевой игры, в игровой деятельности детей данного возраста возникает не всегда.

Если же говорить о развитии соотношения действия и роли в сюжетно-ролевой игре, то мы полагаем, что возникновению ролевого диалога, как характерного признака ролевой игры, препятствует развернутый «операционно-технический аспект» игрового взаимодействия детей в ролевой игре, который представлен деятельностью с предметами. По словам Б.Д. Эльконина, «вязкая специфика предметного действия <...> заслоняет другого человека (собственно «игро-ролевое» отношение)» [Эльконин 1994: 70]. Превалирование в сюжетно-ролевой игре действенной стороны и метакоммуникации объясняет причину незначительного числа ролевых высказываний и единичных ролевых обращений.

По данным психологических и лингводидактических исследований переход к совместной ролевой игре и ролевому взаимодействию может произойти уже на четвертом году жизни при условии ее целенаправленного формирования [Михайленко, Короткова 1987: 97; Арушанова, Рычагова, Сигал, Юрьева 2014].

Общая картина игрового взаимодействия детей старшей группы (5 – 6 лет). Участвовали 22 ребенка, зафиксировано 11 протоколов. Полученный материал свидетельствует об отсутствии одиночных игр и заметном преобладании сюжетно-ролевой игры. Отмеченная особенность указывает на то, что именно в этот возрастной период наступает своеобразный перелом в социальном развитии ребенка, проявляющийся в его направленности на взаимодействие и кооперацию со сверстниками.

Сюжетно-ролевая игра у детей 5 – 6 лет. В этот период в сюжетно-ролевых играх наблюдается переход к ролевому взаимодействию, что проявляется не только в предметно-ролевых действиях участников, но и в ролевом диалоге. Ранее мы

Соотношение метакоммуникативных и ролевых высказываний (старшая группа)

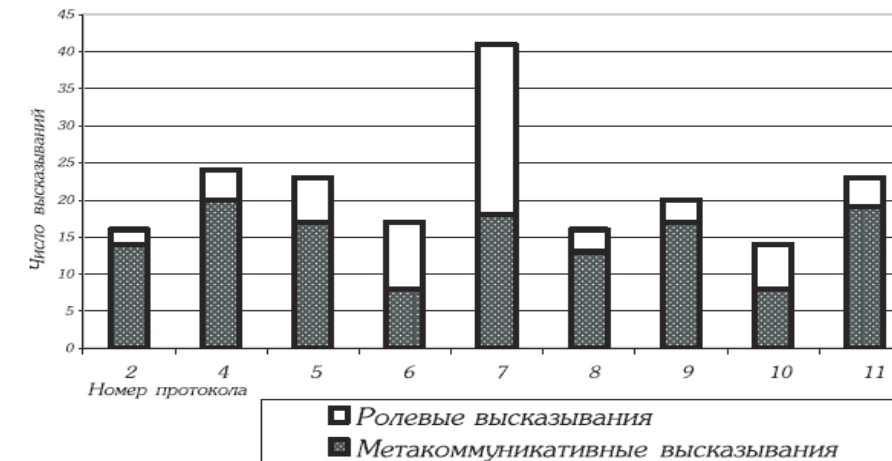

Диаграмма 3.

отмечали, что у младших детей ролевой диалог сводится к нескольким репликам, либо вовсе отсутствует.

Для детей 5 – 6 лет характерен довольно высокий уровень диалогического взаимодействия с двумя дискурсивными планами: ролевым диалогом, отражающим «инсценированные» ролевые отношения, а также метакоммуникативным диалогом, опосредующим и обеспечивающим реальное взаимодействие в игре и реальные отношения, возникающие у детей по поводу игры. Основная часть высказываний детей обращена к сверстнику либо как носителю роли, либо как к действительному партнеру для координации игровых действий, согласования и развития сюжета игры.

Обращает на себя внимание заметное сокращение предметных действий и их замещение речью – диалогическим взаимодействием детей. Данные по старшей группе о соотношении метакоммуникативного и ролевого планов речевого взаимодействия в сюжетно-ролевых играх представлены в **диаграмме 3**.

Полученные материалы указывают также на другие особенности сюжетно-ролевых игр детей 5 – 6 лет: повтор одного и того же сюжетного события и стереотипное взаимодействие участников в совместной ролевой игре (протокол № 8), появление одинаковых или параллельных ролей (протоколы № 9, 7). В играх с параллельными ролями доля метакоммуникации значительно превышает ролевой диалог, который заменяется предметно-ролевыми действиями партнеров, спланированными в метакоммуникации. При этом чаще всего происходит лишь экспликация и пояснение собственного замысла без учета в нем замысла партнера, т.е. это еще не согласование сюжетных замыслов, а их «соэкспликация» [Короткова 1987].

Вместе с тем, подобные факты скрывают за собой не только недостаток координации и координационных отношений между участниками игры. Не в меньшей степени они связаны также с тем, что у детей не вполне сформирована вербальная опора, обеспечивающая и направляющая взаимодействие партнеров в конкретной игровой ситуации, а именно соответствующие диалогические структуры и диалогическое взаимодействие.

Чтобы увидеть изменения, происходящие в ролевых играх детей 5 – 6 лет, материалы протоколов проанализированы с выделением следующих показателей: а) наличие/отсутствие вербального принятия ролей; б) наличие/отсутствие ролевых обращений, ролевых высказываний и ролевого диалога; в) общее число высказываний. Полученные результаты указывают на следующее:

– общее число высказываний, обеспечивающих речевое взаимодействие детей старшей группы в их играх, по сравнению с аналогичными показателями в средней группе, практически не отличается и варьируется в интервале между 14 и 41 высказываниями. Различия более заметны при сравнении с данными в младшей группе: 8 – 27 высказываний;

– показатели ролевой и метакоммуникативной составляющих речевого взаимодействия в сюжетно-ролевых играх в старшей группе свидетельствуют о незначительном уменьшении доли метакоммуникации, а также о стабилизации ролевого плана и появлении не только ролевых высказываний, но и связных ро-

левых диалогов. Если в младшей и средней группах отмечены игры без ролевых высказываний, то в старшей группе игры без ролевых высказываний и ролевого диалога не зафиксированы.

Следует отметить, что показатели, на которых мы останавливаемся, представляют внешнюю сторону развития соотношения вербального и действенного планов в генезисе совместной сюжетно-ролевой игры в дошкольном детстве. Следующий этап анализа экспериментального материала ориентирован на выявление изменений, происходящих в дошкольном детстве, связанных с использованием диалогического взаимодействия в коллективных играх детей.

В целом совместная сюжетно-ролевая игра детей 5 – 6 лет представляет собой сложную картину интерактивного взаимодействия детей, в котором переплетаются предметно-игровые действия участников игры, ролевой диалог и метакommunikация.

На старшей возрастной ступени дошкольного детства заметно представлена тенденция к свертыванию и сокращению предметно-игрового плана в сюжетно-ролевой игре и его вытеснению и замещению речевым взаимодействием детей, условными игровыми и речевыми действиями, ролевыми высказываниями и ролевым диалогом. Таким образом, у нас есть основания полагать, что в этот период сама ролевая игра (ее действенная и сюжетная составляющие) существует и реализуется уже в большей степени как диалогическое взаимодействие, нежели как внешняя структура предметно-практических действий, а неречевые действия детей переносятся в структуру текста, реализуясь вербально в виде диалога.

На материале экспериментальных наблюдений мы приходим к выводу, что на дошкольной ступени онтогенеза изменяются отношения диалога и той деятельности, которую диалог опосредует и в которую он включен, выступая как необходимый функциональный элемент возникающей и действующей в онтогенезе многокомпонентной функциональной системы, увязывающей в одно целое игровые действия и речь.

Список литературы

Арушанова А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении. – М., 2014. – 340 с.

Елисеева М.Б. От 2 до 5: речь «для других» и «речь для себя» (к вопросу об эгоцентрической речи ребенка) // Ребенок как партнер в диалоге. – СПб, 2001, с. 59 – 76.

Занорожец А.В. Избранные психологические труды. Т.1. – М., 1986. – 316 с.

Коломинский Я.Л., Жизневский Б.П. Социально-психологические особенности совместной игровой и трудовой деятельности дошкольников // Вопросы психологии, 1987. – № 5 – С. 28–35.

Короткова Н.А. Особенности взаимодействия детей в игре // Проблемы дошкольной игры: психологический аспект. – М., 1987. – С. 32 – 46.

Михайленко Н.Я., Поддьяков Н.Н., Короткова Н.А. и др. Проблемы дошкольной игры: психологический аспект. – М., 1987. – 191 с.

Михайленко Н.Я., Короткова Н.А. Особенности овладения детьми ролевым взаимодействием в игре // Проблемы дошкольной игры: психологический аспект. – М., 1987, с. 83 – 97.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., 1969. – 659 с.

Репина Т.А., Антонова Т.В., Рояк А.А. и др. Отношения между сверстниками в группе детского сада. – М., 1978. – 197 с.

Сигал К.Я., Юрѳева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях. – М., 2009. – 240 с.

Усова А.П. Роль игры в воспитании детей. – М., 1976. – 97 с.

Эльконин Д.Б. Психология игры. Издание Второе. – М., 1999. – 358 с.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М., 1989.

Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. – М., 1994. – 167 с.

Юрѳева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово. Диалог. – М., 2006. – 486 с.

Garvey C. Play. – Cambridge, 1977. – 133 p.

О.С. Зубкова, М.В. Ушкалова

УДК 800:159.9

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОЗНАЧИВАЮЩИХ ПРАКТИК ПРИ ПОНИМАНИИ
КАЛАМБУРА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА**

Статья посвящена описанию некоторых результатов пилотажного исследования по изучению объективации означающих практик при понимании и восприятии каламбура.

Ключевые слова: означающая практика, каламбур, метафоризация, эмоциональный семиозис.

Olga S. Zubkova, Margarita V. Ushkalova

**THE REALIZATION OF DENOTATING PRACTICES IN THE PROCESS
OF UNDERSTANDING OF PUNS: SOME RESULTS OF THE PILOT STUDY**

The article is devoted to the description of some results of the pilot study on the subject of objectivisation of denotating practices in the process of understanding and perception of a pun.

Keywords: denotating practices, pun, metaphorisation, emotional semiosis

Каламбур – один из ярких и своеобразных лингвистических феноменов, интерес к которому со стороны ученых в последнее время возрастает. Особенно в изучении данного языкового явления заинтересованы специалисты, стремящиеся выяснить причины образования каламбура, степень зависимости его от сферы употребления и контекста, а также насколько сильно он отражает профессиональную и культурную специфику и индивидуальные качества участников коммуникации [Зубкова 2011 а: 110].

В ходе проведения нами серии экспериментов [Зубкова 2011 а, б, 2012; Zubkova 2013] было замечено, что каламбур, так же как и профессиональная метафора, включает в себя совокупность перцептивно воспринимаемых, объективных свойств предмета/явления при учете субъективной установки на метафоризацию действительности.

В контексте современной теории языка особо выделяется такая функция метафоризации, как вовлечение в сферу рефлексии знаний вероятностного характера, отражающих перцептивно-рациональную комплексность когнитивных процессов. С позиции развиваемой нами лингвосомиотической теории, метафоризация – динамично-конструктивный когнитивный процесс, являющийся частью языкового/речевого механизма человека. Как процесс активного конструирования метафоризация активизирует уже имеющееся знание о мире, сопоставляя «готовые» значения при расшифровывании культурного кода и вызываемые ими ассоциативные представления, а также кажущиеся несовместимыми на первый взгляд внеязыковые сущности. В нашем понимании, результатом предметной соотнесенности

метафоризации является формирование образа не только метафоры, но и каламбура, порождающего интерпретационную вариативность в смысловом плане и консеквентную вариабельность в ситуационном. Например: «чтобы быть в тонусе, надо, чтобы «Тонус» был в тебе!» (телевизионная реклама сока), *Dead Хасан* (эфир программы «Время» от 20.01.13) или – *Quelle est la différence entre un homme et Paris? – Paris est Paris toujours! (Чем отличается мужчина от Парижа? – Париж всегда Париж!)* (перевод выполнен нами – О.З.).

По нашему мнению, в процессе метафоризации в рамках социальной коммуникации индивид соединяет ономаσιологические, семасиологические, концептуальные категории в лингвистических единицах, выраженных каламбурами. Вместе с тем рефлексивность языковой единицы, как результата метафоризации, связана с потенциалом действия выражаемой в ней мысли или интенции человека и согласуется с основной коммуникативной стратегией, находящейся в основе ее создания, – аппеляцией к чувственному восприятию индивида, сопряженной с эмоциональными переживаниями. При этом каламбуры, как и метафоры, образуют особую подгруппу средств вербальной манипуляции, основанную на определенной семантике социальных архетипов, используемых как часть целенаправленной технологии модификации смысла. При употреблении каламбуров образ мира особым образом выкристаллизовывается в ситуации обмена мнениями, что делает его неоднозначным и емким. Социальные константы влияют на создание единого образного ряда и общего ритма сообщения в социальной коммуникации посредством смены оценочного вектора или манипуляций с оценочными шкалами, использованием символов компьютерной и сетевой культуры, а также при помощи различных приемов семантической сочетаемости исследуемого феномена.

Исходя из основных постулатов нашей лингвосомиотической теории, бесконечность процесса означивания может частично лимитироваться означивающими практиками, регламентирующими знаковую активность в коммуникации и ограничивающими процессуальную природу знака в его переходе от интерпретанты к интерпретанте, от репрезентанта к репрезентанту и от формы к форме. Означивающие практики устанавливают правила и порядок действий со знаками в коммуникативных процессах, что предполагает необратимый распад и реструктурирование бесконечного семиотического потока, возникновение отдельных флуктуаций, трактуемых в качестве профессиональных метафор, метафорических эпитетов, каламбуров, ономатопей, перифраз и др. Проиллюстрируем этот постулат примерами из проведенных нами ранее серий экспериментов (см. подр.: [Зубкова 2011 а, б]) (пояснения здесь и далее наши. – О.З.): метафорический эпитет («*le microbe adulte*» – взрослый микроб), олицетворение как антропоморфная метафора (*другие отделы живота спокойно спали*), каламбур («*Умею вязать узлы, шить (на операциях давали кожу, мышцы), много раз ассистировал на общехирургических операциях. А «сантехником» «трубы чинить» – я не хочу!*» (акушер-гинеколог); «*больные в вагоне*» – агональные (умирающие) больные), перифразы («*rear admiral*» – тыловой адмирал, т.е. проктолог; «*голова профессора Доуэля*» – больной с тетраплегией (паралич верхних и нижних конечностей), ономаптопя («*челюскинцы*» – пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии; «*мамонтята, валежники, земляки*» – пациенты, подобранные на улице в алкогольном опьянении

с переохлаждением), гипербола («*intervence infectionnique*» – инфекционная интервенция), дисфемизм («*Да что ты мне про истерическую маску все время толкуешь! У него классический пример – страх болезней и микробов. К тому же он очень агрессивен. Однако про депрессию или шизофрению говорить пока не приходится. А жалобы жены на их совместную жизнь я считаю несостоятельными. Подумаешь, тетя опомнилась и вдруг решила, что тридцать лет назад неправильно себе мужа выбрала! Так это ее проблемы. «Любовь зла, так что люби своего мужа», только не под нашим присмотром! Мы не вмешиваемся в семейные дразги, мы просто должны квалифицированно помочь человеку*»).

На этом фоне значительный интерес вызывает последовательность механизмов осмысления семиотической реальности и их манифестация посредством знаков в предлагаемых нами индивидуальной, культурной и профессиональной означающих практиках. Наибольшую плодотворность подобного аналитического анализа может обеспечить, на наш взгляд, осуществление детальных эмпирических интерпретаций на примере не только профессиональной метафоры как наиболее крупном языковом знаке с высоким индексом образности, но и каламбура, как валидного репрезентанта эмоционального семиозиса. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, по нашему мнению, метафоризация является основным универсальным механизмом образования значений единиц с высоким индексом образности в лингвистическом поле.

Данные предположения послужили основанием для проведения нами пилотажного эксперимента. В нашу экспериментальную группу вошли испытуемые (далее – ии.) в возрасте от 18 до 26 лет, в количестве 20 человек. Социальный статус ии. – студенты и аспиранты Курского государственного университета, студенты Абхазского государственного университета, владеющие русским языком. Такое количество участников, на наш взгляд, является достаточным для проведения валидного пилотажного эксперимента (см. подр.: [Зубкова 2012 а]). При формировании контрольной группы мы сочли возможным привлечь студентов и аспирантов различных профессиональных направлений, поскольку хотели проверить дискретность манифестации означающих практик при восприятии и понимании каламбуров, а также обнаружить лингвокультурные особенности исследуемого феномена при анализе ответов представителей разных государств. Местом проведения был выбран международный лагерь студенческого актива «Славянское содружество», участниками которого являются студенты, молодые ученые, лидеры молодежных и студенческих объединений, представители творческой молодежи.

В качестве стимульного материала были предложены следующие 20 каламбуров, функционирующих в публичной речи, отобранные нами из названий рубрик «Воскресных новостей» на Первом канале, а также каламбуры, использованные футбольными комментаторами: *И снег, и грех; Футбольное Евангелие от Луки; Воробей – не слово, выстрелит – не поймаешь; Не уст Алла; Порок в своем отечестве; Денег.net; Плетикоса, Плетикоса! Сиди дома, плети косы! ; От грека подальше; Ели речь идет о футболе, а не о магазине, то одного Франка вполне хватит; Выступление и наказание; Апача! Какая подача опасная! ; Такая полуптичья команда у Украины: Гусев, Гусин, Воробей, Воронин. Но они доказали, что не на птичьих правах в Германии; Пока на Швейцарского Мюллера украинского Штирлица не на-*

ходится; ТяЖКХое время; Осада Асада; По правилам хорошего Тони мяч должен был оказаться в воротах; ПерезаГрузия; 45-е февраля; Хурадо ловит хураж, посмотрим, сможет ли на этом хураже принести Спартаку победу; Румыны очень много говорили о том, что попортят кровь фаворитам этой группы, называли себя вампирами. Но на всякого вампира есть вамПирло. Материал отбирался по принципу частотности употребления в устной и письменной публичной речи.

В ходе пилотажного эксперимента ии. предъявлялась карточка, на которой был записан отдельный каламбур. Инструкция эксперимента была следующей: «Объясните предложенное выражение и конкретизируйте ситуацию, в которой, по Вашему мнению, оно может употребляться». Если выражение кажется незнакомым или непонятым, бланк можно было отложить и больше к нему не возвращаться в процессе дальнейшей работы, условия обязательного заполнения бланков не ставилось. Время работы с каждым бланком не ограничивалось. Кроме того, на каждом бланке ии. фиксировали свой пол, возраст, социальный статус и профессиональную принадлежность.

В результате «вертикального анализа» и применения методики субъективных дефиниций было получено 400 бланков, которые в дальнейшем обрабатывались в два этапа. При «вертикальном анализе», предполагающем беглый просмотр заполненных бланков с целью исключения непригодных для дальнейшей работы (к этой категории мы отнесли бланки, на которых невозможно разобрать почерк и, как следствие, прочесть ответы на поставленные вопросы), все экспериментальные бланки были признаны годными для дальнейшей обработки.

На этапе вторичной обработки экспериментального материала полученные реакции были разбиты на 4 группы, соответствующие каждой практике. При манифестации индивидуальной означивающей практики на восприятие каламбура «оказывают влияние особенности деятельности индивида по созданию и перестройке знаковой формы объекта (как основы интерпретационного выбора) из материала, получаемого от внешних воздействий или производимого самим Говорящим, динамичные процессы семиозиса в культурном континууме и языковая практика конкретного лингвокультурного сообщества» [Зубкова <http://>]. Например, каламбур «*И снег, и грех*» (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 2.12.2012) был названием рубрики, в которой описывалась затяжная зима 2013 г. в России. У некоторых ии. основанием для восприятия и понимания предложенного выражения являлась индивидуальная означивающая практика: «*Кто-то просто весело пошутил и вместо смех употребил слово снег*». Здесь становится ясно, что человек знаком с выражением «и смех, и грех», однако не понимает предложенное высказывание как каламбур и соотносит его с первоначальным вариантом. Часто ии. интерпретировали высказывание в соответствии с гендером. Например, каламбур *Плети-коса, Плетикоса! Сиди дома, плети косы!* (Р. Рабаданов Спартак–ЦСКА) одна из ии. прокомментировала следующим образом: «*Очень крутой человек, который класно плетет косы. Наверное, парикмахер на дому*», и привела контекст: «*Я бы назвала так подругу, которая круто плетет косички*». Однако ии. мужского пола декодировал данное выражение так: «*Легкий троллинг вратаря ФК Ростов, допустившего ошибку и пропустившего гол*». Являясь футбольным болельщиком, ии. с легкостью узнал фамилию игрока. Данную реакцию мы относим к проявлению

индивидуальной означающей практики еще и потому, что ии. употребляет новомодное разговорное слово *«троллинг»*. В качестве примера можно привести реакцию на каламбур *От грека подальше* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 30.12.2012) одной из ии.: *«Знакомый грек, от которого надо держаться подальше»*. По мнению ии., данное высказывание можно было употребить в следующем контексте: *«Наставление, совет мамы дочери»*.

У некоторых ии. индивидуальная практика явилась основой для понимания каламбура *«ТяЖКХое бремя»* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 3.03.2013). Манифестация этой означающей практики проявилась в восклицательных предложениях и так называемых «смайликах»: *«))) Да! ЖКХ это тяжкое бремя! Я уже за год не платила!!!»*. То же самое можно сказать о реакции на каламбур *Апача! Какая подача опасная!* (Казаков И. Спартак-Кр.Советов 19.07.2009): *«Понятия не имею, по чесноку!!!»*. На вопрос о контексте употребления данного высказывания ии. затруднился ответить: *«_ . _ . _ . _ . _ ♥»*, то же самое касается сферы употребления каламбура *Осада Асада* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 17.03.2013): *«_ . - . - . - - no comment - . - . - .»*

Мы получили подтверждение высказанному ранее постулату о том, что «проявление специфической интерсубъектной детерминации в процессе означивания, обусловленной культурными рамками, может изменить направленность этих процессов в профессиональном поле, а с учетом манифестации антропного фактора трансформировать сценарий развития культуры» [Зубкова [http:](http://)]. Например, каламбур *По правилам хорошего Тони мяч должен был оказаться в воротах* (К. Выборнов, Италия – Румыния) (Тони – футболист сборной Италии) вызвал у одного из ии. следующую реакцию: *«Тона заменено на Тони; Тони хор. футболист, который забил много мячей»*. Очевидно, что ии. хорошо знаком с устойчивым выражением «по правилам хорошего тона», поэтому сделал вывод о том, что автор каламбура трансформировал данное высказывание. Другой ии., студент филологического факультета, употребил бы приведенное выражение *«в телетексте и газетной статье, в радиокомментарии, – в любом жур. мат-ле»*. Это свидетельствует о том, что ии. хорошо знаком с разными типами журналистского текста. В качестве примера приведем еще один каламбур *Осада Асада* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 17.03.2013). Один из ии. дал следующий комментарий: *«К сожалению, не знаю что такое Асада, но игра слов великолепная»*. Не зная точного значения выражения, специалист легко распознал игру слов. Один из ии., представитель специальности журналистика интерпретировал каламбур *От грека подальше* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 30.12.2012) таким образом: *«Очевидно, обыгрываются слова, «грех» заменен на «грек». Совет держаться подальше от потенциально опасного грека»*. Сама формулировка ответа выдает в ии. филологически подкованного человека.

Культурная практика, несомненно, явилась доминантной у ии., принадлежащих другой культуре. Так, например, ии. из Абхазии на вопрос «Как Вы понимаете выражение *И снег, и грех?»* написал: *«Никак. У нас снега почти не бывает»*. Следовательно, при описании контекста еще одного каламбура о затянувшейся зиме в России *45-е февраля* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 17.03.2013)

ии. ответил: «*Не знаю, употребил бы ли я это...*». Похожая ситуация произошла с другим ии. из Абхазии, который прокомментировал каламбур «*ТяЖКХое время*» следующим образом: «*Это больная тема в России на мой взгляд*». Рассмотрим выражение *Пока на Швейцарского Мюллера украинского Штирлица не находится* (К. Выборнов Украина-Швейцария 26.06.2006). Ии. спроецировал высказывание на проживавших вместе в лагере «Славянское содружество» представителей Абхазии и России: «*На Абхазского Штирлица, русского Мюллера не находится. Бессмыслица ахах*»

В ситуации, когда каламбур был связан с географической соседкой Абхазии Грузией (каламбур *ПерезаГрузия* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 10.02.2013)) ии.отреагировал исключительно политкорректно: «*| - | - | - | - | - | - | сори*». В данном случае также уместно говорить о доминантности культурной практики.

«В отличие от индивидуальной и культурной означивающих практик, для профессиональной в устной профессиональной коммуникации характерно, прежде всего, формирование финальной логической интерпретанты в процессе текстуального означивания» [Зубкова, электронный ресурс].

В ходе эксперимента нами было установлено, что профессиональная практика явилась доминантной при декодировании большого количества каламбуров, большей частью это справедливо для студентов филологического факультета. Таким образом, один из ии. понимает выражение «*и снег, и грех*» как «*обыгрывание фразы “и смех, и грех”*». Каламбур *Порок в своем отечестве* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 9.09.2013) ии. прокомментировал следующим образом: «*Замена слова «пророк» на «порок». Порок в своем отечестве – отрицательный смысл, «нет порока в своем отечестве» - положительный*». Филолог наиболее полно объяснил, каким образом было построено юмористическое высказывание. Другой каламбур *Не устАлла* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 9.12.2012), учащийся филологического факультета разбил на составляющие: «*Не устала Алла*». А в каламбуре *Плетикоса, Плетикоса! Сиди дома, плети косы!* (Р.Рабаданов Спартак-ЦСКА) легко распознал обыгрыв фамилии: «*Обыгрыши фамилии вратаря, который провел неудачный матч*».

В нашем эксперименте приняли участие студенты разных специальностей: будущие учителя русского языка и литературы, иностранных языков, технологии, информатики, учителя начальных классов, психологи, журналисты, переводчики, экономисты, режиссеры, филологи и лингвисты. Последние при ответах на предложенные вопросы преимущественно использовали свои профессиональные знания. Например, предложенный каламбур «*Футбольное Евангелие от Луки*» (К. Выборнов, Евро-2008, Италия-Румыния) ии. - лингвист интерпретирует следующим образом: «*Комментаторский оборот, доказывающий футбольный талант нападающего сборной Италии Луки Тони*». Сама формулировка высказывания, использование словосочетания *комментаторский оборот* подтверждает доминирование профессиональной означивающей практики.

Как отмечалось ранее, сферу нашего научного интереса представляет публичная речь, а значит, каламбурные высказывания комментаторов, газетные за-

головки и названия рубрик будут легче всего интерпретироваться филологами журналистами. Практически все ии. журналисты на вопрос, где бы Вы употребили данное высказывание, давали следующие ответы: «в СМИ, в журналистском материале, в названии газетного заголовка, статья в газете, журналистский текст, журнал». Однако при ответе на вопрос, как Вы понимаете выражение, всего двое ии. в двух разных случаях смогли распознать игру слов. Например, каламбур «от грека подальше» (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 30.12.2012) один из ии. – журналистов интерпретировал следующим образом: «Очевидно, обыгрываются слова, «грех» заменен на «грек». Совет держаться подальше от потенциально опасного грека». Или же каламбур «Выступление и наказание» (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 30.12.2012) был понят как «обыгрывание названия произведения Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"». С нашей точки зрения каламбур и игра слов – это разные понятия, так как обыгрываться могут не только отдельные слова, но и словосочетания и даже предложения (ср. напр: «Кандидатские диссертации пишут доктора, а докторские – кандидаты»). В рассматриваемых случаях мы считаем допустимым употреблять обе дефиниции как синонимы.

Однако не только лингвистические профессиональные знания оказывались доминантными. Так ии. студент экономического факультета на вопрос «как вы понимаете выражение «Денег.net» (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 31.03.2013)?» дал следующий ответ: «Говоря о бартерной экономике». И употребил бы его «в своей повседневной жизни». А учащийся факультета физики, математики и информатики со специальностью учитель информатики употребил бы данный каламбур на «Сайте по кредитованию».

Результаты данного эксперимента подтвердили тот факт, что каламбур как знак может реализовываться в рамках трех означающих практик. Это зависит от многих факторов, например таких как, гендер, географическое положение, специализация и даже место проведения эксперимента. Например, ии. был предложен каламбур *Не уст Алла* (Воскресные новости, Первый канал, эфир от 9.12.2012). Несколько участников, распознав здесь имя *Алла*, соотнесли его с именем организатора студенческого лагеря «Славянское содружество», в котором осуществлялся данный эксперимент: «*Алла Альбертовна Чертова готова работать еще и еще*» или «*Алла Альбертовна никогда не устает*». На вопрос «где бы вы употребили данное выражение?» отвечали: «*На "Славянке"*» (разговорное название лагеря «Славянское Содружество»).

Таким образом, в ходе пилотажного эксперимента было получено 800 реакций. Некоторые ии. затруднились с вербальным ответом, ограничившись графическими маркерами («смайлики», черточки и рисунки) понимания / непонимания предложенных каламбуров. Подобные случаи мы относим к проявлению индивидуальной означающей практики. В представленной ниже таблице приведено количественное и процентное соотношение реакций.

Таблица
Количественный подсчет реакций, соответствующих означающим практикам

Означающая практика	Количество реакций		Процентное соотношение	
	Как Вы понимаете данное выражение?	Где бы Вы его употребили?	Как Вы понимаете данное выражение?	Где бы Вы его употребили?
индивидуальная	218	207	55,5 %	51,75%
культурная	8	8	2%	2%
профессиональная	174	193	43,5%	48,25%

Из приведенной таблицы видно, что индивидуальная означающая практика оказывалась доминантной. Это можно объяснить тем, что каждый участник эксперимента при восприятии и понимании каламбура опирался прежде всего на свой личный опыт и знания.

Таким образом, мы считаем, что выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась. Проведенный эксперимент доказал, что на восприятие и понимание каламбуров влияют различные факторы как лингвистической, так и экстралингвистической направленности, а также профессиональные знания, что объективируется в манифестации вышеуказанных означающих практик.

Список литературы

Зубкова О.С. Специфика объективации означающих практик в рамках интегрированного лингвосомиотического пространства <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf>].

Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике: монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2011а. – 334 с.

Зубкова О.С. Метафора в ментальном лексиконе: монография. – Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011б. – 232 с.

Зубкова О.С. Номотетическая методика vs. методика живой речи // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 1 (11), Курск, 2012а. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/011-004.pdf>

Зубкова О.С. Функциональная представленность профессиональной метафоры в лингвосомиотическом пространстве специального языка // Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Калининград, 18–24 июня 2012 г. – Калининград, 2012б. – С. 373 – 375.

Zubkova O.S. Professional metaphor in a special discourse of view of lingvosemiotic concepts // Intellectual and moral values of the modern society. – B & M Publishing, San Francisco, California, USA. 2013. – P. 125–126.

Н.Н. Казнова, И.Г. Овчинникова

УДК 811'42+316.77

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПО СРАВНЕНИЮ С БЛОГОСФЕРОЙ

В статье рассматривается Интернет как востребованная коммуникативная технология, позволяющая выбирать оптимальный формат и жанр общения. Авторы сравнивают возможности, предоставляемые для общения социальными сетями и блог-платформами. Отмечается, что соцсети на сегодняшний день занимают более высокие позиции в списке предпочтений Интернет-пользователей. Выделяются общие и специфические черты жанров как «третичных» жанров в соответствии с концепцией Михаила Бахтина, касающиеся, в частности, их природы, языка, обслуживающего подобную коммуникацию, а также модели осуществления коммуникативного акта и функций, выполняемых блогами и сообщениями в социальных сетях. Мы рассматриваем технологию (платформу для коммуникации, программное обеспечение, интерфейс) в качестве жанрообразующего признака.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, «третичный» речевой жанр, блог, социальная сеть, самопрезентация, автономинация.

Natalia N. Kaznova, Irina G. Ovchinnikova

SPECIFIC FEATURES OF COMPUTER MEDIATED COMMUNICATION: SOCIAL NETWORKS VS. BLOGS

The article examines the Internet as an essential communicative technology. The authors analyse specific features for communication in social networks in comparison with blogging platforms. The analysis helps to define general and specific characteristics of weblogs and networks referring to their nature, language, models of the communicative act and functions of genres. A genre in the computer mediated communication is considered in the context of Mikhail Bakhtin theory. The technology (platform or networks) provides specific peculiarities for genres.

Keywords: communication, Internet, genre, discourse, blogging platforms, social network, self-presentation, nickname.

К постановке проблемы: зависимость Интернет-жанров от технологии компьютерно-опосредованной коммуникации

Общение – это социальное взаимодействие, без которого невозможно как развитие цивилизации, так и человеческое бытие как таковое. Это базовая потребность человека, которую Б.Ф. Ломов сравнивает с витальными потребностями индивида: «Общение является необходимым условием нормального развития чело-

века как члена общества, как личности» [Ломов 1999: 199]. Общение как основа человеческой жизнедеятельности представляет собой деятельность, подверженную изменениям под влиянием меняющихся условий коммуникации и каналов связи. Особый вклад в развитие коммуникации внесла научно-техническая революция, прежде всего – появление в XX веке Интернета как нового средства связи.

Интернет – это не только средство связи, это особый социальный, психологический и культурный феномен. Значительная часть коммуникаций перемещается сегодня в новое измерение – виртуальную реальность. Интернет предоставляет индивиду практически неограниченные возможности связи и взаимодействия с другими индивидами, а также возможности самопрезентации и самовыражения [Казнова 2011].

Виртуальное общение осуществляется в рамках традиционной модели коммуникации: отправитель сообщения – канал связи – получатель сообщения. В то же время изменение канала коммуникации влечет за собой трансформацию всех составляющих коммуникативного акта. Отправитель сообщения учитывает особенности используемого канала связи, поскольку заинтересован в релевантной реакции адресата на свое сообщение. Адресат определяет интенцию адресанта на основе доступных ему в используемом канале связи средств (вербального сообщения, интонации, мимики, почерка, других невербальных компонентов). Само сообщение в зависимости от канала связи и формы языка (устный, письменный, устно-письменный) строится по-разному. Модели речевого поведения, отражающие выработанные на практике способы языкового оформления сообщения и взаимодействия с адресатом, варьируют в зависимости от канала связи. Наиболее ярким воплощением такой вариативности выступают речевые жанры. Трансформация первичных речевых жанров, по М.М. Бахтину, во вторичные происходила при усложнении коммуникации и необходимости усовершенствовать социальное взаимодействие в условиях письменного общения в контексте «высокой» элитарной культуры [Бахтин 1979]. Соответственно, новый канал связи стимулирует развитие новых и обновление существующих моделей речевого поведения, новых жанров.

Компьютерно-опосредованная коммуникация может носить межличностный, групповой или массовый характер в зависимости от Интернет-жанра. Само понятие жанра компьютерно-опосредованного общения еще не устоялось в науке. Наибольшее распространение получило определение Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной, в котором жанр представляет собой оформление типичной ситуации социального взаимодействия посредством сети Интернет в вербальных и невербальных знаках [Горошко, Жигалина 2011 <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223>]. На наш взгляд, в определение стоит ввести еще один параметр, а именно – платформу, то есть технологию использования глобальной сети, поскольку технология предполагает разные степени свободы использования глобальной сети. Интерфейс платформы предопределяет возможности участия в коммуникации, способ включения и меру информированности о других участниках коммуникативного акта.

При работе с Интернет-жанрами мы опираемся на теорию М.М. Бахтина о соотношении первичных и вторичных жанров [Бахтин 1979]. Подобно тому, как вторичные жанры появляются в иной, более сложной культурной среде, для общения в которой трансформируются первичные речевые жанры, «третичные» интернет-жанры рождаются в ответ на «вызов» нового канала коммуникации. В зависимости от портала и характера публикации, в Интернет функционируют как традиционные жанры (например, в электронных СМИ), так и специфические (блог, электронное письмо и др.). В сети возможно деловое общение, размещение официальных документов, литературно-художественное творчество, бытовой диалог – и наряду с этим возникает сетелитература, пост, полилог в комментариях и многое другое. В новых жанрах используются технические возможности канала связи: гипертекстуальность, сочетание вербального кода с видео- и аудиоматериалами, интерактивность, синхронность коммуникации нескольких пользователей, возможность сочетания различных регистров общения в рамках одного жанра, групповой и даже массовый характер коммуникации. Даже авторство речевого сообщения в Интернет представлено иным образом, чем в реальности, поскольку гипертекст по природе своей стремится к анонимности.

Необходимо принимать во внимание и специфический для компьютерно-опосредованной коммуникации параметр взаимодействия, а именно технологическую сторону: поисковые системы, форумы, социальные сети, блог-платформы, почтовые серверы и т.п. Каждая из технологий предоставляет особый, характерный для нее формат общения. Этот формат общения проявляется в ограничениях как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Причем ограничения касаются не столько норм, которые пока не кодифицированы, а только формируются, а собственно узуса. Именно узус определяет ограничения на варианты национального языка, длину текста, типы речевых актов, использование ников, разнообразие невербальных компонентов, саму возможность и количество гиперссылок, а также многое другое. Таким образом, при рассмотрении Интернет-жанров существенно принимать во внимание «третичный» характер некоторых из них и технологическую платформу их функционирования. Соотношение технологической платформы и жанра пока остается в стороне основных интересов исследователей виртуальной коммуникации. Мы сосредоточимся на анализе различий жанров и правил общения в рамках двух различных технологий: социальной сети и блог-платформы. Выбор объектов анализа обусловлен близостью возможностей коммуникации в блогах и социальных сетях. Применительно к пользователям социальных сетей и блог-платформ зачастую применяют один и тот же термин – блоггер, хотя формат общения и характеристики сообщений существенно различаются. Попытаемся описать эти различия.

Блог и сообщение в социальной сети как «третичные» жанры Интернет-коммуникации

Среди «третичных» речевых жанров сети Интернет особое место занимает блог. Этот жанр, имеющий аналоги в реальной коммуникации, быстро приоб-

рел популярность и получил особое признание. Пользователями блогов являются прежде всего представители зрелого и пожилого возраста, для которых блог – возможность достижения целей, самореализации и расширения социальных контактов [Казнова 2011]. Молодые посетители блог-платформ и социальных сетей довольно быстро сменили блог на более компактные сетевые жанры, покинув блог-платформы и сосредоточившись на микроблогах Twitter, коротких сообщениях в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники или Facebook и фотографиях в Instagram. Причем доступные русскоязычным пользователям социальные сети существенно расходятся по социальным характеристикам: в то время как дети сидят ВКонтакте, их родители общаются на Одноклассниках. Оформление страницы в социальных сетях существенно отличается от того, что представлено на блог-платформах. Пользователи социальной сети могут наблюдать активность своих друзей, их присутствие в сети, оперативно получать информацию о реакции на собственные сообщения и комментарии. Такие возможности интерфейса диктуют определенный формат общения и влияют на проявление жанровых параметров сообщения.

Приведем основную характеристику социальных сетей русскоязычного сектора Интернета.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет данные о том, сколько российских пользователей Интернета сегодня зарегистрированы в социальных сетях и какие именно социальные медиа популярны в России. Доля пользователей сети Интернет к началу июля 2013 достигла уже 57% (против 49% в 2012 году), причем наиболее стремительно растет доля ежедневных пользователей Сети (с 30 до 36% за год). Не пользуются ресурсами «всемирной паутины» сегодня немногим более 45%.

В социальных сетях сегодня зарегистрированы 82% пользователей Интернета (еще в 2010 году этот показатель составлял 52%). Типичный пользователь социальных медиа - это человек в возрасте 18-24 лет (96%), обеспеченный (87%), проживающий в Москве и Санкт-Петербурге (94%). Самыми популярными социальными сетями Рунета остаются Одноклассники (ими пользуются 62% пользователей Интернета) и ВКонтакте (73%). Третье место занимает сеть «Мой мир», популярность которой существенно выросла (с 22 до 31%). Значительно увеличилась аудитория зарубежных сетей Facebook (с 5 до 18%) и Twitter (с 2 до 9%). Доля пользователей остальных сетей не превышает 6%. Особенно интенсивно растет количество пользователей Twitter (<http://habrahabr.ru/company/palitrmlab/blog/186422/> Проверено 24.08.2014). В основном россияне используют локальные социальные сервисы, что нетипично для европейских стран. Многие из пользователей имеют аккаунты в мировых социальных сетях, но до сих пор в них не мигрировали. Наиболее популярная в России блог-платформа ЖЖ (Живой журнал, LiveJournal) в сущности превратилась в Интернет-СМИ, поскольку блоги активно ведет только 1 % пользователей, которые оставляют хотя бы одну запись в неделю. На смену ЖЖ приходит проект «Сноб», в котором блог-платформа существует как вариант журнала со специальными рубриками и приглашенными гостями.

Проанализировав природу блога, мы пришли к выводу, что речь идет о синтетической форме, имеющей черты, с одной стороны, других Интернет-жанров (персональной страницы, форума и др.) и, с другой стороны, традиционных литературных и эпистолярных жанров [Казнова 2011]. Блог является, с одной стороны, новой формой классического интимного дневника; с другой стороны, представляет собой трансформацию таких литературных жанров, как исповедь, биография, автобиография, путевые заметки. В качестве смежного с блогом функционирует специфический Интернет-жанр – самопрезентация [Бондарькова 2014]. Поскольку потребность в ведении дневника испытывают отнюдь не все, постольку авторов блогов заведомо меньше, чем пользователей социальных сетей.

Сообщения в социальных сетях, как и блоги, представляют собой синтетический жанр: здесь и мультимедийные послания автора, и краткие сообщения о текущем статусе автора или важных новостях, и комментарии других пользователей, и информация из других Интернет-источников. Причем комментарии представляют собой отдельный специфический жанр, поскольку для его реализации необходимо первичное, «комментируемое» сообщение [Сидорова 2014]. Характер сообщений и способы самопрезентации их авторов существенно отличаются в блогах и социальных сетях. Мы рассмотрим сходства и различия в общении на блог-платформах и в социальных сетях и на этом основании выясним причины несовпадения речевого поведения пользователей упомянутых форматов компьютерно-опосредованного общения. Проанализируем оба жанра с точки зрения их содержательных и функциональных признаков.

В плане содержания блога и сообщений в социальной сети выявляются как сходства, так и различия. Общими оказываются закономерности функционирования языка, обусловленные игровой направленностью Интернет-общения [Кронгауз 2013]. Мы отмечаем как в русских, так и во французских и англоязычных блогах иноязычные вкрапления, сниженную лексику, сокращения, словотворчество, комбинирование символов, зачастую намеренное нарушение грамматических правил и фонетическое письмо, а также явную тенденцию сетевого дискурса к аграмматизму и упрощению средств языкового выражения. Приведем несколько примеров на французском языке:

mon couzin françois entrin de jouer a la psp !!!!!!!!

J adore trp cette ideo et la musique est super ^_^ i loveeee ^_^

Chui un peu folle => Chui Complettemnt amoureuse =P et puis mon blog et lapour me présneter xD

Что касается наполнения блогов и соцсетей, то оно не ограничивается текстом, превращая запись в мультимедийный ресурс. Помимо текста авторы публикуют фото-, видео- и аудиоматериалы, гиперссылки на другие Интернет-ресурсы и т.д. В ответ на потребность пользователей упростить процедуру размещения собственных фото- и видео-материалов появляются специализированные сети (Instagram). Причем в социальных сетях больше мультимедийного содержания, поскольку бытуют неоговоренные ограничения на размер текста: не только читатели сетуют, что *многа букв*, но и сами авторы извиняются: *Друзья, это большой*

текст, 52 т.з., некуда больше его положить. Опыт показал, что с телефона такие не читаются, открываются без пробелов, поэтому это, скорее, для монитора. Стремление к быстрой реакции на размещенную в сети информацию, к оптимизации передачи новостей привело к появлению специфической платформы для микро-блогов – Twitter, размер сообщения в которой ограничен 140 символами.

Основные отличия сообщения в социальной сети от блога

Мы выделяем пять основных отличий блогов от сообщений в социальных сетях.

Во-первых, социальные сети отличаются от блогов массовостью коммуникации: страничка в социальной сети позволяет любому пользователю вступить в контакт со всеми остальными, объединяться в группы, создавать дополнительные страницы, даже не публикуя собственные сообщения. Многие записи («посты») подчеркнута вторичны, нацелены исключительно на широкое распространение готового содержания, которое зачастую публикуется без всяких комментариев со стороны хозяина странички. Пользователи социальных сетей активно расширяют свой круг общения, присоединяя друзей своих друзей.

По сравнению с записями в социальных сетях блоги являются более элитарным жанром. Можно сказать, что вести блог сложнее, чем писать в социальных сетях: это отнимает больше времени, сообщения здесь обычно объемнее и глубже, содержат больше ссылок и гиперссылок на другие ресурсы для обоснования авторской позиции. Эти черты сближают блог со статьей в электронных СМИ. В последнее время обозначилась такая тенденция: пользователи социальных сетей размещают на своей страничке ссылку на собственный текст в блоге, если длина текста не соответствует формату общения в сети. В таком случае автор пытается использовать массовость коммуникации в социальных сетях, привлекая внимание к своему блогу.

Во-вторых, скорость реакции на события, скорость информационного и коммуникационного обмена существенно отличается в блогах и социальных сетях. Социальные сети заметно быстрее реагируют на новости, что обусловлено как массовостью, так и краткостью сообщений, поскольку для создания записи на блог-платформе требуется существенно больше времени. Скоростью реакции и контактов обусловлено некоторое небрежение деталями и неряшливость в интерпретации информации в социальных сетях. Для пользователей социальная сеть становится основным источником новостей, а блог – способом их различного осмысления и толкования. Особую роль в распространении новостей и формировании «новостной волны» играет Twitter [Овчинникова 2013; Горошко, Полякова 1914].

В-третьих, авторство записей оформляется и проявляется по-разному. Специфический характер канала связи влияет на все составляющие коммуникативного акта в сети. Анонимность контактов позволяет коммуникантам представлять перед собеседниками в качестве сознательно сконструированного

персонажа. Вступая в сетевое общение, его участники сталкиваются не с реальными людьми, но с теми репрезентациями, образами, которые авторы Интернет-сообщений предлагают. Виртуальный образ может совпадать с реальной личностью пользователя или, напротив, быть сконструированным, не имеющим ничего общего с реальным индивидом. Возможность конструирования образа спровоцировала появление специфического жанра самопрезентации [Бондарькова 2014; Овчинникова 2013]. Единственным каналом информации о собеседнике в виртуальной коммуникации является его текст в сочетании с невербальными компонентами и мультимедийным содержанием. Автор блога – фигура эфемерная. Не имея возможности точно установить пользователя, создавшего дневник, мы вынуждены доверять тому образу, который нам предложен. Собственно, точное авторство блога не имеет особой значимости, в отличие от его содержания – передаваемого послания.

Социальные сети, напротив, изначально нацелены на установление контактов между реальными людьми, а не виртуальными образами. Безусловно, профиль в соцсети может быть создан для игры, для «подглядывания» или просто по воле моды, и тогда вместо настоящего имени указываются вымышленные данные. Для описания пользователей сетей оказывается релевантной концепция «типажа» [Рогачева 2011]. Типаж виртуальной языковой личности отражает ее связь с профессиональной сферой и сферой личных интересов, а также определяет характерные средства Интернет-коммуникации. Для типажа характерно, наряду с другими особенностями, еще и предпочтение определенной модели автономии. Те, кто сохраняет в виртуальном общении свои реальные черты, используя компьютерно-опосредованную коммуникацию для расширения профессионального общения или хобби, как правило сохраняют и свое реальное имя.

Различия в самопрезентации между авторами блогов и пользователями социальной сети заметны в автономиях. В обследованной нами случайной выборке личных страниц в сетях Facebook и Twitter пользователи предпочитают указывать свои настоящие имя и фамилию в 60% и 50% случаев соответственно. А вот в блогах полные имена сохранять не принято, так поступают менее 5% пишущих; авторы блогов предпочитают ники, отражающие их профессию (*Хацкер, Профессор, Байт*), интересы (*сэр Гарри Поттер, Чарли Чаплин*), хобби (*SOSanimal*), черты характера и настроение (*Хреново_мне, Бессонница Грусть, Злой*), а иногда – адреса электронной почты, по которым порой можно восстановить имя автора блога. Полагаем, что отношение к автономии отражает мотив вступления в компьютерно-опосредованную коммуникацию: чем меньше виртуальное общение предназначено для решения реальных профессиональных или коммуникативных проблем в кругу знакомых и друзей, тем меньше вероятность сохранения полного имени в качестве ника.

В-четвертых, существенно различается этикет коммуникативного поведения в социальных сетях и на блог-платформах. В социальной сети принято отмечать каждый прочитанный комментарий гостя на собственной страничке

пометкой «нравится» («лайкать») или проставлять оценки (как в Одноклассниках), отсутствие пометы свидетельствует о том, что комментарий не прочитан. Происходящая десемантизация оценки «нравится» проявляется в появлении пометок «нравится» под записями с печальными и даже трагическими сообщениями, хотя порой сами комментаторы таких новостей уточняют: *Ставить «лайк» рука не поднимается*. Помимо неперменного ответа на комментарии гостей, развернутой репликой или «лайком», появляется традиция здороваться и прощаться с сетевым сообществом, поздравлять с праздниками и днями рождения. В блогах такого рода этикетное поведение не востребовано.

В-пятых, интерфейс социальных сетей отличается от блогов оперативностью. Создавая сообщение для своего блога, пользователь сосредоточен исключительно на нем. Блоггер не отслеживает действия других пользователей блог-платформы, имея возможность, разумеется, в любой момент прочитать посты других авторов и прокомментировать их. Интерфейс социальной сети дает возможность иметь всю информацию «перед глазами». Во-первых, в соцсети отражается, кто из «друзей» находится онлайн. Во-вторых, можно понять, было ли прочитано личное сообщение, а также набирает ли оппонент ответное сообщение. Все это ведет к моментальности коммуникации в соцсети: пользователи общаются здесь и сейчас, сразу получая ответную реакцию, тогда как коммуникация в блоге отличается значительно меньшей скоростью обмена посланиями.

Перейдем к функциональному аспекту исследуемых жанров.

Мотивами создания блога выступают: попытка компенсировать недостатки обыденного общения (социальные, культурные или иные барьеры, которые разрушаются в компьютерно-опосредованном общении и позволяют выходить на связь с большим количеством пользователей), желание осуществить эксперимент со своей идентичностью или вступить в игру с другими виртуальными. Однако главной функцией блога мы считаем креативную, созидательную. Суть блога заключена в послании, в сообщении блоггера. Индивид, желающий высказать миру свою позицию, поделиться творчеством, найти единомышленников и т.д., создает персональное сетевое пространство и наполняет его тем содержанием, которое считает нужным и важным. Именно поэтому столь распространены блоги журналистов, политиков, музыкантов, художников, которые отнюдь не всегда выступают под своим полным именем. Таким образом, с одной стороны, блоги способствуют установлению и развитию контактов между пользователями сети, с другой – именно в данном жанре наиболее полно и ярко проявляется личность индивида.

Прежде чем перейти к функциям социальных сетей, отметим такое важное свойство виртуального дискурса, как интерактивность. Она проявляется двояко: с одной стороны, в связанности информации, циркулирующей в сети и объединенной посредством гиперссылок, с другой – в единстве пользователей Интернета. Действительно, виртуальная реальность порождает новый тип социума. Это сетевое сообщество, живущее и развивающееся по своим законам. Интернет отражает особенности существования современного информационно-

го общества, обеспечивая основные его ценности – информацию и коммуникацию. Виртуальное общество лишено пирамидальной структуры, что создает равенство. Каждый пользователь сети ощущает себя центром того мира, который создает техническая система [Казнова 2011]. По признаниям многих пользователей, сетевая дружба оказывается не менее прочной, чем реальная; сетевые отношения нередко перерастают в реальные.

Нам кажется, именно здесь кроется главная функция социальных сетей – создание особого сообщества (или даже совокупности подгрупп в рамках одного сообщества). Индивид стремится к общению. Не столь важно, будут ли собеседники знакомы в реальной жизни. Монитор компьютера создает тот надежный барьер, за который не проникнет незнакомец, барьер, защищающий от обид и прочих опасностей реального контакта. Тот мир, который создают сегодня технологии, многие исследователи называют утопичным: это похоже на утопию, поскольку дает ощущение абсолютной свободы [Wolton 1999: 88]. «Кибермир – наша новая утопия, наше «*rousse-au-jouir-sans-risques*» («наслаждайся без риска») [Guillaume 1999: 23].

В силу большого количества контактов в соцсетях пользователи проводят в них много времени за чтением и комментированием чужих сообщений. Целью такого времяпрепровождения становится не желание передать послание, как в блогах, а простая потребность в общении, обозначение своего присутствия в сети, а тем самым – в социуме. Социальные сети позволяют поддерживать не только дружеские, но и профессиональные контакты. Однако, как нам кажется, число тех, кто общается ради общения значительно больше: это школьники и студенты, обсуждающие в сети повседневные события и объединяющиеся по интересам; это пользователи, желающие вернуть прежние контакты (вернуться, по сути, в прежний круг общения, в прежнее сообщество); это те, кто может общаться свободно только в сети (и только в сети быть частью хоть какой-то группы).

Здесь скрывается главный парадокс современного общества: имея по сути бесчисленное количество контактов, индивид явно ощущает нехватку общения, что и побуждает его опробовать все новые виды Интернет-коммуникации, осваивая все новые сетевые жанры. Современное развитие техники и коммуникативных технологий «решает две насущные проблемы: одиночества и потребности в единении с другими» [Wolton 1997: 251]. В то же время «досетевой» человек «страдал от недостатка коммуникации» [Gauquelin 1970: 25], что в современном мире преодолимо за счет виртуальных контактов в социальных сетях.

Можно сказать, что все указанные функции блогов и социальных сетей сводятся к одному: сеть способна реализовать то, что не может быть реализовано в действительности, и выполняет, следовательно, компенсаторную функцию. Разумеется, это не единственная, но самая яркая из функций. Виртуальное общение позволяет компенсировать не только личностные проблемы, но и разьединенность коммуникантов в пространстве, несовпадение во времени готовности к общению. Однако компенсаторная функция на блог-платформе и

в социальной сети проявляется по-разному. Блог призван сообщить, передать, выразить, в то время как социальная сеть позволяет избавиться от ощущения одиночества и экзистенциального страха.

Модель общения в социальных сетях как «третичный» жанр

Сообщение в социальной сети представляет собой синтетический «третичный» жанр, который на самом деле объединяет несколько подвидов. Возможно, стоит выделять каждый из подвидов в отдельный жанр, поскольку различия в записях весьма существенны. Заметим, что исследователи предпочитают квалифицировать в качестве специфического жанра реализации сообщения в различных социальных сетях на различные темы: например, политический твиттинг [Горошко, Полякова 2014]. В качестве содержания сообщения функционируют не только оригинальные записи авторов, но и новостные и литературные тексты. Общим параметром для всех вариантов содержания, то есть жанрообразующим параметром, выступает интенция социализации, вступления в социальное взаимодействие с группой, объединенной общими интересами или мировоззрением, позиционирование себя в группе как носителя той или иной информации, знания, настроения. Сообщение в социальной сети – это способ заявить о себе в группе, обозначить свое существование и определить сферу влияния. В таком случае разграничение подвидов сообщения как различных жанров существенно в той же мере, в какой выделяют подвиды жанра в журналистике или литературе: спортивный и политический репортаж, лирическая комедия, античная трагедия.

По точному замечанию С.С. Аверинцева, жанры постепенно приобретают и накапливают свои признаки – необходимые и достаточные условия своей идентичности, затем «живут», разделяя участь всего живого, то есть терпя изменения; иногда «умирают», иногда возвращаются к жизни в преобразованном виде [Аверинцев 1986]. Полагаем, что «третичные» жанры в настоящее время накапливают свои признаки, приспосабливаются к технологическим возможностям. В связи с этим весьма симптоматична последовательность появления Интернет-жанров: от блога до сообщения в Twitter жанр последовательно приспосабливается к оптимальному использованию мультимедийности, интерактивности, массовости и скорости информационного обмена.

Модель общения в социальных сетях складывается под влиянием таких факторов, как [Овчинникова 2013]:

- социально-демографическая характеристика пользователя;
- принадлежность пользователя к национальной культурной традиции и субкультуре, позиционирование Я в национальном социокультурном пространстве;
- коммуникативные установки социальной сети (наличие ограничений на размер и формат сообщений);
- технические возможности оборудования, поддерживающие доступ в Интернет и соответствующее программное обеспечение.

Выбор между блоготом или возможностью обмениваться сообщениями и комментариями в социальной сети предопределен прежде всего коммуникативными запросами пользователя, его интенцией и мотивами.

Заключение (выводы)

Таким образом, специфика общения в социальных сетях по сравнению с блогами обусловлена как технологическими, так и социальными факторами. Технологические факторы включают степень интерактивности платформы, интерфейс, позволяющий оперативно включаться в диалог, ограничения на размер и модальность сообщений.

Развитие платформ для общения позволяет более интенсивно использовать интерактивность и скорость обмена информацией с адресатами, сочетая массовость с возможностью ограничения коммуникантов пределами группы. Соответственно возникают и развиваются различные варианты заметок в блогах и сообщений в социальных сетях, варьирующие параметры мультимедийности и интерактивности.

Список литературы

Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104-116.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Бондарькова А.В. Самопрезентация как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов). Вопросы психолингвистики. – 2014. – Вып. 1(19). – С. 78-91.

Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное. – 2011 // Текстология.ru. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=223> (дата обращения: 24.07.2014).

Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы). Дисс... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 238 с.

Кронгауз М. Самоучитель Олбанского. Астрель, Corpus, 2013. – 416 с.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1999. – 350 с.

Овчинникова И.Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер). Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2013. № 2. – С. 143-156.

Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров Интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011. – 23 с.

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального Интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2014. – 23 с.

Якобсон П.М. Общение людей как социально-психологическая проблема. – М.: Знание, 1973. – 32 с.

Gauquelin F. Savoir communiquer. – Paris, Editions RETZ. – 1970. – 256 p.

Guillaume M. L'empire des réseaux. – Paris, Descartes & Cie. – 1999. – 160 p.

Wolton D. Internet et après ? Une théorie critique des nouveaux médias. Mayenne, Flammarion. – 1999. – 242 p.

Wolton D. Penser la communication. Flammarion. – 1997. – 416 p.

И.И. Чесноков

УДК 81' 1

ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА ПОРУГАНИЯ: КОСВЕННЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ

В статье описываются психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики vindictive дискурса. Получает освещение тактика поругания как структурная составляющая названного вида знаковой деятельности. Анализируются косвенные формы объективации данной тактики.

Ключевые слова: концепт «мечь», vindictive дискурс, стратегия проклятия, тактика поругания, косвенные формы объективации.

Ivan I. Chesnokov

The DISCOURSIIVE TACTIC OF DESECRATION: INDIRECT FORMS OF PRESENTATION

Mental epicenter, motive, aim, strategies and tactics of vindictive discourse are described in this article. Tactic of desecration as a structural component of the above mentioned type of sign activity gets enlightenment. Indirect forms of presentation of this tactic are analyzed.

Keywords: concept «revenge», vindictive discourse, strategy of curse, tactic of desecration, indirect forms of presentation.

Одним из источников социальной активности человека является эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыденном сознании ключевым словом «мечь». Названный концепт находит свое выражение не только в предметно-практической, но и возникшей на ее основе знаковой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как vindictive дискурс (далее – ВД) [Чесноков 2009: 7–8].

Глубинным психологическим мотивом данного вида знаковой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания.

Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению выше названной границы, а последняя в конечном счете определяется волей осуществляющего знаковую деятельность субъекта, то тактику поругания (как, впрочем, и угрозы, изгнания и злопожелания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется им для утверждения своей воли.

Заметим, что имя изучаемой тактики в современных лингвистических исследованиях наряду со словом «оскорбление» нередко используется как эквивалент термина «инвектива», который, в свою очередь, в самом общем плане определяется как «любое резкое выступление, выпад против оппонента» [Жельвис 1997: 137]. Не оспаривая возможность соотнесения слова «порушение» с самым широким спектром форм выражения вербальной агрессии, мы тем не менее рассматриваем его как имя тактики ВД, обеспечивающей реализацию стратегии проклятия в формах, не выражающих конкретно-коммуникативных смыслов изгнания и злопожелания [Чесноков 2009: 216–220].

Тактика поругания (как и другие тактики ВД) реализуется в прямых и косвенно-производных формах.

Все прямые формы объективации изучаемой тактики можно свести к таким высказываемым субъектом речи предложениям, в которых 1) посредством пейоративов и обценной лексики выражается оценочная нефактуальная квалификация адресата-агрессора, 2) посредством предизируемых ему аморальных или противоправных действий – фактуальная квалификация, 3) при помощи устойчивых конструкций типа «плевал я на тебя», «черт тебя носит» и др. эксплицируется негативное эмоциональное отношение к его намерениям или действиям; кроме этих к прямым формам представления изучаемой тактики мы относим также имплицитные угрозы резкие (не выражающие конкретно-коммуникативных смыслов изгнания и злопожелания) директивы, в том числе и персональные запреты [Чесноков 2011].

Иерархически организованное сообщество, как известно, налагает запреты на проявление индивидом агрессии как в предметно-практической, так и знаковой (в том числе и вербальной) деятельности, что заставляет фрустрированную языковую личность обращаться к поиску нетрадиционных (косвенных) форм объективации тактик ВД, которые позволяли бы ей реализовывать соответствующие данным тактикам стратегии при формальном соблюдении этических (а в отдельных случаях – и юридических) норм социального взаимодействия. Косвенные формы объективации тактики поругания включают в себя широкий круг высказываемых субъектом речи предложений, нацеленных на причинение адресату-агрессору морального ущерба и формальное соблюдение выше названных норм.

Полагаем, что прямое поругание превращается в косвенное, если субъект речи вместо выражающих посредством пейоративов нефактуальную оценочную квалификацию лица утвердительных предложений использует аналогичные по своей семантике вопросительные предложения (ср.: «Ты – дурак» и «Ты дурак?», «Ты – свинья» и «Не свинья ли ты?» и др.).

Например: *«Молодой парень, белобрысый и скулатый, в рваном тулупчике и в больших черных валенках, выждал, когда земский доктор, кончив приемку, возвращался из больницы к себе в квартиру, и подошел к нему несмело.*

- К вашей милости, - сказал он.

- Что тебе?

Парень ладонью провел себе по носу снизу вверх, поглядел на небо и потом уже ответил:

- К вашей милости... Тут у тебя, вашескоблородие, в арестантской палате мой брат Васька, кузнец из Варварина...

- Да, так что же?

- Я, стало быть, Васькин брат... У отца нас двое: он – Васька, да я – Кирилла. Акроме нас, три сестры, а Васька женатый, и ребяенок есть... {...}.

- Что же тебе от меня нужно?

- Сделай милость, отпусти Ваську!

Доктор удивленно поглядел на Кирилу и, ни слова не сказавши, пошел дальше. Парень забежал вперед и бухнул ему в ноги.

- Доктор, господин хороший! – взмолился он, моргая глазами и опять проводя ладонью по носу. – Яви божескую милость, отпусти ты Ваську домой! {...}.

- Да ты глуп или с ума сошел? – спросил доктор, глядя на него сердито. – Как же я могу его отпустить? Ведь он арестант!» (А. Чехов. Темнота).

Думается, что косвенным поруганием является и оценочная нефактуальная квалификация лица, которая выносится на основании совершенных (или совершаемых) им действий, но представляется не прямым предципированием ему пейоративных имен (ты – дурак / трус и т.д.), а посредством сравнительной конструкции (ты вел (ведешь) себя как дурак / трус и т.д.) или речевых структур с обобщающим значением (так ведут себя дураки / трусы и т.д.; все дураки / трусы и т.д. так поступают и др.).

Косвенное поругание реципиента может обеспечиваться также присвоением ему нейтральных в оценочном отношении имен или даже мелиоративов, которые в наличной конфликтной ситуации общения оказываются способными выполнять инвективную функцию.

Среди нейтральных слов, которые субъект речи использует в качестве инвектив, немало таких, которые являются наименованиями лица по профессии, принадлежности к определенной социальной группе, политической партии или движению (*ветеринар, колхозник, большевик, демократ* и др.).

Вот лишь некоторые примеры, в которых слова данной категории приобретают пейоративную окраску и превращаются в инвективы:

1) «Вот тут – то темперамент отца и проявился в полную силу. Он ухватил врача за ворот и легко оторвал от пола. Пижонские «Nagelschuhe» врача заскребли носками хорошо начищенный паркет, а пижонские очки съехали на нос.

- Если ты, ветеринар, еще раз позволишь себе смотреть на мою жену таким сальным взглядом, я тебя раздавлю» (В. Платова. Хрустальная ловушка).

2) «Но договориться было уже нельзя. Все накопившее в Рощине за последние месяцы взорвалось бешеной ненавистью. Он стоял в дверях, вытянув шею, и глядел на Катю, показывая зубы.

- Ненавижу, - прошипел. – К черту!.. С вашей любовью... Найдите себе жиды... Большевичка... К черту!..» (А. Толстой. Хожение по мукам).

Нейтральные наименования лица по принадлежности к той или иной социальной группе, политической партии или движению, используемые в качестве инвектив, иногда называют ярлыками, которые маркируют социокультурные различия и проявления нетерпимости к иному [См.: Апресян 1997].

Использование субъектом речи мелиоративов в качестве средств косвенного поругания всегда связано с его ироничным отношением к реципиенту. Лежащий в основе инвективных иронических номинаций механизм антифразиса – симпатия, восхищение на поверхностном уровне и поругание на глубинном уровне [См.: Дементьев 1999: 46] – обуславливает их широкое распространение как в обыденном, так и в институциональном общении.

См. 1а) *«Ну, герой, рассказывай, как тебя мальчишка вокруг пальца обвел»* (записи живой речи, далее – ЗЖР).

1б) *«Ну что, голубчик, попался?! Теперь я научу тебя, как по чужим огородам лазать»* (ЗЖР).

2а) *«Открываю сегодня с утра любимый Интернет, смотрю: наши американские приятели говорят, что мы будем и впредь оказывать поддержку в Российской Федерации учителям, врачам, ученым, профсоюзным лидерам, судьям. Последнее для меня вообще просто было чем-то выдающимся. Это что имеется в виду, они собираются наших судей взять на кормление что ли, коррупцию будут поддерживать? А если речь идет о совместных программах, то они обычно реализуются с теми странами, с которыми существует близость восприятия основных мировых процессов. А то, если дальше так пойдет, они нам скоро президентов уже будут подбирать»* (Из выступления Президента РФ Д.А. Медведева на встрече с представителями общественных и религиозных организаций. 19.09.2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=210245&t-only=1> (дата обращения: 10.10.2008).

2б) *«Доблестные грузинские войска, отступая, побросали всю заграничную военную технику»* (ОРТ. «Однако». 24.08. 2008).

Косвенное поругание может быть выражено и посредством использования субъектом ВД имени собственного своего оппонента во множественном числе в качестве нарицательного.

См. *«Но если Марк Твен просто высмеивал тогдашние политические нравы Америки, то господа карауловы, брилевы, сванидзе и им подобные лгут сознательно и безнаказанно»* («Советская Россия». 02. 12. 2003).

Функционально-семантическим центром таких форм представления единичного как недискретного множества, по мнению А.Б. Пеньковского, следует считать генерализующее обобщение, которое становится основой для пейоративного отчуждения [Пеньковский 1989: 57]. Сущность последнего, как считает названный автор, «состоит в том, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира» [Там же]. Объяснение внутреннего механизма этой операции и особенностей ее языкового выражения находится в специфике структуры образов своего и чуждого мира. «Свой» мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. «Свой» мир – это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные.

«Свой» мир – это мир форм единственного числа со значением единичности. Формы множественного числа – там, где они необходимы, – используются в значении неоднородного множества. {...} «Чужой» мир – это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно – как речь на чужом языке. {...}...это мир форм множественного числа со значением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные» [Там же: 57 – 59]. С учетом выше изложенного использование субъектом ВД имени собственного своего оппонента во множественном числе можно рассматривать как прием выражения негативной эмоциональной оценки его референта через причисление последнего к чужому (враждебному) миру.

Косвенное поругание может быть выражено и при помощи местоимений *всякий, каждый, разный, какой-нибудь, этот*, частиц *там, тоже* и некоторых других языковых единиц.

Местоимения *всякий, каждый, разный* и *какой-нибудь* в значении «неважный, не заслуживающий внимания» употребляются говорящим для дискредитации отличительных признаков определенного, известного ему, объекта и как средства выражения «обезразличивающего обобщения» (*всякий, каждый, разный*) и, соответственно, «обезразличивающей неопределенности» (*какой-нибудь*) приобретают еще и семантику пейоративного отчуждения [Пеньковский 1989: 65]. В этом, совмещающем тимиологическую и аксиологическую оценку, значении они и употребляются в качестве косвенно-производных средств объективации изучаемой тактики.

См. 1) «– Я же вам ясно, гражданин, сказала: начальника нет и сегодня не будет. Ходят тут всякие...» (Н. Гейко. Под откос).

«Сторож натывает на человека и останавливается.

- Как же ты сюда попал? – спрашивает он.

- Заблудился, человек хороший. Шел на Митриевскую мельницу и заблудился.

- Эва! Нешто тут дорога на Митриевскую мельницу? {...} Ты с пьяна-то лишних версты три сделал. Надо быть налился в городе?

- Был грех, батюшка, был... {...} А как же мне теперь-то идти?

- А иди все прямо и прямо по этой аллее, пока в тупик не упруешься, а там сейчас бери влево и иди, покуда все кладбище пройдеши, до самой калитки. {...}

- Дай бог здоровья, батюшка. Спаси, царица небесная, и помилуй. А то проводил бы, добрый человек! Будь милостив, проводи до калитки!

- Ну есть мне время! Иди сам!

- Будь милостив, заставь бога молить. {...} Проводи, сударик!

- Да есть мне время провожаться! Ежели с каждым нянчиться, то так не провожаешься» (А. Чехов. Недоброе дело).

3) «Спьяну полз однажды скандалить с Даниловым Георгий Николаевич из двадцать пятого дома. – Да я таких! – шумел он. – Лезут всюду разные! С бородами!» (В. Орлов. Альтист Данилов).

4) «Так что когда какая-нибудь там Лахова, приезжая в Волгоград, говорит, что она меня редко видит, то самое малое, что я бы хотел ей сказать, так это то, что я хочу видеть ее еще реже» (Газ. «Ваша газета». 21.08.1999).

Местоимение *этот* содержит в своем значении компонент дистанцирования и также используется говорящим в качестве своеобразного маркера пейоративного отчуждения.

См. «- *Кто тебя обидел? – Петров из пятого «б».* – *Ну я этому Петрову покажу, где раки зимуют»* (ЗЖР). (В данном случае ВД выполняет фатическую функцию).

Частица «там» с ее «основным местоименно-наречным обстоятельственным значением «не здесь», «не теперь» (откуда далее «не в моем сознании») отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культуры и ценностные миры, куда от «я-здесь-теперь» можно перебраться только оценивающей мыслью» [Пеньковский 1989: 79]. А поскольку оценивающее сознание воспринимает «другое» как «чужое-плохое», то частица «там» вполне закономерно превращается в знак пейоративного отчуждения.

См. «- *Я думаю, тебе нужно попросить у него прощенья.*

- *А мне все-равно, что ты там думаешь»* (ЗЖР).

Частица «тоже» как средство выражения субъектом речи иронично-неодобрительного отношения к какому-либо лицу встречается в именных (Тоже (мне) герой!) и глагольных (Тоже (мне) придумал!) конструкциях. В первых, по мнению Н.Ю. Шведовой, выражается отрицание у лица «того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием», а во вторых «называемый глагольный признак оценивается иронически, осуждается, определяется как неполноценный, не дающий ожидаемого результата» [Шведова 1960: 172-173]. (Аналогичное толкование значения частицы «тоже» в названных условиях представлено в МАС-2: [МАС-2, Т.4: 373]).

В практике социального взаимодействия названные конструкции используются субъектом речи в репликах-реакциях на некие ненормативные с его точки зрения действия коммуниканта.

Например: «- *Тоже мне мать называется! Дети без штанов по улице бегают, а она хоть бы что»* (ЗЖР).

Адресуя данную фразу женщине, не уделяющей достаточно внимания детям, субъект речи исходит из стереотипного представления о том, какой должна быть настоящая мать. Понятно, что среди образующих это представление признаков забота о детях является одним из доминантных. А поскольку с точки зрения субъекта речи женщина-реципиент в своем поведении названного признака не проявляет, то посредством конструкции «Тоже мне мать называется!» она фактически исключается им из числа лиц, имеющих право называться словом «мать». В этом контексте частицу «тоже» можно рассматривать не только как средство выражения ироничного неодобрения, но и как маркер пейоративного отчуждения.

Думается, что и в глагольных конструкциях, используемых субъектом речи для указания на несоответствие какого-либо действия коммуниканта эталону (например: «Тоже мне объяснил!», «Тоже мне помог!» и др.), частица «тоже» выполняет аналогичные семантические функции.

Полагаем, что косвенным поруганием является и фактуальная квалификация лица, выражаемая посредством предцирования ему признаков, имплицитующих негативную эмоциональную оценку его морально-волевых качеств, интеллектуального развития и пр.

См., например, эпиграмму Демьяна Бедного на Наркома Просвещения А.В. Луначарского:

*«Нарком стреляет рубрики
И метит точно в цель.
Лохмотья дарит публике,
А бархат Розенель»* [Цит. по: ПЭП: 53].

В двадцатых годах прошлого века в пьесе А.В. Луначарского «Лохмотья и бархат» блистала его гражданская жена, актриса Малого театра Наталья Розенель. Ходили слухи, что нарком тратил огромные средства на содержание своей гражданской жены, что он дарил ей даже драгоценности, принадлежащие царской семье [Там же]. В этой связи в газете «Правда» и появилась эпиграмма Демьяна Бедного, намекающая на аморальное поведение Наркома.

См. также высказывание лидера ЛДПР В.В. Жириновского, которым он, рассказывая о своей частной жизни, не упустил возможности задеть своего «извечно-го» оппонента, лидера КПРФ Г.А. Зюганова:

«У меня дома десять тысяч книг. Пойдемте к Зюганову – у него только «Дед Мазай и зайцы» (РТР. «Вести». 18.11.2007).

Отдельно следует сказать о таких формах представления тактики поругания, как дразнилки и передразнивания.

Дразнилка – это сатирическая миниатюра, всегда метрически организованная и обязательно рифмованная, встречающаяся преимущественно в детской речи [Химик 2001: 672-673]. Дразнилки часто декламируются хором, сплоченной группой детей, преследующих свою жертву, что вполне согласуется с особенностями социальной психологии соответствующего возраста говорящих [там же].

Объектом поругания чаще всего становится тот, кто нарушает установленные в детском коллективе нормы поведения. Не желающему чем-либо поделиться со своими сверстниками предназначается дразнилка *«Жадина – говядина!»*, не соблюдающему правила той или иной игры – *«Жила долго не живет, заболевает и умрет!»* и т.д. Кроме этого объектом поругания нередко выступает ребенок, который просто имеет заметные (и вызывающие негативное эмоциональное отношение у членов детского коллектива) физиологические (в том числе и национальные) особенности. Тому, кто имеет большую массу тела, адресуется дразнилка *«Жиртрест – комбинат, промосиска, лимонад!»*, армянину (или похожему на него человеку) – *«Армяшка – деревяшка!»* и т.д. В последних случаях объект поругания фактически выступает в роли козла отпущения, на которого при помощи унижающих его дразнилок члены коллектива выплескивают накопившиеся в них отрицательные эмоции. И в первой, и во второй векторных проекциях реализуются дразнилки, основанные на языковой игре с именем объекта поругания: *«Борис, председатель дохлых крыс!»*, *«Вовка – морковка!»*, *«Лешка – картошка!»*, *«Маша – простокваша!»*, *«Сергей – воробей!»* и др. Семантическое содержание приведенных миниатюр абсурдно, и единственным основанием предидирования объекту поругания тех или иных имен является звуковая игра.

Отметим, что инвективные манипуляции с именем объекта поругания характерны не только для детей, ими пользуются и взрослые люди, что прежде всего характерно для участников политического дискурса [Какорина 1996]. «Искаженные

имена политических лидеров, - пишет Е.И. Шейгал, - содержат скрытую предикацию и имплицитно обвинительное суждение: Б. Натанович Президент (- Ельцин – сионист или действует по указке сионистов); Горбобельцин (- Ельцин ничуть не лучше Горбачева, оба они принесли народу только страдания). Пародирование имени может осуществляться за счет установления ассоциативных отношений по созвучию или общности корня с оценочным экспрессивом (Зорькин – Позорькин) или с распространенной бранной инвективой: ЧВС взорвался: «Ни козленков, ни козлов я не знаю и знать не хочу!..» [Шейгал 2000: 135]. (В последнем примере представляется инвективное обыгрывание фамилии Козленок).

Отличительной особенностью дразнилок, как видим, является их ярко выраженная сигнальная двунаправленность: 1) посрамить адресата-агрессора и 2) вызвать насмешку у адресатов-наблюдателей, которая по замыслу субъекта речи должна усилить страдания инвектируемого. Данное обстоятельство, связанное со стремлением субъекта речи в конфликтной ситуации общения привлечь на свою сторону адресатов-наблюдателей и тем самым усилить свою позицию, вероятно, и обуславливает их активное употребление представителями самых разных возрастных и социальных групп.

Передразнивание – «это воспроизводимая и устойчивая ответная реплика, которая употребляется в диалогической речи в качестве типизированной пародийной реакции говорящего на неуместное с его точки зрения речевое действие партнера по коммуникативному акту» [Химик 2005: 673].

Как правило, говорящий подвергает передразниванию неуместные с его точки зрения вопросы: «- Где? – На бороде!», «- Кто? – Конь в пальто!», «- Куда? – На кудыкину гору!», «- Откуда? – От верблюда!» и др.

Кроме этого часто передразниваются замечания с ключевыми словами «жалко», «стыдно», «неудобно» и др.: «- Тебе, наверно, жалко. – Жалко у пчелки», «- Как тебе не стыдно?! – Стыдно, у кого видно», «- Это же неудобно! – Неудобно на потолке спать» и др.

Встечаются также и передразнивания директив, и выглядят они как выражения мнимой, пародийной готовности говорящего следовать каким-либо (противоречащим его воле) призывам, требованиям, просьбам: «...- Сейчас, только ишурки поглажу», «...- Всю жизнь мечтал» и др. [Подробнее об этом см.: Каган 1997; Химик 2005].

Косвенное поругание может быть объективировано и различными рогативными конструкциями, которые используются субъектом речи для выражения своего негативного эмоционального отношения к оппоненту и которые не содержат пейоративных имен или глаголов, обозначающих его аморальные или противоправные действия

1) *«После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжной сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать, как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. {...}. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила*

мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упавая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...

- *Что он вам рассказывал?* – спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости: - *верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?..* – Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением *кольнуть меня*) (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

2) *«Президент Грузии, выступая перед телезрителями, вдруг начал жевать собственный галстук.*

Вот тут непонятно: неужели батона Мишико забыл вишить туда амулу с ядом – на случай провала?!» (Газ. «Комсомольская правда». 21-28.08.2008).

Подобного рода конструкции (различные по своей тональности) широко представлены и в бытовой, и в институциональной сферах общения.

Косвенное поругание содержится и в не выражающих конкретно-коммуникативных смыслов изгнания и злопожелания директивах, в том числе – и персональных запретах, которые используются субъектом речи (как правило, характеризующимся тем или иным статусным преимуществом) в качестве реплик-реакций на некие противоречащие его воле действия коммуниканта. Подобного рода директивы, включая и персональные запреты, в свою очередь могут воплощаться и в прямых (*«Сколько можно развлекаться?! Займитесь делом!»*), (*«Не вмешивайся в наши дела! Без тебя разберемся!»*), и в косвенно-производных формах (*«Что за шум после отбоя? Не пора ли уgomониться?!»*), (*«Я бы не советовал тебе разговаривать со мной в таком тоне. Я старше тебя и по возрасту, и по званию»*).

Степень косвенности поругания в данных случаях, вероятно, прямо пропорциональна степени косвенности директивных актов, используемых говорящим в конфликтных ситуациях общения в качестве реплик-реакций на противоречащее его воле поведение реципиента.

Итак, косвенные формы объективации тактики поругания включают в себя высказываемые субъектом речи вопросительные предложения (*Ты дурак?*), представляющие собой продукты трансформации выражающих посредством пейоративов оценочную нефактуальную квалификацию лица утвердительных предложений (*Ты дурак*).

Кроме этого – утвердительные предложения, в которых оценочная нефактуальная квалификация лица выражается посредством сравнительной конструкции (*ты ведешь себя как дурак*) или речевых структур с обобщающим значением (*так ведут себя дураки, все дураки так поступают*);

различные по своей синтаксической организации предложения, в которых оценочная нефактуальная квалификация лица выражается посредством

предсказания ему нейтральных в оценочном отношении имен или мелиоративов, способных в конфликтной ситуации общения выполнять инвективную функцию,

использования его имени собственного во множественном числе в функции нарицательного или употребления местоимений *всякий, каждый, разный, какой-нибудь, тот*, частицы *там* и некоторых других языковых единиц в качестве маркеров пейоративного отчуждения;

утвердительные предложения, в которых фактуальная квалификация лица

выражается посредством предцифирования ему признаков, имплицитующих негативную эмоциональную оценку его морально-волевых качеств, интеллектуального развития и пр. (*У меня дома десять тысяч книг. {...}...у него только «Дед Мазай и зайцы»*).

К косвенным формам объективации изучаемой тактики причисляем также дразнилки, передразнивания и различные рогативные конструкции, которыми субъект речи выражает свое негативное эмоциональное отношение к поведению оппонента и которые не содержат пейоративных имен или глаголов, обозначающих его аморальные или противоправные действия.

Считаем, что косвенное поругание содержится и в директивах, в том числе – и в персональных запретах, которые используются субъектом речи в конфликтной ситуации общения в качестве реплик-реакций на некие противоречащие его воле действия реципиента.

Список литературы

- Апресян Р.Г.* Сила и насилие слова // Человек. – 1997. № 5. – С. 133 – 137.
- Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. – 1999. № 1. – С. 37 – 55.
- Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М.: Ладомир. – 1997. – 329 с.
- Каган М.С.* Эстетика как философская наука. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис». – 1997. – 544 с.
- Какорина Е.В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры. – 1996. – С. 409 – 426.
- МАС-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык. – 1981 – 1984.
- Пеньковский А.Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке // Структурная лингвистика. – 1985 – 1987. – М.: Наука. – 1989. – С. 54 – 82.
- ПЭП – Политические эпиграммы. Российская история за последние 300 лет в политических эпиграммах, частушках и сатирических стихах (17-20 вв.). Составитель, автор предисловия и примечаний Семен Белов.
- Химик В.В.* Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова: сб. науч. ст., посвященный 65-летию проф. В.И. Мокиенко. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 670 – 677.
- Чесноков И.И.* Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис...д-ра филол. наук. – Волгоград. – 2009. – 334 с.
- Чесноков И.И.* Дискурсивная тактика поругания: прямые формы объективации // Филологические науки. – 2011. № 5. – С. 76 – 85.
- Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Изд-во АН СССР. – 1960. – 377 с.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса: монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена. 2000. – 368 с.

Ф.И. Карташкова

УДК 802.0 - 56

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению специфики коммуникативного поведения человека в кооперативном и некооперативном общении. Рассматриваются лексические и грамматические особенности речи коммуникантов в ситуациях флирта (мужчин и женщин соответственно), а также в ситуациях конфликтного общения. Устанавливаются наиболее типичные виды невербального поведения человека в кооперативном/некооперативном общении, которые включают контролируемые невербальные компоненты коммуникации, психофизиологические реакции человека (неконтролируемые, произвольные), а также разнообразные невербальные действия специфического характера.

Ключевые слова: вербальное и невербальное поведение, невербальные компоненты коммуникации, языковые репрезентанты, лексические и грамматические особенности, эмоциональное состояние.

Faina I. Kartashkova

VERBAL AND NON-VERBAL COMPONENTS OF COMMUNICATION IN ENGLISH FICTION

The paper is devoted to analysis of verbal and non-verbal components of communication in situations of cooperation and confrontation which are described in a literary piece. Lexical and grammatical peculiarities of speech utterances are shown. Different types of non-verbal behavior (those which can be controlled, psychophysiological reactions and specific non-verbal actions) and ways of their description in a literary piece are shown.

Keywords: verbal and non-verbal components of communication, cooperation, confrontation, physiological reactions, specific non-verbal actions.

Изучение реальных процессов коммуникации предполагает учет экстралингвистических и психологических факторов. В реальных актах коммуникации задействованы единицы не только естественного языка, но и невербального кода, которые взаимодействуют между собой.

Описание невербального поведения персонажей художественного произведения способствует правильной дешифровке эмоций персонажей, поскольку истинные эмоциональные реакции отражаются прежде всего в невербальном поведении, основными видами которого являются контролируемые невербальные компоненты коммуникации, психофизиологические реакции человека (неконтролируемые, произвольные), а также разнообразные невербальные действия, характер которых весьма специфичен.

Анализ коммуникативного поведения человека, позволяющего установить

интеракционную детерминацию передаваемого в тексте художественного произведения смысла, проводился на материале отрезков текста, фиксирующих ситуации кооперативного и некооперативного общения (подробнее о различных видах общения см. [Антология речевых жанров 2007]). Примером кооперативного общения могут служить, в частности, флирт, выделяемый В.В. Дементьевым в качестве отдельного коммуникативного жанра [Дементьев 2006].

В ситуации флирта правомерно рассматривать коммуникативное (вербальное и невербальное) поведение мужчин и женщин, в известной степени сравнивая и сопоставляя его. В этой связи следует отметить исследования невербального поведения мужчин и женщин в русской культуре, проведенного Г.Е. Крейдлиным [Крейдлин 2005]. Основные результаты исследования вербального и невербального поведения коммуникантов в ситуации флирта в английской лингвокультуре показывают следующее. Вербальное поведение мужчин характеризуется широким использованием пласта эмоционально-оценочной лексики, значительное место в которой занимают существительные с положительной коннотацией (*pleasure, beauty*). Коннотированная лексика не только повышает интенсивность высказывания, но и отражает прагмаустановку мужчин на лидерство в ситуации флирта. Характерным для маскулинных обращений в ситуациях флирта является употребление уменьшительно-ласкательной лексики (*honey, darling, sweet-heart*), а также именных фраз с интимизирующим местоимением 1-го лица (*my darling, my love*). Употребление эмоционально-оценочных прилагательных (часто в превосходной степени: *prettiest, the most wonderful*) дают возможность гиперболизировать те или иные качества женщин в соответствии с иллюкутивной целью мужчин выразить восхищение женщиной. К синтаксическим особенностям вербального поведения мужчин-коммуникантов относятся общие и специальные вопросы, выполняющие контактоустанавливающую функцию (*Cool place to work, if you're into S&M and that sort of thing. How do you like it?*). Переспросы выражают несогласие мужчин с тем или иным высказыванием женщины, однако желание продемонстрировать вежливое поведение определяет употребление переспроса. Восклицательные предложения выражают эмоции восторга и восхищения (*"Honey you're a wonderful girl!"*). Такие эмоциональные состояния мужчин как смущение, волнение на синтаксическом уровне находят отражение в паузах и буквальных повторах (*Could...could I see you again?*)

Для вербального феминного поведения также характерно употребление положительно коннотированных языковых единиц: существительных (*darling*), прилагательных (*handsome*), наречий (*wonderfully*). К лексическим особенностям поведения женщин также относится употребление атрибутивных словосочетаний, компоненты которых носят оценочный характер, вследствие чего имеет место аддитивная оценка (*mighty jealous*).

Синтаксис женщин в ситуации флирта также специфичен: специальные вопросы направлены на дешифровку прагмаустановки мужчины в том или ином эпизоде общения (*What are you doing?*), специальные вопросы в подобных случаях носят по сути риторический характер. Сравнительные конструкции в речи женщин отражают их эмоционально-экспрессивный настрой. Восклицательные предложения в феминной речи встречаются чаще, чем в маскулинных высказываниях, что объясняется, в частности, тем, что женщины более склонны к экспликации своего эмоционального состояния (*O heavenly, heavenly flowers!*).

В невербальном поведении мужчин в ситуациях флирта задействованы различные виды невербальных компонентов (НВК). Наиболее типично использование таких видов НВК, как фонационные, миремические, мимические, проксемные и тактильные.

Фонационные НВК представлены глаголами говорения, модифицированными наречиями (to ask tenderly), адъективно-именными словосочетаниями с существительным VOICE (one's teasing, caressing voice; one's husky voice).

Миремические НВК представлены глаголами с семантикой прямого контакта глаз (to look at, to gaze at), глаголами с семантикой контакта глаз, модифицированные наречиями (to look admiringly), адъективно-именными словосочетаниями и предикативными фразами с опорным компонентом eyes (warm eyes, one's eyes followed smb).

Наиболее частотным проявлением мимических НВК мужчинами в ситуациях флирта является улыбка, языковыми коррелятами которой служат глагольные и адъективно-именные словосочетания с глаголом/существительным smile (to give a smile, an admiring smile).

Проксемные НВК весьма типичны для невербального поведения мужчин в ситуациях флирта: они выполняют контактоустанавливающую функцию. В качестве языковых репрезентантов часто выступают глаголы с семантикой изменения положения тела в пространстве (to lean, to approach) и соответствующие глагольные конструкции (to draw nearer, to come forward).

Тактильные НВК характерны для маскулинного невербального поведения в гораздо большей степени, чем для феминного. Языковыми коррелятами служат глагольные словосочетания с соматизмами hand, shoulder, lips (to touch smb's hand/shoulder). Специфику маскулинного коммуникативного поведения в ситуациях флирта составляет и комбинаторика НВК. Наиболее типичны сочетания проксемного НВК с мимическим/тактильным/миремическим; миремического НВК с мимическим/ тактильным; тактильного НВК с фонационным.

Особое место в невербальном поведении мужчин в ситуациях флирта занимают неконтролируемые, произвольные виды НВК. Их языковыми репрезентантами служат глаголы с семантикой динамики цвета лица (to become red), а также поликомпонентные словосочетания, описывающие различные проявления деятельности вегетативной системы человека (to shudder with excitement).

Специфику невербальных действий мужчины в ситуациях флирта составляют изменения тела в пространстве (языковые корреляты: to walk over, to stand up), изменения тела относительно другого коммуниканта (to go down on one's knee), движения, сокращающие дистанцию между коммуникантами (to draw nearer).

Ассортимент видов феминного невербального поведения, по сути, не отличается от маскулинного, однако их эксплуатирование имеет ряд специфических отличий. Так, в невербальном поведении женщин в ситуациях флирта главенствующее место занимают мимические НВК. Важное место в их языковом описании играют наречия, модифицирующие существительное smile (playfully) и маркирующие прагмаустановку женщины, ее желание продолжить флирт, в то время как улыбка в маскулинном поведении выражает прежде всего симпатию по отношению к женщине.

Миремические НВК в феминном поведении не отражают, в отличие от маскулинного, длительность зрительного контакта. Их языковые репрезентанты – чаще

всего это адъективно-именные словосочетания и глагольные фразы – описывают специфику женского взгляда (*passionate look, timid look*), игру глазами, выполняющих аттрактивную функцию (*frivolous look, to lower eyelids*).

Проксемные НВК женщин также отличаются от маскулинных; последние маркируют инициацию общения, в то время как женщины используют проксемные НВК для демонстрации своих внешних данных (*to walk over, to walk about*).

Тактильные феминные НВК менее разнообразны, чем маскулинные: как правило, это жест руки (*ЯК to hold one's hand*).

Отличие феминных фонационных средств от маскулинных заключается лишь в том, что женщины склонны к кокетливому смеху (*to encourage laughingly*). К группе фонационных НВК примыкает и такой вид НВК, как респираторный (*to burst into tears*), типичный для женского поведения, но не наблюдаемый в маскулинном поведении в ситуациях флирта. В феминном коммуникативном поведении наиболее частотны сочетания таких видов НВК, как фонационный + миремический, миремический + мимический, фонационный + пантомимический + НВК окружающей среды.

Произвольные НВК, так называемые психофизиологические реакции, женщин сходны с мужскими. Любопытно, что мужчины чаще краснеют (*to blush*) и вздрагивают (*to shudder*), испытывая смущение или волнение.

Невербальные действия мужчин больше связаны с движением (*to walk forward*), изменением положения тела относительно тела другого коммуниканта (*to kneel*), различного рода касаниями (*to kiss, to pat*). Для женщин более важна определенная поза; женщины совершают ряд пантомимических действий, описываемых в английской лингвокультуре с помощью глаголов движения и расположения частей тела (*to put one's hand, to put one's chin*). Для женщин также характерны действия с артефактами для достижения в ситуациях флирта таких тактик, как тактика самопрезентации, акцентирования своих внешних данных, аттракции внимания мужчины.

Таким образом, можно заключить, что невербальное поведение в ситуациях флирта имеет гораздо более разнообразные проявления по сравнению с вербальным. Анализ невербальной составляющей коммуникативного поведения в ситуациях флирта представляется особо важным, поскольку дает возможность более полной и адекватной интерпретации эмоционального состояния коммуникантов. При этом следует отметить, что эмоциональные реакции коммуникантов в ситуациях флирта имеют положительный вектор: радость, удовольствие, радостное волнение и другие.

Иной характер носят эмоции человека в некооперативном общении; вектор их направленности, как правило, негативный; степень их интенсивности достаточно высока. Вполне понятно, что коммуникативное поведение в ситуациях конфликтного общения имеет ряд специфических черт, которые проявляются как в вербальной, так и в невербальной составляющих.

Рассмотрим основные особенности вербального поведения коммуникантов в различных эпизодах некооперативного общения. Кроме нейтральной лексики в речи коммуникантов наблюдаются языковые единицы отрицательной коннотации, с помощью которых номинируется деятельность адресата; эту функцию выполняют различные части речи, главным образом существительные и глаголы (*quagmire, to*

spoор around). Отдельное место в вербальном поведении коммуникантов в ситуациях конфликтного общения занимает обценная и инвективная лексика. Обценная лексика выполняет экспрессивную функцию; она позволяет выразить негативные эмоции и чувства коммуниканта (to toss a fucking bomb into this place). С помощью инвективной лексики реализуется иллокутивная цель высказывания – оскорбить и унижить адресата (gutless punk, cad, swine, lowdown, brute). К грамматическим особенностям вербальной составляющей коммуникативного поведения в ситуациях конфликтного поведения относится, в частности, использование конструкций с модальными глаголами can в значении «невероятность», must (+ not) в значении «запрета». Вопросительно-отрицательные формы (don't you think) отражают эмоциональное напряжение коммуникантов. Формы повелительного наклонения (Go away! Tell me!) эксплицируют негативные эмоции коммуниканта, его желание открыто вступить в конфликт. Различные виды повторов (грамматические, лексические, подхват) маркируют несогласие и возмущение коммуниканта. Деструктивные намерения коммуниканта отражают эмфатические конструкции и переспросы.

Невербальное поведение коммуникантов в некооперативном/конфликтном общении также весьма специфично, оно резко отличается от поведения коммуникантов в описанных выше ситуациях флирта. Фонационные НВК занимают лидирующую позицию среди невербальных компонентов коммуникации и имеют разнообразную языковую репрезентацию. К его звуковым репрезентантам относятся глаголы звукового действия (to shout, to yell, to scream), глаголы говорения, модифицированные наречиями (to say indignantly/ haughtily/ frostily), адвербиально-именные словосочетания (with a superior smirk, with annoyance), адвербиально- и адъективно-именные словосочетания с опорным существительным voice/ tone (one's voice quivering, shrill sound, in a voice full of anger, in a voice prickling with hostility, in a commanding tone), глагольные словосочетания с существительным широкой семантики word (to attack smb with words, to spit the words at, to pour words at), приобретающие метафорический характер.

Особый интерес представляют миремические НВК, языковая репрезентация которых разнообразна и отражает специфику визуального канала взаимодействия коммуникантов в ситуации конфликта. Глагольные словосочетания с опорным компонентом look и его синонимами эксплицируют семантику прямого контакта глазами (to stare at, to glare at, to look squarely in the eye, to look disgustedly). Адъективно-именные словосочетания с соматизмом eye(s) описывают характер взгляда, эксплицирующего эмоциональное состояние коммуниканта (glistering eyes, cold eyes). Некооперативный настрой коммуниканта маркируют словосочетания типа to flash a look, to cast a dark look, где глагол акцентирует скорость миремического действия. Еще один вид НВК, типичный для некооперативного общения, – проксемный – имеет специфическую языковую репрезентацию. Чаще всего это глаголы изменения положения тела в пространстве (to rise, to advance at smb), глагольные словосочетания с семантикой вторжения в личное пространство (to step nose to nose, to move closer, to bring one's face up close to), фразовые глаголы с семантикой прерывания контакта (to walk away, to turn one's back to smb, to step backwards). Не менее частотны и мимические НВК в некооперативном общении, они представлены чаще всего предикативными фразами (smb's jaw was set, face revealed nothing but rage). Специфичны и пантомимические НВК коммуникантов, описываемые в английской

лингвокультуре глагольными словосочетаниями с соматизмами (to spring to the feet, to slap across the face, to clench hands).

Вполне понятно, что участники некооперативного/конфликтного общения испытывают сильные эмоции, эксплицируемые посредством произвольных НВК – психофизиологических реакций. Любопытно, что для коммуникантов в эпизодах некооперативного/конфликтного общения наиболее характерны такие проявления деятельности вегетативной системы человека, как головокружение (языковые корреляты – глагольные фразы to feel giddy, предложно-причастные обороты: with one's head swimming/spinning), тремор (языковые репрезентанты – глагольные словосочетания, содержащие имя эмоции, вызывающей данную психофизиологическую реакцию: to shake with rage/ anger, to feel panic race through one's body). Заметим, что чаще всего в конфликтных ситуациях наблюдается дрожь не только в отдельных частях тела (руки, ноги: предложно-именная фраза with shaking hands), но и во всем теле. В связи с тем, что в конфликтных ситуациях экспектации поведения адресата нарушены, коммуникантам свойственно проявлять такую психофизиологическую реакцию, как ступор (языковые репрезентанты – глагольные фразы to look/stand stunned, to be in the state of mental paralysis).

Пантомимические НВК в конфликтном общении тесно смыкаются с невербальными действиями коммуникантов, которые чаще всего носят кинетический характер и связаны либо с изменением положения тела коммуниканта (to throw oneself to the coach), либо с определенными действиями с адапторами, в качестве которых могут выступать как части тела адресата (to press smth against smb's chest), так и манипуляции с артефактами (to raise one's cane).

Специфические невербальные действия коммуникантов в конфликтных ситуациях способствуют достижению тактик некооперативного общения, в частности тактик обороны и прерывания контакта.

Подведем итог. Как показал анализ фактического материала, невербальное поведение человека в различных видах общения играет более значительную роль в плане выражения эмоций и реализации иллюкутивной цели коммуниканта. Выделение, наряду с классическими, принятыми в мировой практике невербальной коммуникации видами НВК произвольных/неконтролируемых НВК, отражающих вегетативную деятельность человека, и специфических невербальных действий, не укладывающихся в общепринятую классификацию НВК, позволяет получить нетривиальные данные при описании невербального поведения коммуникантов в различных видах общения.

Вместе с тем следует отметить и ряд ограничений по работе, в которой не учитываются возрастные и статусно-ролевые особенности коммуникантов, изучение которых и выносится на перспективу.

Список литературы

Антология речевых жанров // Под ред. К.Ф.Седова. – М.: Изд-во «Лабиринт», 2007. – 320 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Изд-во «Гнозис». – 376 с.

Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры». – 2005. – 224 с.

Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц

УДК 811.161.1'374.3

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ДОКУМЕНТА: РАЗНЫЕ ТИПЫ
ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА¹**

Статья посвящена восприятию официально-делового текста. Авторы анализируют наблюдения, полученные с помощью применения экспериментального метода семантического дифференциала для определения качества восприятия реципиентами-профессионалами распорядительно-организационного текста, регламентирующего выполнение профессиональных обязанностей работниками медицинского и педагогического учреждений.

Ключевые слова: речевая деятельность, восприятие, понимание, семантический дифференциал, официально-деловой текст, субъективное пространство

Larisa O. Butakova, Elena N. Goots

**A PSYCHOLINGUISTIC STUDY OF MODERN RUSSIAN DOCUMENT'S
PERCEPTION: DIFFERENT TYPES OFFICIAL DISCOURSE**

The article deals with the perception of official text. The authors analyze the observations obtained with the application of the semantic differential to determine the perception of health care provider administrative and organizational texts governing the implementation of their professional duties.

Keywords: speech activity, perception, understanding, semantic differential, official text, subjective space

Основное внимание в статье уделяется проблеме восприятия официально-делового (ОД) текста.

Научные положения, необходимые для решения указанной проблемы, связаны с психолингвистическим пониманием процессов порождения и восприятия речевого произведения как взаимосвязанных и взаимозависимых, требующих активной речевой деятельности продуцента и реципиента; ОД текста как результата специфической речевой деятельности, языковой формы «регулирования вопросов производственно-административного характера на уровне наделенных специальными полномочиями инстанций и должностных лиц, оформленная и обработанная

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-04-00219 «Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа».

в соответствии с интралингвистическими и экстралингвистическими канонами «официально-деловой коммуникации» [Сологуб 2009: 7]. Важными оказываются доступность этого типа речевой деятельности и ее результата (ОД текста) как психолингвистическая и коммуникативно-прагматическая категория, определение параметров восприятия и описание средств измерения.

Актуальность проблемы обусловлена нарастающей сложностью восприятия и понимания официально-деловых текстов. Усложнение коммуникации такого типа, значительное число ее нарушений вызывают необходимость диагностировать доступность документа с позиций теории речевой деятельности, исследовать факторы, повышающие и понижающие степень доступности.

Для решения указанной проблемы была поставлена задача экспериментальным путем выявить факторы, затрудняющие адекватное восприятие и понимание организационно-распорядительных документов, функционирующих в образовательном и медицинском дискурсах на территории Омска и Омской области. Выбор речевого материала обусловлен известным положением о том, что эффективность коммуникации «по вертикали» (от управленческого звена до исполнителей и наоборот) значительно ниже, чем «по горизонтали».

Общая методология исследования ОД текста учитывает теоретические достижения ряда научных направлений, исследующих текст с точки зрения его порождения, восприятия, понимания, структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации, а именно:

- *русской психолингвистической школы*, рассматривающей текст как результат речевой деятельности его продуцента и реципиента (теория речевой деятельности Л. С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, В.Ф. Петренко; теория сознания и его структуры А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Ф.Е. Василюка, В.Ф. Петренко, теория языкового сознания А.А. Залевской, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, современная психолингвистическая теория значения как достояния индивида А.А. Залевской, Н.О. Золотовой, Е.В. Лукашевич, Е.Ю. Мягковой; концепция смысловых доминант и эмотивно-смысловых доминант В.А. Пищальниковой, Ю.С. Сорокина, А.В. Кинцель; психолингвистическая «концепция смысла», разрабатывающая механизмы формирования содержания текста (А.И. Новиков, В.Н. Пешкова, А.А. Авакян, И.В. Кирсанова, И.Н. Рыбка);

- *документной лингвистики и исследований делового общения* (лингвистический анализ делового текста в работах С.Е. Максимова, И.Д. Сухановой, А.В. Крыминой, В.В. Радченко, Л. Р. Дускаевой, Л.В. Рахманина, Н.И. Кузнецовой, С.П. Кушнерука, Е.В. Ковшиковой, О.С. Сыщикова, А.А. Алексеевой; описание феномена деловой речи Т.В. Матвеевой, когнитивное моделирование делового дискурса Т.А. Ширяевой, функционально-генетическое исследование официально-делового текста О.П. Сологуб и др).

В данной статье анализируются наблюдения, полученные с помощью применения психолингвистического метода семантического дифференциала для определения качества восприятия реципиентами-профессионалами (медиками и учителями) текстов, регламентирующих внутренний распорядок медицинского учреждения и выполнение профессиональных обязанностей его работниками

(Эксперимент-1), и текста объяснительной записки к образовательным программам (Эксперимент-2).

Основная экспериментальная задача была связана с выявлением эмоционально-оценочной составляющей восприятия инструктивного документа, что и определило выбор исследовательского подхода. Мы предполагали, что применение метода семантического дифференциала, т.е. широко используемого в психолингвистике, психологии и социологии метода количественного и качественного анализа смыслов и группового сознания [Дружинин 2003: 308], для определения типа коммуникативного воздействия инструктивного текста на адресата может дать данные, необходимые для изучения уровня осознанности содержания официально-делового текста носителями языка.

Кроме того, применение данного метода позволяет реализовать психосемантический подход к исследованию *личности* (обобщенной усредненной личности) адресата, ее эмоционального отношения к профессиональной деятельности и к ситуации, сложившейся в настоящее время в медицине и просвещении. Специфика психосемантического подхода состоит в том, что исследователь обращается к тексту «через своего посредника – реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращенной форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека» [Петренко 2005: 325]. Это высказывание В.Ф. Петренко, имеющее непосредственное отношение к исследованию произведений искусства, применимо и для изучения любого текста, в частности инструктивного.

Е.Ю. Мягкова характеризует метод семантического дифференциала как «оценку объектов по шкалам с последующей обработкой полученных результатов с помощью факторного анализа», первоначально разработанного как «метод измерения коннотативного или аффективного значения» [Pavio & Degg 1981] и включающего «процедуру оценки набора понятий по ряду биполярных шкал, образованных наиболее частотными прилагательными-антонимами» [Мягкова 2000: 64]. С помощью процедуры факторного анализа эти предварительные результаты обобщаются в виде универсальных факторов, описывающих «трехмерное семантическое пространство, осями которого являются три основных фактора: Оценка, Сила и Активность» [там же].

Метод семантического дифференциала применялся нами в варианте, предложенном В.Ф. Петренко: широкий набор антонимичных шкал последовательно использовался реципиентами к оценке содержания ОД текстов; полученные результаты количественно обобщались; широта набора шкал снижалась за счет применения факторного анализа.

Общая характеристика экспериментального материала

В качестве экспериментального материала для Эксперимента-1 использовались тексты инструктивных документов центра современной медицины г. Омска: «Должностная инструкция врача-кардиолога», «Должностная инструкция старшей медсестры», «Правила внутреннего трудового распорядка», «Инструкция. Действия персонала при пожаре» и т.п.

Все указанные тексты написаны официально-деловым стилем, отличаются книжностью, обращены к конкретному адресату, обозначенному в заглавии, содержат четко выраженные инструктивно-информационные блоки, регламентирующие профессиональное поведение адресата.

В структурном отношении тексты однотипны: четко делятся на композиционные блоки, каждый блок графически отделен от другого, имеет внутреннюю и внешнюю нумерацию. Количество структурных частей и их порядок обусловлены жанровым каноном ОД и объемом необходимой информации.

Тексты принадлежат к императивным РЖ, содержат информацию о действиях, обязательных для исполнения адресатом, реализуют «формально-содержательную инвариантную модель текстов с общей коммуникативной целью (или с общей коммуникативной функцией) давать указания относительно осуществления какого-либо мероприятия», функционируют только в ОД стиле [Рехтин 2005: 10]. Они входят в «арсенал речевых действий людей, вступивших в отношения с целью осуществления общего дела, оптимизация которого предполагает заключение делового договора, регулирующего их отношения» [Рехтин 2005: 65].

Основная информационная и коммуникативная нагрузка ОД текстов сосредоточена в компоненте событийного содержания [Шмелева 1995]. Должностная инструкция (главной медсестры, врача-кардиолога, заместителя главного врача, оператора лаборатории т.п.) предполагает совокупность событий хороших и / или плохих в личной профессиональной сфере адресата с футуральной перспективой, очерчивает условия наступления событий, причинно-следственные связи между событиями, профессиональными, личностными качествами адресата. Кроме того, первый раздел «Общие положения» описываемых ОД текстов РЖ инструкции отражают требования к личностным и профессиональным качествам адресата. В правилах («Правила внутреннего трудового распорядка») компонент событийного содержания имеет сложную структуру, в которой совмещены хорошие и / или плохие события в сфере адресата с футуральной должностной перспективой, причинно-следственные связи между событиями, а также события в сфере самого РЖ и адресанта (метасобытийный компонент, расположенный в разделе «Общие положения»).

Для Эксперимента-2 был взят инструктивный документ, знакомый испытуемым-учителям: «Требования к структуре основных образовательных программ». Оценка адекватности понимания содержания данного текста испытуемыми не являлась главной экспериментальной задачей. Основная задача была связана с выявлением эмоционально-оценочной составляющей восприятия инструктивного документа, что и определило выбор экспериментального метода.

Образовательная программа для средней школы – это основной государственный документ, определяющий содержание и объем обучения предмету, круг знаний, умений и навыков, подлежащих обязательному усвоению учащимися каждого класса. В силу этого программа является *инструктивным документом*, функционирующим в деловом педагогическом дискурсе. Объяснительная записка к образовательной программе – это компонент программы, определяющий основы организации учебного процесса по данному предмету в школе.

Учитель обязан понять содержание официально-делового текста и неукос-

нительно применять содержащиеся в нем *инструкции* при планировании учебного процесса в конкретном классе. Многочисленные беседы с учителями позволяют сделать вывод не только о сложностях понимания подобных инструкций, но, что наиболее важно на данном этапе перестройки системы образования Российской Федерации, – об эмоциональном негативном отношении к всевозможным инструкциям, распоряжением, требованиям и прочим составляющим официально-делового дискурса.

Испытуемые и эксперты (Эксперимент 1): работники центра современной медицины г. Омска. Количество испытуемых – 12; экспертов – 12. Их возраст: 27 – 57 лет; стаж работы: 6 – 35 лет, все имеют высшее медицинское образование.

Испытуемые и эксперты (Эксперимент 2): учителя-словесники общеобразовательных школ и гимназий г. Омска. Количество испытуемых – 20; экспертов – 5. Их возраст: 35 – 55 лет; стаж педагогической работы: 13 – 35 лет.

Описание эксперимента

На подготовительном этапе эксперимента (май 2012 года) была сформирована группа реципиентов-филологов в возрасте 24-26 лет (12 человек), имеющих опыт порождения и восприятия текстов разных жанров. Им были предложены все описанные выше тексты, поставлена цель отреагировать на содержание текстов максимальным количеством антонимичных пар прилагательных, характеризующих субъективное отношение и передающих оценку содержания. Результатом подготовительного этапа эксперимента явилась совокупность шкал, из которых были отобраны шестнадцать наиболее повторяющихся: *понятный / непонятный, стандартный / исключительный, интересный / неинтересный, серьезный / смешной, рациональный / иррациональный, пресный / приторный, опасный / безопасный, продуманный / спонтанный, честный / лживый, гладкий / шершавый, универсальный / временный, приятный / неприятный / цветной / монохромный, доступный / недоступный, медленный / быстрый, живой / мертвый*. Именно с помощью этих шкал на основном этапе эксперимента реципиентами оценивались ОД тексты (Эксперимент-1).

Для подготовки экспериментального задания и отбора (разработки новых) шкал для Эксперимента-2 были приглашены учителя-эксперты. Количество экспертов – 5. Их возраст: 35 – 55 лет; стаж педагогической работы: 13 – 35 лет. Им был предложен экспериментальный текст и возможные шкалы для определения характера восприятия данного текста. Список шкал был составлен на основе материалов, представленных в работе В.Ф. Петренко «Основы психосемантики» [Петренко 2005: 94–97]. В список были включены следующие шкалы: *приятный – неприятный, полезный – бесполезный, веселый – грустный, живой – безжизненный* (фактор «Оценка»); *быстрый – медленный, яркий – тусклый, пассивный – активный* (фактор Активность); *упорядоченный – хаотичный, устойчивый – изменчивый, кратковременный – длительный, единый – дискретный* (фактор «Упорядоченность» или «Стабильность»); *конкретный – абстрактный, сложный – простой* (фактор «Сложность»); *большой – маленький, сильный – слабый* (фактор «Сила»), *редкий – частый, единичный – повторяющийся* (фактор «Обычность»).

Эксперты выбрали следующие шкалы: *приятный – неприятный, веселый – грустный, живой – безжизненный, яркий – тусклый, быстрый – медленный, упо-*

*рядоченный – хаотичный, устойчивый – изменчивый, конкретный – абстрактный, большой – маленький (9 пар). Из предложенных экспертами дополнительных шкал мы выбрали для эксперимента следующие: понятный – непонятный, стандартный – исключительный, интересный – неинтересный, продуманный – спонтанный, честный – лживый, доступный – недоступный (6 пар). Таким образом, в окончательном списке доминируют шкалы, относящиеся к традиционному осгудовскому фактору «Оценка», что, безусловно, предсказуемо: эксперты стремились отобрать или придумать шкалы, использование которых позволило бы именно оценить предложенные им тексты, причем свести оценку к простейшей, но ясно осознаваемой замене на *хороший / плохой*.*

Кроме фактора «Оценка», испытуемыми были выбраны традиционные факторы «Сила» (*большой – маленький*) и «Активность» (*яркий – тусклый, быстрый – медленный*), а также факторы, исследуемые В.Ф.Петренко [Петренко 2005: 96]: «Упорядоченность» (*упорядоченный – хаотичный, устойчивый – изменчивый*) и «Сложность» (*конкретный – абстрактный*), «Комфортность» (*опасный – безопасный*), «Обычность» (*стандартный – исключительный*).

Реципиентами на основном этапе эксперимента (июнь-июль 2012 года) являлись исполнители распоряжений, заинтересованные лица – сотрудники центра современной медицины г. Омска – медицинские сестры, врачи, администраторы, лаборанты (всего 12 человек), которым были адресованы ОД тексты (Эксперимент-1) и соответственно учителя-словесники общеобразовательных школ и гимназий г. Омска (всего 20 человек).

Каждому участнику эксперимента необходимо было заполнить анкету. Анкета содержала вопросы, касающиеся информации о референте (пол, возраст, профессия, должность, стаж) и задания, требующие описать свое отношение к предлагаемым ОД текстам по 16 антонимичным шкалам (32 параметрам). Интенсивность выраженности каждой шкалы градуировалась от +3 до –3, включая 0. Необходимо было обвести соответствующий индекс. Задания выполнялись письменно, в рабочее время, тексты первоначально прочитывались. Время заполнения анкеты было ограничено - 10-15 минут. Отказов выполнения заданий эксперимента не было зафиксировано.

Обработка данных. Так как в нашем эксперименте процедура измерения была классической (испытуемые шкалировали понятия по семизначным шкалам семантического дифференциала), мы использовали и традиционную методику обработки данных: количество баллов по каждой шкале суммировалось и делилось на количество испытуемых [Белянин 2011: 216].

Результаты экспериментов (на примере восприятия текста «Должностная инструкция врача-кардиолога» и «Требования к структуре основных общеобразовательных программ»).

Тексты, предложенные для экспериментов, имеют признаки официально-делового документа. Они предъявлены в виде печатных документов, изложенных на 2 л. формата А4, подписанных руководителями соответствующих организаций. Первые листы ОД текстов снабжены реквизитами учреждений.

Разделы текстов структурно, семантически, прагматически неоднородны. Это может создавать помехи при восприятии информации и вызывать негативные эмоции.

Данные, полученные в результате первого эксперимента, отражены в табл. 1 (см. ниже). Применение 16 антонимичных шкал показало преобладающую картину позитивного восприятия ОД текста специалистами.

Табл. 1. *Восприятие должностной инструкции врача-кардиолога*

Параметры восприятия текста		Средние индексы	
понятный	непонятный	3	0
стандартный	исключительный	2,8	0
интересный	неинтересный	1,25	1
серьёзный	смешной	2,7	0
рациональный	иррациональный	2,6	0
пресный	приторный	1,444444444	0,25
опасный	безопасный	0,6	1,75
продуманный	спонтанный	2,8	0
честный	лживый	2,8	0
гладкий	шершавый	1,666666667	0,333333333
универсальный	временный	2,7	0
приятный	неприятный	1,222222222	0
монохромный	цветной	2,1	0
доступный	недоступный	2,88888889	0
медленный	быстрый	1,125	0,75
живой	мёртвый	1	0

Об этом свидетельствует преобладание высоких индексов по большинству шкал, номинирующих позитивные параметры организации текста. Кроме того, наибольшие индексы положительного отношения были получены по параметрам, отражающим оценку реципиентами семантической и смысловой составляющих текста со стороны их рациональной, информационной организации (всего 7 параметров) (см. табл. 2). Доказательство такого вывода служат те факты, что по параметру *понятности* был получен максимально положительный результат (+3), *доступность* была оценена реципиентами чуть ниже (+2,9), высоко оценены параметры *стандартности*, *продуманности* (2,8).

Табл. 2. *Ядро субъективного семантического пространства ОД текста должностной инструкции врача-кардиолога*

Параметры восприятия текста	Средние индексы
понятный	3
доступный	2,9
стандартный	2,8
продуманный	2,8
честный	2,8

универсальный	2,7
серьёзный	2,7

Именно эти параметры в восприятии специалистов-работников медицинского центра образовали ядро субъективного семантического пространства (см. табл. 2). Параметры *честности* (2,8) и *серьёзности* (2,7) характеризуют эмоциональную, а не рациональную оценку. Параметр *продуманности* является отражением фактора упорядоченности текста.

Обобщение дробных шкал факторов по принятым в психолингвистике принципам [Петренко 1983, Петренко 2005: 89-97] показало следующее (см. табл. 3).

Большинство предложенных на предварительном этапе антонимичных шкал отражают разные стороны семантики рациональной и эмоциональной оценки текста. Очевидно, что процессы оценочного восприятия ОД текста проходили неравномерно вследствие неоднозначности восприятия содержания и формы текста реципиентами. Фактор оценки наиболее широк. Текстовые категории, связанные с организацией содержания и степенью его интериоризации реципиентами, выражены интенсивно, содержание текста не вызывает удивления, жанровая организация воспринимается как соответствующая канону, о чем говорят высокие положительные показатели по параметрам *понятности*, *стандартности*, *честности*, *серьёзности*.

Текстовые категории, связанные с эмотивностью, выражены менее интенсивно. Доказательством служат применение реципиентами обоих параметров и / или низкий индекс при интерпретации эмоциональной стороны текста (параметры *интересный* / *неинтересный*, *приторный* / *пресный* выбирались одновременно и были оценены как слабо выраженные; параметр *приятный* был оценен как слабо выраженный) (см. табл. 3).

Табл. 3. Универсальные факторы восприятия ОД текста должностной инструкции врача-кардиолога

Параметры восприятия текста Фактор «Оценка»	Средние индексы
интересный	1,25
неинтересный	1
приятный	1,222222222
неприятный	0
приторный	0,25
пресный	1,444444444
честный	2,8
лживый	0
серьёзный	2,7
смешной	0
СРЕДНЕЕ	1,176190476

Фактор «Постоянство»	
универсальный	2,7
временный	0

Фактор «Сложность»	
понятный	3
непонятный	0
стандартный	2,8
исключительный	0
продуманный	2,8
спонтанный	0
СРЕДНЕЕ	1,43333

Фактор «Упорядоченность»	
рациональный	2,6
иррациональный	0
опасный	0,6
безопасный	1,75
живой	1
мёртвый	0
СРЕДНЕЕ	1,09375

Фактор «Активность»	
гладкий	1,666666667
шершавый	0,333333333
монохромный	2,1
цветной	0
медленный	1,125
быстрый	0,75
СРЕДНЕЕ	0,995833333

Фактор «Сложность» представлен тремя шкалами, имеющими предельно интенсивные положительные значения: *понятный* – *непонятный* (+3), *продуманный* – *спонтанный* (+2,8), *стандартный* – *исключительный* (2,8).

Аналогичные тенденции обнаружались в области факторов упорядоченности и сложности (см. табл. 3 «Фактор «Упорядоченность», «Фактор «Сложность»). Категории, связанные с организацией содержания, качеством коммуникативно-прагматической структурированности ОД текста оценены реципиентами максимально положительно (параметр *рациональный*, *стандартный*, *продуманный*).

Показательно, что параметры, связанные с оценкой эффективности содержательной и структурной стороны текста, применялись одновременно и / или получили невысокие индексы (*опасный / безопасный; живой*), что указывает на недостаточную эффективность текста как целостного коммуникативного объекта.

Воздействующий потенциал текста связан с фактором активности (см. табл. 3 «Фактор «Активность»). Применение параметров, представляющих этот фактор, выявило слабую воздействующую силу ОД текста должностной инструкции врача-кардиолога. Интенсивность положительного модального воздействия текста на реципиента оказалась незначительной. Доказательством служит одновременное использование антонимичных шкал реципиентами, низкие показатели по шкалам, в то же время - высокий индекс положительного значения по параметру «одноцветности» (*монохромный*).

Ценностный аспект для данного текста является существенным (см. табл. 3. «Фактор «Постоянство»). Этот аспект мы проявили через применение фактора, названного нами «постоянство». Показателем ценностного отношения является высокий индекс положительного значения параметра *универсальный*, что указывает на наличие в анализируемом ОД тексте информации, не утрачивающей своего значения с течением времени, актуальной для всех представителей реципиентов-специалистов. *Результаты второго эксперимента* отражены в табл. 4 – 5, диаграмме 1.

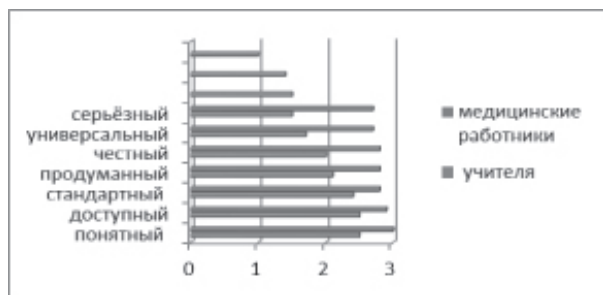
Табл. 4. *Восприятие текста «Требования к структуре основных образовательных программ» адресатами-учителями*

Параметры восприятия текста	Средние индексы	Параметры восприятия текста	Средние индексы
Понятный Непонятный	+2,1	Честный Лживый	+2
Стандартный Исключительный	+2,5	Большой Маленький	+1,7
Интересный Неинтересный	0,3	Устойчивый Изменчивый	+1,4
Веселый Грустный	-2	Приятный Неприятный	0,55
Конкретный Абстрактный	+2,4	Яркий Тусклый	-1,7
Упорядоченный Хаотичный	+1	Доступный Недоступный	+2,5
Опасный Безопасный	+1,5	Быстрый Медленный	0,6
Продуманный Спонтанный	+1,5	Живой Безжизненный	0,2

Табл. 5. Ядро субъективного семантического пространства ОД текста «Требования к структуре основных образовательных программ» адресатами-учителями

Параметры восприятия текста	Средние индексы
Стандартный	2,5
Доступный	2,5
Конкретный	2,4
Понятный	2,1
Честный	2

Диаграмма 1. Параметры восприятия ОДТ разных типов дискурса в

Средние показатели по каждой шкале позволяют определить доминирующие факторы, полученные в эксперименте. Ведущим оказался фактор «Сложность», представленный четырьмя шкалами: *доступный* – *недоступный* (+2,5), *конкретный* – *абстрактный* (+2,4), *понятный* – *непонятный* (+2,1), *продуманный* – *спонтанный* (+1,5). Оценка размера текста оказалась субъективной (средний показатель +1,7), а сама шкала в нашем эксперименте относится к фактору «Сила» только по традиции и совершенно условно.

Столь же «неудачной» для оценки нашего текста стала и шкала *опасный* – *безопасный* (фактор «Комфортность»), имеющая индекс +1,5. Она вызвала у испытуемых разнообразные эмоции, не относящиеся к оценке самого экспериментального текста, скорее, связанные с их профессиональной деятельностью, административными наказаниями за неисполнение должностных обязанностей и т.п.

Таким образом, испытуемые продемонстрировали позитивное отношение к фрагменту программы – основного инструктивного документа для учителя. Текст определен как доступный, конкретный, понятный, однако в меньшей степени продуманный.

Следующий по значимости фактор, представленный только одной шкалой, но имеющей высокий индекс (*стандартный* – *исключительный*: 2,5), – «Обычность» или «Частота встречаемости» [Петренко 2005: 97]. Безусловно, данный параметр необходим при оценке любого документа, в том числе инструктивного. Оказался важным и фактор «Упорядоченность» или «Стабильность» (*упорядочен-*

ный – хаотичный: +1; *устойчивый – изменчивый*: +1,4). Традиционный фактор «Оценка» в нашем эксперименте представлен основными четырьмя шкалами, только одна из которых имеет высокий индекс: *честный – лживый* (+2). Напомним, что эту шкалу предложили наши эксперты, подчеркнув важность данного признака инструктивного документа. Нельзя не отметить *эмоциональную* составляющую этих антонимичных прилагательных, ставших названиями градуальной шкалы в семантическом эксперименте.

Шкалы *веселый – грустный* (-2), *приятный – неприятный* (0,55) *интересный – неинтересный* (0,3) имеют низкие индексы, что можно объяснить отсутствием этих эмоционально-оценочных составляющих при восприятии инструктивного текста. Он не вызвал у испытуемых состояния *грусти* или *веселья*, оценки «*приятности / неприятности*», что закономерно при чтении объяснительной записки к стандартной общеобразовательной программе, но не вызвал и *интереса*, что, впрочем, можно объяснить фактором «Обычности» или «Частотой встречаемости». Таким образом, шкалы, относящиеся к фактору «Оценка» (кроме шкалы *честный – лживый*), не являются релевантными для определения восприятия инструктивного текста адресатом-учителем.

Факторы «Активность» и «Сила» представлены тремя шкалами, соответственно *быстрый – медленный* (0,6), *яркий – тусклый* (-1,7) и *большой – маленький* (+1,7). Представляют несомненный интерес показатели, относящиеся к фактору «Активность».

Анализируемый текст оказался для наших испытуемых (как, впрочем, и для других читателей) больше *медленный и тусклый*, чем *быстрый и яркий*, что объясняется спецификой жанра и, безусловно, негативным восприятием читателями (в частности учителями, получающими подобные инструкции часто, в большом количестве, для скорейшего исполнения, что не может не вызывать отторжения).

Подведем итоги.

Использование метода семантического дифференциала для субъективной оценки смысловой, семантической, структурной специфики ОД текста методически обосновано и эффективно. Оно дает возможность увидеть качество и характер процессов восприятия специалистами текстов должностных документов, регламентирующих их профессиональные права и обязанности. Эксперимент продемонстрировал возможность выделения и применения не только трех классических осгудовских факторов, но и таких, как «Сложность», «Упорядоченность» и «Комфортность», представленных в работах В.Ф. Петренко.

Уровень понятности, доступности, стандартности инструктивных текстов не случайно оценивался как предельно или очень высокий (см. диаграмму 1). При этом реципиенты-учителя оказались несколько требовательнее в оценке этих параметров ОД текста, чем медики, что объяснимо профессиональными особенностями реципиентов, характером деятельности, содержанием и типом текстов.

Восприятие разных сторон ОД текста оказывается модально окрашенным, выявляет неравномерность содержательной и структурной сторон организации текстов, даже если тексты стандартизированы в жанровом и стилевом отношении.

Для дальнейшего экспериментального исследования важно, что доминирующими факторами при оценке инструктивного текста являются факторы

«Сложность» и «Упорядоченность». Необходимо расширить семантическое пространство и определить новые шкалы, ориентированные на признаки исследуемых текстов. Для верификации результатов эксперимента, проведенного по методу семантического дифференциала, необходимо провести направленный ассоциативный эксперимент, целью которого будет определение психологического значения прилагательных, используемых в качестве названий шкал. Такое комплексное экспериментальное исследование позволит уточнить характер восприятия официально-делового текста, в частности инструктивного документа, адресатами, использующими данные тексты в своей профессиональной деятельности.

Список литературы

- Белянин В.П.* Психолингвистика: учебник. – М.: Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2011. – С. 216.
- Дружинин В.Н.* Экспериментальная психология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003. – С. 308.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: Изд-во Курск. Гос. Пед. унт-а, 2000. – 110 с.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., МГУ, 1983. – 175 с.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
- Рехтин Л.В.* Речевой жанр инструкции: полевая организация. Дисс. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2005. – 194 с.
- Сологуб О.П.* Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : специальность 10.02.01. – Кемерово, 2009. – 45 с.
- Шмелева Т.В.* Речевой жанр: опыт общепсихологического осмысления // Collegium : междун.науч.-худ. журнал. – Киев. 1995. № 1-2. – С.67-85.
- Pavio A. & Degg I.* Psychology of language. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, – 1981.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
и Российский университет дружбы народов
29–30 мая 2015 г.

проводят совместную конференцию
«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ-5»

Основная проблематика:

- Языковое сознание как методология исследования.
- Моделирование психических механизмов речевой деятельности.
- Этнопсихолингвистика и проблемы межкультурного общения.
- Содержание общечеловеческих ценностей / антиценностей: межкультурный подход.
- Речевое воздействие как инструмент формирования сознания.
- Специфика общения в Интернете.
- Круглый стол «Русско- и инонациональный билингвизм»

Условия участия в конференции

До 1 марта 2015 г. в оргкомитет необходимо предоставить:

1. заявку на участие в конференции (см. приложение) и материалы для публикации (тезисы) по адресам zhizn-jazyka@yandex.ru и zhizn-jazyka@mail.ru;
 2. организационный взнос в размере 700 руб., высланный почтовым переводом по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер, д. 1, стр. 1, Институт языкознания РАН, отдел психолингвистики, Параниной Марине Николаевне.
- Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы) на ДВА электронных адреса сразу, указав в теме сообщения свою фамилию «Иванов».
- Оргвзнос просьба посылать только после подтверждения о принятии тезисов к публикации.

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу конференции.

Требования к оформлению тезисов

- объем — 2 стр., шрифт Times New Roman, кегль — 14, абзац — 1,25, межстрочный интервал — 1,5;
- на первой строке — название тезисов (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на четвертой строке — название организации, которую представляет автор (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на пятой строке — адрес электронной почты (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- отступ — одна строка;
- на шестой строке — текст тезисов;
- иллюстративный материал выделяется курсивом без кавычек, анализируемые единицы в тексте — полужирным шрифтом;
- оригинальные варианты терминов на иностранных языках указываются в скобках: специфика функций (*role specificity*), немецкий литературный язык (*Hochdeutsch*);
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов, 1989, с. 215], [Иванов, 1989, с. 215; Петров, 2009, с. 105], [Там же. С. 215];
- просьба различать тире (—) и дефис (-).

И.А. Бубнова, В.В. Красных

УДК 81'23

**НЕОПСИХОЛИНГВИСТИКА:
АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
СВОЕОБРАЗИЯ**

В статье предлагается новый интегративный подход к изучению *образа мира* человека, обозначенный авторами как *неопсихолингвистика*, который отвечает требованиям сегодняшней реальности и может стать одним из направлений психолингвистических исследований *языкового сознания* этноса. По мнению авторов статьи, при объяснении национально-культурных особенностей и динамики *языкового сознания* и *образа мира* всего лингвокультурного сообщества необходимо учитывать не только культурные доминанты определенного этноса, но и индивидуальные особенности структуры языковой личности. Именно специфика содержания сознания отдельного человека, определяя своеобразие его *образа мира*, становится той динамической центробежной силой, которая в конечном счете может стать фактором, обуславливающим глобальные перемены в обществе.

Ключевые слова: новый интегративный подход, неопсихолингвистика, образ мира этнокультурного сообщества, образ мира личности, культурные доминанты, специфические индивидуальные черты.

Irina A. Bubnova, Victoria V. Krasnykh

**NEO-PSYCHOLINGUISTICS:
ARGUMENTS IN DEFENCE OF ETHNOCULTURAL PECULIARITIES**

The article introduces a new integrative approach which could become one of new productive ways of *ethnic language consciousness* and *ethnic world's view* study. The authors argue that it is neopsycholinguistics that meets challenges of new reality and thus such approach could be helpful in understanding and explanation of specific traits and dynamic of either ethnocultural community's or a personal's world's view not only from the point of cultural dominants but taking into consideration personal specific individual features.

Keywords: new integrative approach, neopsycholinguistics, ethnocultural community's world's view, a personal's world's view, cultural dominants, specific individual features.

0. Теоретические предпосылки формирования неопсихолингвистики

Фундаментальные преобразования в жизни общества, вошедшего в XXI веке в новую фазу своего существования, для которой характерна смена системы ценностей и кардинальная трансформация *образа мира*, потребовали изменения направления развития всех областей науки. Вполне естественно, что главным следствием этих изменений стало изучение и осмысление различных сторон окружающей нас действительности, не привлекавших ранее внимания ученых. В результате в на-

стоящее время начинает формироваться иная система гуманитарного знания. Во-первых, применение принципов естественнонаучного подхода при изучении проблем, традиционно относящихся к гуманитарным аспектам, привело к изменению самого контекста познания. Во-вторых, современные данные об окружающем нас мире не просто дополняют накопленные знания, но дают основу для их переосмысления и прогнозирования дальнейших путей развития мирового сообщества.

1. Психолингвистика: специфика исследований

Сказанное в полной мере относится к современной психолингвистике, где всестороннее, комплексное исследование тех или иных языковых либо речевых феноменов как «живого» целостного знания уже несколько десятилетий рассматривается как норма. Более того, по своей сути психолингвистика с самого момента своего основания совершенно естественно вписалась в ряд принципиально новых научных дисциплин, главной чертой которых является комплексность, и это изначально дало ей широкие возможности для решения различных теоретических и практических проблем.

Сегодня, как нам представляется, можно говорить о целом ряде психолингвистических направлений в нашей стране, которые уже стали классическими. И здесь, в контексте нашей работы, следует упомянуть исследования, продолжающие разработку общей теории речевой деятельности, – исследования, касающиеся психолингвистической теории значения слова, структуры языковой личности и содержания языкового сознания различных народов. С одной стороны, результаты многих из них, войдя в «золотой фонд» отечественной психолингвистики, давно перешагнули ее границы и стали широко использоваться теми учеными, чьи научные интересы лежат в смежных областях знания. С другой, выверенная методология, в основе которой лежит деятельностный подход, не просто обеспечила в процессе изучения речевых феноменов фокусировку внимания на личности, но и позволила психолингвистике динамично развиваться за счет включения в сферу ее внимания новых проблем, требующих решения на данном этапе развития науки о языке. При этом особо следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об эклектизме, а о гармоничном включении в ходе работы теоретических положений родственных подходов, что, в свою очередь, дало возможность получать новые результаты, не противоречащие основным методологическим принципам, лежащим в основе классической отечественной психолингвистики. Все вышесказанное предопределяет безусловную интегративность исследований в данной области лингвистики.

2. Современные исследования в рамках психолингвистики: возможные пути развития

Проблема *языкового сознания*, тех отличительных черт, которые характеризуют образ мира этноса, особенности его культуры как «некого коллективного общего для группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» (по Ю. Лотману) уже в течение нескольких десятилетий представляют интерес для многих исследователей, в том числе и работающих в рамках психолингвистики. Примечательно, что одновременно с ростом базы дан-

ных, подтверждающих существование различий как в языковых картинах мира, так и в содержании языкового сознания представителей различных лингвокультурных сообществ, ужесточается и критика в адрес лингвистов, работающих в данном направлении. Представляется, что обвинения в «лингвистическом нарциссизме» как неотъемлемой части русского варианта идеологии национального превосходства, уходящей корнями в работы М.В. Ломоносова, А.А. Бестужева-Марлинского, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, С.А. Есенина и многих других ученых и писателей (см., например: [Павлова, Безродный 2011]), звучащие сегодня в адрес как психолингвистов, так и представителей других научных российских школ, настоятельно требуют не только научных дискуссий, но и продолжения исследований, результаты которых способны внести свой вклад в дальнейшее укрепление позиций тех, кого часть коллег называет «неогумбольдтианцами», вкладывая в это слово отнюдь не положительный смысл. Но даже если оставить в стороне все эти, с нашей точки зрения, абсолютно несостоятельные и политизированные упреки, то следует признать, что и сейчас перед исследователями стоит достаточно много вопросов, которые еще только ждут своего решения. И в данном случае одним из перспективных направлений может стать исследование содержания *образа мира* с позиций взаимодействия, с одной стороны, живых, функционирующих культурных систем, а с другой – систем социальных, с учетом того факта, что и те и другие преломляются через индивидуальность их каждого отдельного представителя. Такой подход выводит нас на комплексную проблему *языкового сознания* человека как биологического существа, одновременно члена многочисленных социальных групп и определенного лингвокультурного сообщества. Наши размышления основаны на следующих предпосылках.

2.1. Само появление термина *языковое сознание* в психолингвистике было обусловлено интересом исследователей к содержанию *национального образа мира*, который, по мнению Н.В. Уфимцевой, является основополагающей компонентой культуры этноса [Уфимцева 2004]. Таким образом, именно *образ мира* представляет собой главный объект психолингвистических исследований в значительной части работ, выполненных в психолингвистической парадигме. Предметом же в данном случае становится *сознание*, изучаемое через формы его овнешнения, и прежде всего, через языковое сознание – **опосредованный языком образ мира той или иной культуры** [там же] [выделено нами – И.Б., В.К.].

Как замечает Н.В. Уфимцева, «в процессе развития этноса **образ мира может меняться**, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, сквозь призму которых человек и смотрит на мир. В процессе социализации происходит “присвоение” этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека» [там же: 5–6].

Если попытаться выразить это в виде формулы, то мы получаем следующее:
К (этнические константы) → ОМ (образ мира) этноса → **ЯС** (языковое сознание) этноса → **ЯС** (языковое сознание) инд.,
 причем в данном случае важно: если ОМ возникает на основе культуры, этнических констант, является результатом ее существования и может изменяться под воздействием различных факторов, то сама культура, ее константы остаются неизменными.

Именно эта формула, как правило, лежит в основе моделирования содержания языкового сознания любого лингвокультурного сообщества.

Как можно заметить, в данном случае точкой отсчета является языковой коллектив с уже сложившимися культурными традициями, которые воспроизводятся каждый раз на новом витке развития цивилизаций – культурных суперсистем (О. Шпенглер) или определенных социальных общностей (П. Сорокин), существующих в режиме циклических изменений, переживающих сходные фазы жизненного цикла и сохраняющих при этом свою самобытность.

2.2. На наш взгляд, неоспоримое достоинство описанной выше формулы заключается в том, что она не только дает возможность выявлять специфику *образа мира* (ОМ) этноса, но и абсолютно явно демонстрирует, что именно культура выступает в роли центростремительных сил, позволяющих сохранять этническое своеобразие народа. В то же время, как нам представляется, объяснительная способность такого подхода распространяется только на определенный временной промежуток. Иными словами, модель прекрасно функционирует только при допущении, что культурные константы, говоря языком математики, есть величина постоянная, тогда как ОМ – это зависимая переменная.

Однако в любой науке (и психолингвистика, будучи наукой одновременно и гуманитарной, и естественной, тем более не является исключением) метод, основанный на фиксированных законах, данных раз и навсегда и действующих в определенном диапазоне, ограничивает сам себя.

Более того, совершенно очевидно, что при таком подходе к исследованию *образа мира* и *языкового сознания* учитываются только центростремительные, т.е. коллективные, статические механизмы и практически полностью исключаются механизмы центробежные – индивидуальные и динамические.

В данном случае нам кажется уместным сослаться на замечание Ю. Лотмана, неоднократно подчеркивавшего: «существование человеческого мира, полностью организованного по циклическим моделям, представляет собой философскую абстракцию, обращенную против исторической реальности. Линейная модель движения – столь же древняя, как и само человечество. Конечно, соотнесение линейных и циклических процессов многократно меняло свой характер на протяжении долгого пути человечества. **Но их конфликтная соотнесенность всегда была динамическим фактором развития культуры**» [Лотман 2010: 145] [выделено нами – И.Б., В.К.].

2.3. Следовательно, необходимо выявить, какие силы или факторы олицетворяют те линейные процессы, которые составляют оппозицию процессам циклическим.

Безусловно, сейчас трудно рассуждать о тех этапах развития человечества, о которых не сохранилось никаких свидетельств. Однако идеи об инвариантах человеческого общества, о всеобщности, лежащей за их эмпирическим разнообразием, о существовании некоего общего механизма, «который, возможно, лежит в основе тех различных способов, каким человеческий разум действует в различных обществах, на разных этапах исторического развития» [6: 340], буквально пронизывающие работы этнологов и антропологов, позволяют нам выдвинуть предположение, что и сама культура – это результат преобразования *предобраза мира*, в основе

формирования которого лежала изначально «неприрученная» (в терминологии К. Леви-Стросса) мысль отдельного человека. Именно эта мысль и разворачивалась линейно, позволяя первым людям осваивать действительность, окружающую их. Именно она и продолжает, на индивидуальном уровне, разворачиваться линейно, изменяя постепенно *образ мира* всего этноса.

Предобраз мира, в таком случае, становится более фундаментальным образованием, чем культура, а первоначальная формула приобретает следующий вид: $Ч_{\text{как инд.}} \rightarrow \text{ПредОМ}_{\text{универ.}} \rightarrow \text{Культура (этнические константы)} \rightarrow \text{ОМ}_{\text{этноса}} \rightarrow \text{ЯС}_{\text{этноса}} \rightarrow \text{ОМ}_{\text{инд.}}$

Главным следствием использования предлагаемой нами расширенной формулы является снятие противоречий:

- между динамикой индивидуального и статикой коллективного, т.е. между изначально линейным постижением мира первочеловеком или человеком, только начинающим формировать свой образ мира на индивидуальном уровне, и обменом полученными эмпирическим путем знаниями и представлениями в группе. Иными словами, в данном случае речь идет о том этапе филогенеза и онтогенеза, на котором существует лишь *предобраз мира*, а поэтому представляется более правильным говорить именно о *человеке* – носителе определенных индивидуально-организмических характеристик или «телесной личности», по П. Жане, на основе которой в дальнейшем постепенно происходит формирование личности как общественно-исторического феномена;

- между универсальным для всего человечества опытом и существующим культурным разнообразием, возникающим путем отбора релевантных для жизнедеятельности именно этого сообщества культурных норм.

2.4. Но не менее важным, на наш взгляд, оказывается тот факт, что *образ мира* отдельного человека получает равный статус с *образом мира* определенного лингвокультурного сообщества. Иными словами, еще одним, причем не менее перспективным в изучении обсуждаемой здесь проблемы, может оказаться еще один путь, где отправной точкой исследования является не культура, а человек в совокупности его индивидуально-психических характеристик, «врастающий» в свою культуру в процессе социализации.

3. Методологические основания нового направления исследований

Предлагаемый нами подход предполагает, что, оставаясь в рамках деятельностной парадигмы, при этом рассматривая деятельность широко, как тот деятельный контекст, на фоне и в ходе активного взаимодействия с которым в процессе переплетения «натурального» и «культурного» рядов развития человека постепенно формируется личность [Ананьев 1968; Асмолов 1995; Выготский 1983] (см. также понимание деятельности в работах С.Л. Рубинштейна [1997; 1998]), мы переносим акцент на категорию «человек». Именно он, являясь основным звеном в диаде «индивид – языковое сознание этноса», определяет не только своеобразие структуры и содержания последнего, но и сложность его природы, и динамику и направления его изменений.

Таким образом, подход, который может быть обозначен как *неопсихолингвистический*, фокусируется на *человеке*, который понимается нами в русле концепции

человека Б.Г. Ананьева: суть психики отдельного представителя человеческого общества есть интеграция истории развития психического у всего рода (филогенеза), повторяющаяся в его личной истории развития (онтогенезе) и включающая в себя в качестве неотъемлемой части процесс социализации. Не менее важным для нас является и то, что содержание психики человека не может рассматриваться в отрыве от истории формирования и развития всего человечества, от его культурного наследия, от тенденций развития вселенной (см.: [Ананьев 1977]).

Человек, по Б.Г. Ананьеву, мнение которого мы полностью разделяем, существует как целостное единство разных уровней или ипостасей: индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Вполне очевидно при этом, что формирование уровней – от индивида к индивидуальности – происходит в течение всей его жизни, поэтому в каждый отдельный момент своего бытия интегративная целостность человека представляет собой динамическое образование, структура которого обусловлена постоянным развитием и изменениями на каждом из уровней его жизнедеятельности.

Если индивидуальные свойства даны человеку от рождения и проявляются в той или иной степени яркости в течение всей его жизни, то как личность он формируется в социуме, и процесс социализации обуславливает выдвижение на первый план социальных ролей и статусов. Однако явная «видимость» и очевидная важность этих феноменов для социальной стороны жизни человека не означают того, что сама личность обязательно жестко детерминирована структурой общества. Наряду с социальной стороной жизни у каждого человека существует и иная, внутренняя жизнь, которая организуется его субъективным отношением к миру, формирующимся в процессе активной жизнедеятельности. Другими словами, социальное существование в двух видах – в форме общества и в форме индивидуального бытия конкретного человека [Абульханова-Славская 1991], и это обстоятельство определяет уникальное место личности в обществе. Формируясь и развиваясь в ходе жизненного пути, социальные качества начинают оказывать влияние на индивидуальные свойства человека, и в совокупности данные черты определяют своеобразие коммуникативных, интеллектуальных и других психологических характеристик личности, а следовательно, его индивидуальный *образ мира*.

Важно при этом помнить, что интегральная целостность человека невозможна без еще одной линии в человеческой жизни, тесно переплетенной с уровнем личности. Это жизнь человека в качестве субъекта деятельности, что изначально подразумевает его включенность в различные формы взаимодействия с миром и самим собой, т.е. его общественное поведение, берущее начало в своеобразии психологической структуры человека как субъекта.

И только при наличии всех трех уровней, в результате синтеза свойств индивида, личности и субъекта возникает индивидуальность, обладающая *особой организацией*. Центральная область индивидуальности – это я человека, его внутренний *образ мира*, который, как отмечает Б.Г. Ананьев, является психологическим барьером, определяющим избирательное отношение человека к различным внешним воздействиям [Ананьев 1968: 329].

Мы считаем, что, принимая данную модель человека за основу, можно выстроить целый комплекс взаимосвязанных исследований *образа мира* как элемента

языкового сознания человека – индивида, личности, субъекта или индивидуальности. В этом случае содержание целостного *образа мира* человека как члена определенного лингвокультурного сообщества будет определяться, с одной стороны, степенью и эффективностью воздействия социума, а с другой – степенью его свободы, опосредованной уровнем сформированности индивидуальности, которая, в свою очередь, детерминирована общественно-исторической жизнью. Именно такая роль отводится историческому времени в концепции Б.Г. Ананьева, который рассматривает историческое время как «фактор первостепенной важности для индивидуального развития человека», отмечая, что «все события этого развития (биографические даты) располагаются относительно к системе измерения исторического времени» [там же: 154].

Тезисы, высказанные Б.Г. Ананьевым, во многих аспектах перекликаются с современными оценками значимости индивидуальных свойств личности для глобальных изменений в обществе. В этом смысле позиция Б.Г. Ананьева совпадает с теоретическими положениями современного эволюционно-исторического подхода к личности А.Г. Асмолова, утверждающего, что «проявления индивидуальности личности преимущественно отражают эволюцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности новых вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы» [Асмолов 1995: 23].

Таким образом, общественно-историческое время, включающее в себя как социальные влияния, так и влияния культурные – этнической и массовой культур, а также культурного наследия всего человечества, – оказывается, как нам представляется, ведущим *внешним* фактором, определяющим не только направление развития человека от индивида до индивидуальности, но и содержание его индивидуального *образа мира*, которое соответствует данной точке его созревания. Если же говорить о *внутреннем* факторе, то можно полагать, что в значительной степени индивидуальность опосредуется фактором интеллекта, определяющим иерархию смысложизненных ориентаций. Наше предположение основано на том, что индивидуальность противоположна шаблонности, усредненности, причем и первое и второе суть производное от особенностей мыслительной деятельности. Формирование индивидуальности на внутреннем уровне происходит в процессе рефлексии над своим собственным жизненным путем и окружающим миром, а это возможно лишь в том случае, если человек способен к высокопродуктивной интеллектуальной деятельности (обладает развитыми интеллектуальными способностями) и отличается индивидуальным своеобразием склада ума (в виде индивидуальных познавательных стилей) [Холодная 2002].

4. Актуальность нового направления исследований

Актуальность исследования *образа мира* человека как члена определенной социальной группы подтверждается теми событиями на Украине в некоторых других славянских странах, свидетелями которых мы являемся сейчас. Реальность опровергла сконструированные модели содержания языкового сознания данных народов, построенные только на основе культурных доминант и не учитывающие многообразия *образов мира*, характерных для людей, находящихся на разных уров-

нях своего развития и являющихся членами социальных групп, проповедующих различные ценности. И только комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об *образах мира* в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты.

Безусловно, в данной статье высказаны лишь некоторые идеи, которые имеют дискуссионный характер и требуют дальнейшего развития и осмысления проблемных областей. Однако нам представляется, что преимущество предлагаемого подхода заключается в глубинной научной рефлексии основных теоретических положений психологии личности и классической отечественной психолингвистики, что противопоставляет ее современному «ползучему эмпиризму», в котором обвиняют психолингвистов. Более того, такой подход позволяет исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, как нам представляется, такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества.

Список литературы

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания / АН СССР, Ин-т психолог. М.: Наука, 1977. – 380 с.
- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 339 с.
- Асмолов А.Г.* Историко-эволюционный подход в психологии личности. : Автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.11 / МГУ. Факультет психологии. - Москва, 1996. – 141 с.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3 / Отв. ред. А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1983. – 367 с.
- Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика Год, 1994. – 384 с.
- Лотман Ю.М.* Bibliotheca Lotmaniana. Непредсказуемые механизмы культуры // Таллиннский университет. – TLU Press, Таллинн 2010. – 232 с.
- Павлова А.В., Безродный М.В.* Хитрушки и единорог: из истории лингвоархивизма // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО П50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2011. Вып. 4 (38). – 300 с. – С. 11–21.
- Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. – М.: Наука, 1997. – 462 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 1998. – 705 с.
- Уфимцева Н.В.* Предисловие // Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004. – 792 с.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

Vasiliy V. Amochkin

УДК 81'23

**ACCENT AND DIALECT AS PART OF SOCIAL-CULTURAL
CHARACTERISTICS OF A MOTION PICTURE CHARACTER
(BASED ON ENGLISH, AMERICAN AND FRENCH FILMS AND THEIR
RUSSIAN TRANSLATIONS)**

The article deals with accentual and dialectal oppositions in the speech of film characters in original and translated versions of the films. It focuses on the problem of adequate reflection in translation not only of the primary meaning of the utterance, but also of the whole specter of additional social-cultural meanings and connotations inherent in the original text and forming part of a character's image. There is an attempt to prove that accentual and dialectal elements in characters' speech play the role of social, as well as territorial, markers. They can perform a number of functions - create of an important artistic opposition of 'same vs different'; serve as a reference to a complex blend of strong cultural associations connected with a particular social group, help to create comic effect.

Keywords: sociolinguistics, linguostylistics, film studies, phonetics, social-cultural aspect.

В.В. Амочкин

**АКЦЕНТНЫЕ И ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ КАК
ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА
КИНОПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ
КИНОФИЛЬМОВ И ИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)**

В статье рассматриваются акцентные и диалектные оппозиции в речи персонажей кинофильмов в оригинальных и переводных вариантах. Особое внимание уделяется адекватности передачи в переводе не только основного значения высказывания, но и всего спектра дополнительных социокультурных значений и присутствующих в оригинальном тексте коннотаций, которые формируют образ персонажа. Делается попытка показать, что акцентные и диалектные особенности речи могут играть роль социальных, а не только территориальных маркеров. Они могут выполнять ряд функций, таких как создание важнейшего художественного противопоставления «свой – чужой»; отсылка к комплексу устойчивых ассоциаций, существующих в сознании носителей языка и связанных с той или иной социокультурной группой; создание комического эффекта.

Ключевые слова: социолингвистика, лингвостилистика, теория кино, фонетика, социокультурный аспект.

Motion pictures as a specific kind of artistic text have been subject of philological analysis ever since they appeared in the beginning of the twentieth century. During the last two decades the majority of films shown in Russia are produced abroad in English or French and are available to Russian viewers only in translation, which is often far from being perfect. At the same time, as part of the so-called mass-culture, motion pictures have a considerable impact on the language we speak.

That is why there is a growing need for special studies devoted to the linguistic aspect of cinema and the adequacy of film translation in particular. It is also increasingly important to draw the attention of philologists to the problem of adequate reflection in translation not only the primary meaning of the utterance, but also the whole specter of additional social-cultural meanings and connotations inherent in the original text and forming part of a character's image.

By social-cultural characteristics we mean references to the origins, class, social-economic status, age, gender, profession, etc. reflected in the peculiarities of speech of this or that film character. It should be noted here, that being a 'mass art' oriented to an extremely broad audience, cinema uses mostly stereotypes. It follows, that such references to this or that social-cultural group in the portrait of a character largely predefine his personality and a general model of behaviour [Brown & Vidal 2014; Dzyaloshinsky & Pilgun 2012; Durovicová & Newman 2009; Pilgun 2012]. Thus, being included in the work of audio-visual art they become utterly important for its understanding and therefore need to be adequately rendered in translation.

The study of the social-cultural aspect of film characters' speech heavily relies on the achievements of two broad areas of linguistics – sociolinguistics, on the one hand, and linguostylistics – on the other. The former studies the real speech peculiarities of different social-cultural groups, while the latter is devoted to the expressive potential of different elements of artistic text (it should be specially emphasized here that we regard a film as a specific kind of artistic text, as here the function of impact [Vinogradov 1963] comes to the fore).

Specific peculiarities (markers) of this or that social-cultural group can be found at all levels of the language – phonetic, morphological, lexical, syntactic and extralinguistic (the level of non-verbal means of communication, such as gestures). The level of phonetics is of special importance for us here, because, unlike the written artistic text of literature, it is oral speech that comes to the fore in a motion picture. It includes both segmental (sounds of speech) and super-segmental features – intonation, tempo, rhythm, loudness, diapason, timber. It also includes accent – a combination of articulatory peculiarities characteristic of this or that territorial or social group of people. There are different varieties of accent, such as 'foreign accent', 'regional accent' and 'social accent'.

The notion of accent should be distinguished from that of dialect. While accent usually presupposes variation only on the phonetic level, dialect includes, apart from that, changes and variations on the lexical and grammatical levels. Besides in case of the English language there is a unique distinction between two diatopic variants of the language – British and American.

It is important to mention that, unlike real-life speech situations, in the context of film art accentual and dialectal peculiarities of speech are more than simply territorial signs, they first and foremost play the role of special social-cultural markers. They are intentionally included in the text of the film as an important part of the character's portrait.

When included in the portrait of a character, accent and dialect help to create a very important artistic opposition of 'insider' vs 'outsider', 'same' vs 'different'. In a more narrow sense it can be an opposition of locals and a foreigner, of an American and a British, a southerner and a northerner, a villager and townsfolk, an aristocrat and a worker, etc. Whatever the particular expression, social-cultural oppositions of this kind

tend to perform a number of functions in the film narrative: they provoke whole sets of stereotypical associations, connected with a particular social-cultural group; explain the differences in the behaviour and reactions of the characters; create comic effect.

Hence the importance of preserving accentual and dialectal oppositions in translation. However, our material has shown that, from the artistic point of view, it's not necessary to render the accentual features fully and realistically – it is the functional, symbolic, sign nature of this phenomenon that comes to the fore here. In other words, it's absolutely enough to use in translation only a symbolic reference to this or that accentual or dialectal opposition that would be recognized by the audience and bear similar cultural connotations.

The present article will focus on three main kinds of accentual-dialectal oppositions: 'foreign' accent (including the diatopic variants of the English language), regional dialect and social dialect.

1. Foreign accent and its role in creating the opposition 'local' vs 'stranger'

The opposition of 'local' vs 'stranger' is created first and foremost with the help of 'foreign' accent. It invariably attracts the attention of the viewers and is often used to create comic effect. Besides, as it has already been mentioned above, as far as the English language is concerned there is a unique opposition between the British and American variants of the language and closely connected with them kinds of psychology and styles of communication.

The latter is often played upon in films, but is rarely reflected in translation due to the lack of similar accentual phenomena in Russian. Thus, for example, in the film "Golden Eye" [Golden Eye. United Artists. UK, USA, 1995 / Ист-Вест, 1996] a British secret agent from MI6 James Bond comes to Saint-Petersburg where he meets a CIA agent Jack Wade. In the English-language version the fact that they belong to two different cultures is transmitted at once with the help of two different accents – British and American. This opposition becomes especially prominent because the two accents interchange each other in a dialogue between the two characters. Based on the pronunciation, an English-speaking viewer easily understands that he sees a British and an American – representatives of two rivaling intelligence services in a foreign country. No extra comment is needed here.

However, in the Russian translation of this film produced by the "East-West" distributor company both characters speak in the same way with standard Russian pronunciation without any discernible differences that would point out their origins. It is only at the very end of the episode that the Russian-speaking viewer gets to know that one is a British and the other is an American secret agent, when they make formal introductions. That is why the Russian viewers cannot understand the initial dislike and lack of trust between the two characters – which are absolutely obvious to the English-speaking audience.

Moreover, what is emphasized in this episode is not just the nationality, but the two completely different approaches to work. Thus, the American mocks at the British stiffness concerning passwords, replies and other attributes and ways of secret agents; the British, on the contrary, demonstrates this stiffness forcing his colleague to follow all the rules. Let us adduce this short dialogue:

Bond.: In London April's a spring month.
Wade.: Oh, yeah? What are you – the weatherman? If for cryin' out loud, another stiff-assed Brit, with your secret codes and passwords. One of these days you guys are gonna learn just to drop it. Come on. My car's over there.
(They go to the car)
B.: After you.
W.: Thank you.
(Bond presses Wade against the car door and points a gun at him)
B.: Like you said, drop it.
W.: All right. In London April's a spring month. In St Petersburg we freeze our butts off. Is it close enough for government work?
B.: No. Show me the rose.
W.: Please, no.
All right, all right, all right!
(Shows the tattoo with a rose and the word 'Muffy')
B.: Muffy?
W.: Third wife. Jake Wade, CIA.
B.: James Bond, stiff-assed Brit.

It is not only the accents that are opposed in this episode, but also the tone (mocking and slightly contemptuous with the American and reserved, expressly gallant with the British), behaviour (dedication to rules and details of the stiff Brit and complete disregard to them on the part of the American), the composure of the British and the relaxed attitude of the American. All that has been stated above fully corresponds to the comically stereotypical images of an American and a British. That is why, on the one hand, accent here is an integral part of the image, and on the other, it helps the viewers to understand from the very beginning and without special comments that the characters belong to two different, even raveling cultures and, consequently, to understand the meaning of their conversation and the reason of the initial dislike and mistrust between them.

Let us now turn to the foreign accent proper. The situation here is slightly different, as far as its reflection in the translated variant is concerned. It should be noted that, unlike in the Russian cinema, in the Western film industry it is customary to call for a part of a foreigner an actor with a corresponding origin, i.e. a French character in an American film is likely to be played by a Frenchman and therefore his French accent in English sounds real and natural.

In translation, however, it is rather difficult to preserve the same kind of real and natural accent, which usually leads to one of the following situations: 1) the accent is not reflected in the translation at all (while the information about the character's origin is either lost completely or is rendered with the help of other means); 2) the reference to accent is confined to one or two very prominent details associated with a particular foreign language in a particular linguistic society. In this case the effect of 'recognition' is preserved.

What comes to the fore here is not the particular territorial origin of the character, but the functional opposition of 'local' vs 'stranger'. Therefore, there is no need in reproducing all the specter of pronouncing peculiarities typical to this or that language.

To create an image of a foreigner it proves to be enough to focus the attention on few separate most bright pronouncing features that help the viewer to recognize the character as a Frenchman or a German or an American, etc.

A good example of a translation that fails to render the accentual difference which in its turn leads to considerable semantic losses is another episode from the “Golden Eye” where the two characters mentioned above are joined by a Russian woman and all the three meet on a remote island in the Caribbean in one of the final scenes. In the original version of the film the Slavonic accent is very distinct and realistic, as the heroine is played by an actress of Polish origin. This explains the suspicious glance thrown at her by the CIA agent at the moment she opens her mouth and pronounces her first phrase. It is the accent, not the content of the utterance that draws the attention of the interlocutor. A strong Slavonic accent (the accent of the enemy for an American intelligence service agent, as they fight against the Russians in this episode of the Bond series) explains the character’s mistrust and momentous suspicion after the absolutely relaxed and confiding beginning of the conversation.

In the Russian translation, however, this crucially important characteristic is lost and the reaction of the American seems completely unjustified:

(James Bond and Natalia Semionova come in a car, Jack Wade comes to the meeting in a private plane)

W.: *Yo, Jimbo! Brought a little gift from old whatshisname? T? Z?*

B.: *Q.*

W.: *Yeah.*

B.: *What are you doing here, Wade?*

W.: *Banyan trees... Er, I am not here. The CIA has no knowledge, no involvement, absolutely nothing to do with your insertion into Cuba, if you catch my drift.*

B.: *Yes, I do. Perfectly.*

W.: *Borrowed the plane from a friend in the DEA. And the Coast Guard and the FAA are in the loop. You’re cleared on our radar for 0600 hours. Here’s the laterst sat-int from Langley. Stay below 600 feet.*

N.: *500 feet (with strong Russian accent)*

(Wade’s expression quickly changes)

W.: *Who’s that?*

B.: *Natalya SimonOva.*

N.: *Natalya Sim-YO-nova.*

B.: *Russian minister of transportation.*

(Wade takes Bond aside)

W.: *Did you check her out?*

B.: *Head to toe.*

W.: *Right...*

Because the viewer of the translated version does not hear the difference in the pronunciation of the characters, it looks as if the Jack does not notice the woman at all before she starts to speak in the middle of the episode, though she is standing near him, and only when she pronounces something he suddenly becomes aware and suspicious of her. Without the accentual peculiarities of the heroine’s speech such behaviour looks absolutely irrational.

At the same time, Bond's comment that it is "Natalia Semionova, Russian minister of transport" plays a completely different function and is not supposed to give any information about the heroine, because the fact that she is Russian in the original version becomes clear much earlier thanks to her accent, while minister of transport is not what she is (she is a programmer). Bond jokes about her being minister of transport, because right before that she makes a comment about the height of flight.

As it can be seen from the examples adduced above, foreign accent can play an important role in the image of a character, while a failure to render it in the translation can influence the viewers' understanding of the episode.

Let us analyze one more example of foreign accent in the image of a film character and its reflection in the translation where accent is rendered with the help of several exaggerated stereotypical pronouncing features associated with French and Chinese. The example is taken from an American-French film "The Transporter" [The Transporter. Europa Corp., TF1, Canal+. France, USA, 2002 / Двадцатый Век Фокс СНГ, 2003] (the original version is in English). The action takes place on the southern coast of France. The main characters have different national origins and the corresponding accents: a retired foreign soldier Frank (it is not specified whether he is British or American), played by a British actor Jason Statham who speaks the so-called Mid-Atlantic variety of English; an American gangster (an American actor Matt Schultz), a French police inspector (a French actor Francois Berlean) and a young Chinese woman (an actress of Taiwanese origin Shu Tsi).

In the original version all these characters speak English, but with a corresponding accent. Thus, the pronunciation of the French police inspector is characterized by reduced aspiration of initial strong plosives in words like *people, popular, pretty, car, etc.*; more front and more narrow vowel [o] in the words *lot, popular, coffee, etc.*; more narrow [i] in the words *Italy, city, things, think, nothing, etc.*; monophthongisation of the diphthong [ou] → [o] in the words *amount, open, etc.*; substitution of a tense vowel by a lax one in *always* [o:] → [o], *food* [u:] → [u], etc.; quite regular (in about 50 percent of cases) substitution of voiceless interdental [θ] by a dental [s] in words like *things, thirty, etc.*; prevailing shift of voiced interdental [ð] towards dental [z] in the words *the, there, they, etc.*; occasional shift of word stress to the last syllable – in the words *Italy* and *city*.

All the peculiarities mentioned above are quite typical of the French accent in English speech, however they change its sounding only slightly and do not impede the communication. They perform a number of functions in the film: to identify the nationality of a character in a multicultural environment; to emphasize that the characters belong to different cultures, but can find a common language (which is also mentioned in their dialogues, for example, "You are a foreigner, but you have a good sense of humour, like a Frenchman", says the French police inspector to Frank in one of their conversations); to show that the inspector is smart and well educated, contrary to the stereotypes, because only such kind of policeman can speak a foreign language so easily and practically without an accent.

Let us now turn to the Russian translation of the inspector's speech. Here we can find much fewer pronouncing peculiarities, but they are much more prominent. Basically, the whole French accent here is created by means of a glottal trill [r] and occasional backward shift of the vowels [o] and [a]. These pronouncing features do not coincide with

the original version where there is no glottal trill, while the vowels are, on the contrary, shifted to the front. But they fully correspond to the Russian idea of a typical French accent, which produces the same artistic effect as in the original.

The Chinese accent is rendered in the same way in this film. In Russian translation it is represented by prolongation of separate vowels, adding the vowel [i] after soft consonants and random substitution of consonants [r]→[l] и [t]→[t'], typical for eastern accents. Similar examples of rendering a foreign accent can also be found in French-language films, for example, the German accent of the gang members in the film "Taxi" or the imitation of the Jewish accent in French in the film "Les Aventures de Rabbi Jacob".

In some cases 'foreign' speech can be rendered even with the help of another language. Thus, in the original version of the film "Tourist" the main characters speak English, while a group of gangsters speak Russian (with English subtitles). In the Russian version of this film, however, the gangsters speak Ukrainian, while all the others characters speak Russian. Thus the effect of 'foreign speech' is preserved. This example shows that in the context of film art the main focus is made on the idea of 'foreignness', 'strangeness' as such, rather than the particular territorial characteristic.

2. Regional dialect as a marker of social-cultural characteristic

Special attention, as far as social-cultural characteristic is concerned, should be paid to regional and social dialect. In contrast to accent, dialect presupposes, apart from phonetic deviations from the literary norm, also some variation on the level of grammar and vocabulary. Besides, unlike foreign accent where the deviations are the result of the speaker's involuntary mistakes and individual articulatory peculiarities, dialectal deviations is of regular character.

In linguistics there is a clear distinction between the notions of regional and social dialect. Regional (territorial, local) dialect is a "a dialect spoken in a particular area" (region) that does not coincide with the literary language. Social dialect is "a dialect spoken by a particular social group" [Akhmanova 1969: 31].

However, from the point of view of socio-linguistics, especially socio-linguistics of film text, they should be discussed together as one functional group. The use of the literary norm or one of the social or territorial varieties by a film character provokes firm associations with the social-economic status of this character, his level of education, his surrounding, it can characterize him as a resident of the capital or a big city or a person from a provincial town or a rural dweller.

Thus, for example, an educated person living in a big city, a middle class representative tends to use the literary norm of the language, which is a kind of standardized supradialectal variant. Whereas strong regional dialect (irrespective of a particular region) usually characterizes the speech of villagers or provincial townfolk or low-educated inhabitants of the suburbs engaged mostly in physical labour. In other words, the use of a dialectal variety provides the viewer with the information not only about the territorial origin of the character, but also about his social status.

As our material has shown, in a film the function of a social marker tends to be much more important than that of a reference to a particular area. It is this function that is usually reflected in a quality translation, while the reference to a particular territory

is usually dismissed as of no principal importance, because unlike foreign accent, it is often next to impossible to find any stable associations with this or that original language dialect in the mentality of the speakers of the language of translation.

To illustrate the ideas stated above let us turn to French cinema. An interesting example of the use of regional dialects is the film “Bienvenue chez les Ch’tis” (in Russian version – «Бобро поржаловать») [Bienvenue chez les Ch'tis. Hirsch Pathe – Tfl Films Production – Les Productions Du Ch'timi – CRRAV France, 2008 / Вольга 2010]. Produced in 2008, this film is still at the top of French film release. According to the plot, the main character as a punishment is sent to work from the south of France to the unpopular northern region of Nord – Pas-de-Calais. In the mind of a southerner this region is practically the world’s end, a permafrost inhabited by rude, uneducated barbarians. This prejudice is further increased by the funny and incomprehensible dialect that the northerners speak.

The first impression of the character when he comes to the north is hostility and lack of understanding. Misunderstanding takes place at all levels: the character initially has a wrong information about the north; he does not understand the language the locals speak; he does not understand the behaviour of the people and the reasons they have; he does not share their tastes; when he sees a carnival picture of one of his employees that gives him shelter in his house the first night he comes, he mistakes him for a homosexual and barricades his door for the night. But gradually he gets to know local traditions, learns to speak the local dialect and eventually falls in love with the north.

There are three variants of the French language used in the film, that help to shape the images of the corresponding characters – standard literary language, southern accent and northern (Picard) dialect. The main character Philip Abrams (a southerner, head of a post office) speaks the standard variant of the language, as well as his family and colleagues. They can all be characterized as representatives of middle class, occupying positions that presuppose regular contact with people and therefore the knowledge of the standard language.

Strong southern accent can be heard in the speech of an old man, Philip’s relative, to whom he comes for advice before setting off for the north. The old man lives in a lonely old country house. A southerner to the very marrow of his bones, he hates the north and scares Philip with highly exaggerated stories about it. Let us analyze how visual, sound and linguistic elements combine in this scene to create the image of a ‘southern bastion’.

On the screen we see an old, half-dark traditional rural house standing in the middle of serene Provencal landscape. A solemn silence, a strict and mysterious atmosphere wraps up the house both inside and outside. This silence is emphasized by the silence of the woman who opens the door and the distinct sounds of cicadas and of creaking door and steps. The atmosphere of secret is enhanced with the help of slow, mysterious music. In the depth of the house the old man sits like an ancient oracle. He is literally an embodiment of the south, which is used in the film to enhance the contrast with the north where he main character is about to go.

On the linguistic level this image is created by the southern accent of the old man, which is best noted in trilling [r] and voicing the final [ə], accompanied by the shift of word stress to the penultimate syllable. In the Russian translation the southern accent of the old man is practically not reflected, though an attempt has been made by the translator

to preserve some reference to a non-standard pronunciation corresponding to the image of an old villager – such as an unusual intonation in the first two phrases, several occasions of non-trembling [r] not typical for standard Russian (for example, in the word “говору”), substitution of standard Russian possessive pronoun “их” by a low colloquial “ихние” and generally more trembling, old-man’s voice.

In the next episode Philip sets off for the northern town of Bergues. The residents of Bergues speak the northern Picard dialect. Let us look at it more closely, because a special focus is made on this dialect in the film. Phonetically it’s quite different from the standard French language. Its most typical phonetic features are the following: 1) the archaic [k] and [g] remain before [j], [i] and [e], as well as before [a] and [o] (compare, for instance: Picard *kief* и French *chef*, Picard *gambe* and French *jambe*); 2) instead of French [s] (Latin [ts]) in Picard they pronounce [ʃ] (for instance: Picard *ch’i* – French *c’est toi*) [Phonetic system of the Picard dialect [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.picard.free.fr/lgpic/phonetiq.htm> (дата обращения: 10.01.14)].

There are also significant differences on the morphological level. As an example, let us adduce the system of personal pronouns and the conjugation of the verb “etre” (to be) in present indicative, in brackets we’ll give the standard French variant: *ej sus* (je suis), *t’es* (tu es), *i’est* (il est), *al est* (elle est), *in est* (on est – impersonal form, which is often used instead of first person plural both in French and Picard), *os sommes* (nous sommes), *vos êtes* (vous êtes), *is sont* (ils sont).

On the lexical level there are also considerable deviations which are played upon in the film. Thus, for example, a kiosk is called *baraque* (фр. *kiosque*), coffee – *jus* (фр. *kafé*), a little – *ptchiot* (фр. *petit*), etc.

Dialectal opposition is one of the main comic elements in this film. The lack of coincidence in pronunciation, as well as separate lexemes and grammatical forms leads to a comical miscomprehension between the characters. Thus, for example, in the episode where Philip first comes to Bergues at night, he knocks down the colleague who has come out to meet him. When Philip asks M.Bailleul if everything is fine, he answers something absolutely incomprehensible, that leads Philip to the conclusion that he has broken his jaw. What he actually says is “Bienvenue, Monsieur le directeur” (“Wellcome, director”), but with Picard pronunciation. In Russian this phrase is translated as «Бобро поржаловать». The comic effect is preserved, although Philip’s suggestion about the broken jaw becomes less reasonable. In the Russian variant his speech rather suggest the idea that the character lacks some teeth or is simply drunk. Let us compare the original version and the translation of this short dialogue:

- <i>Mon Dieu! ça va? Vous n’êtes pas mort?</i>	- <i>Господи! Вы живы? Все в порядке?</i>
- <i>Bienvenue, M.le directeur.</i>	- <i>Бобро поржаловать, мужье директор</i>
- <i>M. Bailleul?</i>	- <i>Господин Байоль?</i>
- <i>Ouais, ch’est mi. Ouh! Vingt diousse!</i>	- <i>Эрто мья. Ой, мья ржадница!</i>

- <i>Faut appeler les secours.</i>	- Не шевелитесь, я вызову скорую
- <i>Cha va, cha va.</i>	- Жо ножмально, жо...
- <i>J'aurais pu vous tuer!</i>	- Я же мог вас убить!
- <i>Ch'est pas grave, cha va. J'veus ai reconnu à vot' plaque. Ichi, ch'est 59. J'veus ai fait signe d'arrêter vot' carète. Mais j'ai rin, j'ai rin.</i>	- Ржадницу ужарил. Мья важ зражу ужнал. Мья вам машонкал, жоп вы торможили. Но вжо в пожядке, не божтезь, не, не, не...
- <i>Votre mâchoire, vous êtes blessé?</i>	- Вы челюсть вывихнули?
- <i>Heiini?</i>	- Э?
- <i>Vous avez mal quand vous parlez?</i>	- Вам больно говорить или нет?
- <i>Quo?</i>	- Жо?
- <i>Votre mâchoire, ça va?</i>	- Ваша челюсть в порядке?
- <i>J'ai mal à min tchu. Chuis tombé sur min tchu, quo.</i>	- Не, не, тонько ржадницу ужарил слежка.
- <i>Le tchu? Vous voulez pas qu'on aille montre mâchoire à un médecin?</i>	- Лёжка? Что-то я вас не понимаю. Может, все-таки отвезти вас ко врачу?
- <i>Non. J'ai rin, vingt diousse.</i>	- Не, вжо хохоржо.
- <i>Vous vous exprimez d'une façon très très particulière.</i>	- Уверяю вас, вы говорите не совсем нормально.
- <i>Parc'que j'parle ch'ti, ch'est cha?</i>	- Эрто потому жо я ржикаю?
- <i>Pardon?</i>	- Простите?
- <i>J'parle ch'timi.</i>	- Это наши француржик.
- <i>Putain! C'est ça, le fameux "cheutimi"?</i>	- Черт! Это язык ржиков?

Let us look at this dialogue more closely. Philip speaks the standard French language which is translated by standard Russian. The speech of Bailleul, who speaks the local dialect, poses much more difficulties for the translator.

In the original text the most prominent peculiarity of Bailleul's pronunciation is the shift of [s]→[ʃ] (for example: ça→cha) and of some vocals (for instance, [a]→[o]: quoi→quo; [ã]→[in]: rien →rin). On the grammatical level the difference is confined to the use of a conjunct form *chuis* (*je suis*) and contracted or dialectal pronouns: je→j', votre→vot'; moi→mi, mon→min. As for the vocabulary, only two dialectal words are used in this dialogue – a noun *curette* (voiture) and a popular local interjection *hein*. In other words, although the Picard dialect is quite different from the standard French, the language used by the characters of the film is easy enough for a common French-speaker

to understand, it sounds strange and funny, which fully corresponds to the popular image of ‘northern barbarians’.

To preserve the comic effect the translator uses a number of random phonetic substitutions in Russian words, which have no connection with the original dialectal specifics, but they perform the same artistic function. Thus, in the Russian variant instead of the original Picard shift [s]→[ʃ] the translator uses random substitutions of consonants by the sound [ʒ] or the combination [rʒ]: *нормально* → *ножмально*; *узнал* → *ужнал*; *ударил* → *ужарил*. In the last example the comic effect is enhanced due to the similarity with another word. In some words the sounds are randomly added or change their places in the word: *хорошо* → *хохоржо*; *это* → *эрто*; *я* → *мя*. Besides, the translator uses words-derivatives from low colloquial forms: *чтобы* → (прост. *шоб*) → *жоп*.

There are no grammatical or lexical deviations in the Russian variant; the main focus is on the pronouncing difference, which proves to be enough to create the same artistic effect as in the original. But the Russian translation relies on an interesting allusion that ensures the correct understanding by the viewers of the nature of the characters’ strange pronunciation. The local dialect ch’*ti* (in the southern pronunciation – chetemi) in Russian is referred to as «*француржик*» (with a derivative verb «*ржикать*»), which symbolically reflects the main pronouncing difference). The verb «*ржикать*», created by the translator, only symbolically points at the main peculiarity of the northern pronunciation, because the combination of consonants [rʒ] was chosen randomly and is used in the Russian translation instead of the original phonetic [s] – [ʃ].

This artificially created word resembles another Russian word – ‘*суржик*’. In the narrow sense of the word, this is used to refer to various parlances based on the merge of Russian and Ukrainian spoken in the regions near the border of the two countries; in a broader sense, it refers to any merges of two neighbouring languages when the grammatical structure of one language combines with the vocabulary and pronunciation of another language. In this way the translator manages to render the information which is clear to the viewers of the original French version, but calls for special explanation for the Russian viewer – the information about the nature of the strange pronunciation of Bergues residents.

We come to the conclusion that regional dialect is not only a territorial, but also a social marker, as the use of dialect instead of the standard literary language is characteristic of rural population or the inhabitants of provincial towns and suburbs that are occupied with physical labour and have little education. On the other hand, the use of the literary norm characterizes a person as a middle class city resident with good education who occupies or is able to occupy a good position at work. Regional dialect is difficult to render in Russian translation, as this kind of phenomenon is much less prominent in Russian. Therefore dialectal differences are often lost in translation. However, when these differences are specially focused upon and create comic effect, they are rendered in translation with the help of other linguistic means that perform the same artistic function.

3. Social dialect as a means of class characteristics and level of education.

As the British society has managed to preserve the most clear-cut class differentiation, it is logical to use an English-language film to illustrate the discussion of

social varieties of language. A vivid example of the use of accent as a social marker is a musical film “My Fair Lady” [My Fair Lady. Warner Brothers. USA, 1964], where the theme of social-cultural positioning of a person through his accent is by itself one of the central topics of the narration.

According to the plot of the film, professor Higgins, a phonetician, agrees to teach a poor provincial girl that sells flowers on London streets to speak her native language correctly in a very short time and makes a bet that he would pass her off as a duchess at an embassy ball. For the young girl, Eliza Doolittle the main stimulus in this experiment is that she would be able to get a place as a shop assistant in a flower shop, “which requires a better English”. In other words, the variety of language a person uses is closely connected with his position in the society.

It should be noted that there is no one answer to the question which kind of dialect – regional or social - is discussed here. From the point of view of the stratification of London population and the possibility to raise one’s social status by adopting a more prestigious variety of pronunciation, it is social dialect. But on the other hand, originally the heroine’s language is an example of regional dialect, which is clearly demonstrated when professor Higgins tells Eliza which part of England she comes from based on her pronunciation.

In the first scene the attention of the viewers is drawn by the sharp contrast between the speech of the ladies and gentlemen coming out of a theatre and the street dwellers. On the phonetic level we can observe, on the one hand, standard British RP with the typical intonation of the descending scale and occasional elements of the upper-class ‘posh English’ – such as, for example, the reduction of initial [h] in Colonel Pickering’s pronunciation (for instance, in the word ‘harm’) and a shift of the diphthong [ai] towards the more narrow [ei] in the word ‘sign’ in Mrs Eynsford-Hills. Drastically different is the pronunciation of the flower girl and her friends, which is a blend of London cockney and different regional accents. The same contrast is played upon in the following scenes when Eliza comes to Higgins’ house and starts to learn.

The most prominent pronouncing features of Eliza Doolittle at the beginning of the film are the following: regular use of rising intonation at the end of a phrase (instead of the standard descending scale); accents in the form of accidental rise instead of high fall; substitution of the diphthong [ei] by a wider [ai] (for example, in the words *paying*, *rain*, *take*, *mistake*); complete reduction of initial [h] (‘h-dropping’) in the words like *heat*, *hands*, *head*; substitution of velar [ŋ] by alveolar [n] in the ending –ing (in the words like *making*, *sitting*, *nothing*).

However, the difference in speech is not confined to the pronunciation. On the lexical level the use of ‘learned’ words (like *pneumonia* and *molestation*) and elevated vocabulary (*divine gift*, *disgrace the noble architecture*, *incarnate insult*) by the upper class characters is opposed to the use of slang and low colloquial vocabulary (like ‘bloke’ instead of neutral man; ‘tec’ instead of policeman; ‘blooming’ in the meaning ‘bothering’) by the representatives of the lower class.

In terms of grammar, Eliza’s speech also has some peculiarities. Let’s take her phrase “I ain’t done nothin’ wrong by speakin’ to the gentleman!” Here we can see three clear deviations from the literary norm: firstly, the first person singular verbal form ‘I

ain't' instead of the standard 'I'm not'; secondly, the form of 'be-perfect' instead of the standard perfect form with the verb *have* ('*I am done*' instead of '*I have done*'); and thirdly, double negation ('*I ain't done **nothin'** wrong*' instead of '*anything wrong*').

Finally, on the level of syntax the main opposition lies in the variety of syntactic structures used by the educated representatives of the upper class and rather simple structures used by Eliza with frequent elliptical sentences and repetitions ("You're no gentleman, you're not, to talk of such things. I'm a good girl, I am; and I know what the likes of you, I do").

Let us now turn to the Russian translation of the film [My Fair Lady. Warner Brothers. USA, 1964 / Film Prestige, 2003]. Eliza's speech here is characterized by the extensive use of colloquial forms («жентлемен», «фиялки», «че», «шоб», «покажите»), low style vocabulary («вывалил», «смыться», «сцапать», «накарябать») and colloquial expressions («Сильнее льет – скорее перестанет», «плакала моя выручка»). Ladies and gentlemen, on the contrary, are expressly polite and correct: «Сэр, кончится ли когда-нибудь этот дождь? - Боюсь, что нет. Льет все сильнее».

It should be noted, though, that in the original version the main focus is made on the pronunciation. It is by the accent that professor Higgins tells where a person comes from and other details of their biography. In the Russian translation the phonetic peculiarities are confined to several colloquial forms, which are unsystematic and quite few. The main focus here is shifted to the lexical level. The reason is that in Russian phonetic differentiation is much less distinct than in English, therefore the translator has to look for the socio-cultural markers at other levels of the language. As a result, the main opposition of cultured vs uncultured speech remains, but the rich variety of English accents played upon in the original is lost.

Thus, social and class characteristics can be reflected in the characters' speech by means of social dialect. The main opposition is between a low and a high position in the society. In Russian translation accent is usually rendered with the help of colloquial vocabulary and forms, the main focus being shifted from the phonetic to the lexical level.

Let us draw the conclusions. As our material has shown, accentual and dialectal elements in speech play the role of social as well as territorial markers, therefore an important part of the social-cultural characteristic of a character. They can perform a number of functions, the main ones being: the creation of an important artistic opposition of 'same vs different'; reference to a complex of strong cultural associations connected with a particular social group; the creation of comic effect.

Proper reflection of these peculiarities of speech in translation proves to be a very difficult task, while their omission leads to the loss of artistic unity of the work, as well as the loss of some implicit meanings inherent in the original text. At the same time, our material has shown that it is usually not necessary to preserve all real peculiarities of this of that original accent in the translation. From the functional and artistic point of view, it is enough to preserve only a symbolic reference to the differences in speech. This reference can be based on the traditional associations with this or that regional or social-cultural group. However, in the absence of such associations the translator is free to choose random linguistic elements that would perform a similar aesthetic-artistic function.

Reference

Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Коммуникативное воздействие: культурные и этические аспекты // Проблемы теории и практики управления. – 2012. – № 7-8. – С. 95-101.

Пильгун М.А. Аксиологические составляющие медиатекста в межкультурном аспекте // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 8 (108). – С. 135-139.

Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. – М.: URSS, 1969. – 608 p.

Brown T., Vidal B. The Biopic in Contemporary Film Culture. – Routledge, 2014 – 314 p.

Durovicová N., Newman K.E. World Cinemas, Transnational Perspectives. Routledge, 2009. – 366 p.

Phonetic system of the Picard dialect [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.picard.free.fr/lgpic/phoneti.q.htm> (дата обращения: 10.01.14)

Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. – М.: The USSR AS publishing house, 1963. – 254 p.

Elena V. Gabrielova

УДК 81'23

**NEW MEDIA IN PROTEST MOVEMENT: EXPLICIT AND IMPLICIT
EXPRESSION OF POINT OF VIEW ON THE PROTEST MOVEMENT
OCCUPY WALL STREET ON TWITTER**

The article presents the results of the research of linguistic peculiarities in expression of personal opinion about the protest movement on Twitter in the USA. In the first part of the article there is an overview of the event, its description and specific features. There is also described the role of new media in coverage of the political events. Further in the investigation there was examined Twitter as a means of communication. The core part of the article presents a content analysis of the messages taken from Twitter microblog and exposed to linguistic analysis. In the end of the article there is a conclusion, based on the research data which is also presented in tables.

Keywords: new media, explicit and implicit expression of personal opinion, social networks, protest movement, Occupy Wall Street.

Е.В. Габриелова

**НОВЫЕ МЕДИА В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ: ЭКСПЛИЦИТНОЕ И
ИМПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ В ТВИТТЕРЕ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ДВИЖЕНИЮ “OCCUPY WALL STREET”**

В статье представлены результаты изучения лингвистических особенностей выражения личного мнения с помощью Твиттера по отношению к протестному движению в США. В первой части статьи дается краткий обзор движения “Occupy Wall Street” и описывается роль новых медиа в освещении политических событий. В работе также изучается Твиттер как средство коммуникации. Основная часть статьи посвящена результатам контент-анализа сообщений, собранных с Твиттера и подвергшихся лингвистическому анализу. В конце статьи приводятся выводы, опирающиеся на данные исследования, представленные в таблицах.

Ключевые слова: новые медиа, эксплицитное и имплицитное выражение личного мнения, социальные интернет-сети, протестное движение, Occupy Wall Street.

The present investigation is interested in a political campaign with the name Occupy Wall Street (OWS). This protest movement started on September 17th in 2011 in Zuccotti Park. The aim of the campaign was to occupy Wall Street in the financial center of New York. The goal of the event was to attract the attention of public to the crime of financial elite and initiate structural changes in economy. During the whole movement the activists produced and distributed media texts and documentation, using any platform they could access. Social nets were the most important instrument of information distribution. Information was created every day by the participants of the protest movement, while media groups placed the information in social networks (especially on Twitter and Facebook), prepared texts and videos, carried out live stream broadcasting on

Globalrevolution.tv, prepared prints (such as Occupied Wall Street Journal), developed and coded web-sites (for instance, OccupyTogether.org), and also created independent media platforms and technological infrastructure (Occupy.net).

The role of new media in organization and conducting the protest movement

The discussion of people who disagree moved to the Internet long time ago and is realized by new media [Dzyaloshinsky & Pilgun 2012; Leistert 2013; Pilgun 2010]. Media coverage of the protest movement Occupy Wall Street is realized practically in full on the Internet. The exchange of news, the dialogue with potential followers of the movement, video-streaming from different states and countries make it possible to unite people with common views and interests. Planning of the protest events and informing about them is also carried out interactively with the help of new media. The protest movement Occupy Wall Street originated due to the Internet as it is hard to imagine how it could become possible to gather so many people in Zuccotti Park without the use of blogs and direct mailing. The rest of the public, especially in other countries, would hardly have learnt about the movement, if it had not used social networks for distributing video and photo reports from the venues, taking into account the fact, that the press and television did not cover the mentioned events in a proper way.

It is also necessary to note, that media activity of the movement Occupy Wall Street is marked by an extensive use of offline, analog, printing and so-called low-technological forms of media together with the most modern technological developments, such as autonomous wireless networks, new instruments and platforms. In most cases the followers of the movement Occupy Wall Street created and exchanged media elements through these platforms (including analog forms of communications and channels) in the process, called transmedia mobilization [Constanza-Chock 2011: 13]. With this connection, a question rises which platform were more frequently used during the protest movement Occupy Wall Street. The observation of the participants of the movement, the results of the surveys, conducted within the scope of General demographic research of the protest movement and investigation of political participation online of more than 500 respondents, organized by Occupy Research Network with cooperation with DataCenter.org, present the following results. Answering the question which various types of media were used for getting information about the protest movement, respondents mentioned a number of digital media platforms. The majority (64%) used Facebook, only a quarter of respondents named Twitter as a source of information (23%) or blogs (24%). Face to face communication also played a significant role. Around a half of respondents (43%) discussed the movement in a live time, while almost the same number of people (44%) used web-sites and e-mail (42%) to discuss the events. While examining the sources of getting the information it was found out that a third of respondents (29%) used Youtube, a quarter (24%) took advantage of printed press and a fifth of respondents (19%) used the web-site of live stream broadcasting, television and radio were used only by 17% [Constanza-Chock S, 2012:15]. Concerning the creation of media material, the most popular activity was observed on Facebook (74%) and the participation in face to face communication (73%). The smallest part of respondents was involved in more intensive forms of media-content creation: about one fifth of all respondents (18%) placed their messages in blogs, while less than one out of ten (8%) created videos about the movement. If such form of participations was compared with other types of activities, than the percentage ratio

would have the following form. Respondents actively participated in general assemblies and protest events, organized in camps (69% each), more than a third were involved as volunteers and were responsible for providing food (41%), around 40% took part in work meetings, 17% lived in tents and 4% were arrested. Thereby, the majority of respondents directly participated in the protest movement and only a small number of people were involved in media-content creation, devoted to the movement. Mainly they posted short messages on Twitter and Facebook.

Twitter u Occupy Wall Street

Wide use of Twitter during the protest movement Occupy Wall Street lets us speak about such a phenomenon as “natural learning/education” of users. Scientists claim that such process usually is unplanned, spontaneous and does not meet the schedule of an institution in contrast to formal education. [Greenhow, Robelia 2009: 119-140]. Natural education is characterized as united, integrated and encouraged by the interest of an individual [Jenkins 2006]. Twitter facilitates natural education, as the platform allows establishing immediate, short social communication. Quite often the messages contain external links on materials outside the social network. This allows speaking about expanding of information resources, encouraging natural education and raising the level of awareness on a certain issue. Thereby, Twitter demonstrated a new ability of social media to provide users with a possibility not only to post textual and video information, but also become its consumer. With regard to the fact mentioned above it is proper to note the change of the forms of media consumption, for the use of the content created by users as a source of information is equal to watching news. Moreover, Twitter platform became a convenient instrument of information distribution and involvement of citizens into participation in the protest movement Occupy Wall Street as it has horizontal, non-hierarchical structure. According to the research data, Twitter was used for carrying out the following functions: facilitating the organization of the real protest and fundraising for its conducting, news distribution through links and retweets, reporting on the ongoing events from the venue, expression of the personal point of view on the movement, involvement into the discussion, establishing personal relationships with the participants of the protest movement and organization of online activity, connected with the movement [Penny, Dadas 2013: 7]. Particularly Twitter was used for distribution of the information about the venue and the time of special events. Earlier handbills and leaflets were used for the same reason, but Twitter significantly broadened the opportunities of informing people and gathering them, making the information available for a vast majority of users, regardless time or their location. Such use of social networks was named «e-mobilization» of the population [Earl, Kimport 2011]. It also presupposes informing of the needs of protesters and types of assistance, which could be provided by volunteers on the venues in real time mode. Moreover, Twitter contained posts with the summary of the meetings, which were held by protesters. For a number of reasons, a lot of volunteers could not attend such meetings in person, but were able to receive the information about the current events and take part in the meeting remotely through the application. As activists of Occupy Wall Street movement point out, personal communication between the participants contributed a lot to unity and consolidation of solidarity, group identity and partnership. As a consequence, participants became more cohesive both in views and actions, as well as in forms of expression the common protest. But there are also some disadvantages

of using Twitter as a platform for discussion and planning the events. The users of the social network state that faced difficulties while posting messages tagged «occupy». Such messages were censored and became unavailable for the common view. In addition, Twitter appeared to be a good source of information not only for the participants of the protest, but also for policemen. All the plans of the activists were exposed to a detailed analysis of the authorities and further certain actions were taken by the police. Nevertheless, the participants of the movement themselves looked at such circumstance positively as they consider transparency and sincerity of the actions their public attitude.

Research

The instrument of the research. Twitter platform is a social network, which allows posting messages of 140 symbols in a twitter stream. There are two types of post streams: the stream of a certain user (account) and a stream on a certain topic with messages tagged with # symbol (hashtag). Messages (tweets) of a user are available for his close environment that is a group of users subscribed on him. However symbol # with the following tagging of the message to a certain topic enables grouping of messages into one stream, which is available for a wide audience. The search function with commands “since” and “until” makes it possible to find messages with a certain tag for a definite time period.

Research data

The investigation is based on the analysis of messages in microblog Twitter for the period of September 2011 with a hashtag #OWS or #occupywallstreet. There was conducted the analysis of authors according to gender characteristics. Further on there was made a content analysis with the help of program Atlas.ti, aiming at revealing explicit and implicit appraisals of events in the Wall Street by Twitter users. Atlas.ti program allows retrieving, structuring and coding separate actual elements from the whole data file. Coding in Atlas.ti represents the main component of work in the program. Coding is realized as marking the elements of data in question (words or word phrases), categories – blocks of elements – as peculiar codes. Codes (key words) are divided into groups depending on aims of the investigation. Distribution of words occurs according to their meaning structures with a glance to the defined criteria. The program also allows creating a picture – scheme, showing the main results of the analysis, key words, groups and their links between each other.

Theoretical basis of the research

At present time from the point of view of linguistics the information is usually studied from different angles. As it is well-known, it can be presented in the text as statements, suppositions and opinions. As a plan of contents an utterance consists of a number layers, different from each other according to the extent of explicit meaning, then the statements are regularly divided into evident (explicit) and hidden (implicit). To explicit statements are generally referred those the content of which can be easily defined from the form of the utterance without any additional conversion of the meaning, which can base both on the word meaning and context of the statement. Under hidden statements are usually understood such statements, the meaning of which is defined from additional analysis of sense of the statement, constituting the utterance and with the help of the meaning of the context of the statement. In other words, evident (explicit) statements are directly reflected in lexical-semantic structure of a sentence, while hidden are not. Thus,

according to Baranov A.N., the extent of explicit-implicit component of the linguistic content is not binary, but gradual. To explicit phenomena the scientist first of all refers ellipsis, and also the statement, containing anaphoric pronouns. Such forms are restored from the context or situation of communication. It is generally accepted that not all of the cases of ellipsis are comparable with explicit methods of information presentation. For example, close to ellipsis is the method of indication at proposition, based on the use of textual macrostructure. Idioms, according to Baranov A.N. can be classified as both explicit and implicit methods of information transition. Concerning presuppositions and consequences, these components of the content of the statement often carry implicit nature [Baranov 2007: 40].

The aim of the investigation is to point out quantity ratio of implicit and explicit utterances in microblog Twitter, devoted to discussion of protest movement Occupy Wall Street. Based on the research data, it is planned to make a conclusion which way of information transition (implicit or explicit) prefer the users of social network when expressing their views on political events (particularly, the protest movement in the USA in 2011).

Procedure

From the message tagged #OWS and #occupywallstreet in September 2011 for a detailed analysis were chosen 200 tweets with expressive views on on-going events. It is necessary to point out that the number of messages for the defined period increased considerably by the end of September, which is connected with the force influence from the side of the government of the USA. The analysis of the authors of the messages was carried out according to gender characteristics; the content-analysis was done with further revealing of the main topic of the utterances.

Participants

The authors of the majority of the messages in a defined time-period were organizations, (50%), such as Adbusters, US Day of Rage, Occupy Denver, Occupy Houston, Occupy LasVegas, Occupy Wall Street. It is interesting to note, that men more often started the discussion than women (30% and 20% relatively). Also it is important to note, that the majority of Twitter messages contained the link to the outside source: a video on Youtube, user's blog, the publisher's website or TV channel.

The main topics of messages

First of all, the messages in Twitter had informative nature. Users exploited the microblog for informing the participants of the protest about the venue and time of the meetings, conferences, sessions and other protest activities. Also, the participants shared the information via Twitter, adding a link to the additional resource of information. Moreover, Twitter was exploited by active participants of the movement to report from the venue of the event in real-time. Such messages could be used by news companies for creating an article about the event from the place of it in live broadcast. Also, a number of tweets containing imperative structures appeared in the microblog, aimed at encouraging more and more users to join the movement. Finally, Twitter became the platform for discussions and expressing personal views of ordinary citizens. Thereby, the list of topics has the following look, presented in Table 1.

Table 1

Topic of the message	Example
Informing about upcoming events	<p>“Someone announces that cops intend to kick us out of #occupywallstreet square at 10 PM”</p> <p>“7PM #occupyWallStreet General Assembly meeting beginning now at Zuccotti Park. Join Us!”</p>
Sharing the information from external sources	<p>“Are you following this? There is no reason not to follow this. OCCUPY WALL STREET. Link: http://tumblr.com/xjy4wno225”</p> <p>“NOW LIVE STREAM VIDEO! general assembly in NYC http://www.livestream.com/globalrevolution”</p>
Life-stream reporting from the venue of events	<p>“Hundreds of people sleeping at #OCCUPYWALLSTREET plaza, sounds of drums. PHOTO is my view from sleeping bag :)”</p> <p>“Um, there's a rumor circulating that 50,000 people were down on Wall Street. That ain't true, folks. Just came from there”</p>
Expressing personal point of view on the events	<p>“All right, I'll admit it. I'm getting sick of Occupy Wall Street. The problem is not the stock exchange or banks. It's Congress”</p>
Encouraging users to join the protest movement and take active actions	<p>“Express your outrage on the day of rage, by being there or supporting the principle of holding corporations to account”</p>
Asking for help in organization and conducting the protest actions	<p>“Asking for more ppl to stand at Welcome Stations to engage the public”</p>

The outcomes

For processing the messages in Atlas.ti the data was coded according to the following parameters: explicit and implicit expression of a personal view-point on the events. Moreover, there were added such criteria as the use of idioms in an utterance, irony, imperative constructions, aimed at encouraging people to take actions and expression of critics of the protest movement. After processing the data the frequency of occurrence of each criterion has the following look (Table 2):

Table 2

Code (criterion)	Frequency of usage	Example
Explicit expression of a personal opinion	105	“Fact - I am unhappy with the current social, economic and political environments all around the world today”
Implicit expression of a personal opinion	95	“Wall St fat cats are drinking champagne watching protesters from bank balcony”
Critics of the protest movement	11	“Thankfully I have tons of work to somewhat distract me from the symptoms of #OWS”
The use of irony	34	“Tomorrow we should chant, « the police need a raise»”
The use of idioms	11	“WE will not pass the buck to our children!”
The use of imperative constructions	21	“PRotesters and observers: PLEASE set your mobile devices to auto upload pics and video immediately in case you ‘lose’ your camera”
Total number of tweets	200	

From Table 2 it is clear that the users prefer to express their opinion freely, but simultaneously 17% of citizens use irony to express their view-point. Imperative constructions are contained in 10% of all messages analyzed. And only 5% of the statements are aimed at encouraging people to take actions. And authors of 5% of messages have critics of the protest movement. Such a low percent of messages with critics is characterized by the maximum support of activists for the movement in the first months of Occupy Wall Street. Once again it proves the data of the research carried out by National Broadcasting Company (NBC) together with Wall Street Journal, the results of which were mentioned earlier in this article. The high percentage of statements with

implicit expression of opinion hints at the fact that a hidden view expression, demanding an additional analysis for comprehension, can represent a characteristic of a political discourse.

It is interesting to observe the interconnection of the criteria between each other. Thereby, in the course of investigation were determined certain patterns, presented in the following Table 3.

Table 3

	Critics of the protest movement	The use of irony	The use of idioms	The use of imperative constructions
Explicit expression of personal opinion	5	5	2	16
Implicit expression of personal opinion	6	29	11	5
Critics of the protest movement	-	8	-	-
The use of imperative constructions	-	-	2	-

As can be seen from Table 3 with correlation of codes, the majority of coincidences are registered between such criteria as implicit expression of personal opinion and the use of irony in statements. For example, such a coincidence can be observed in the following posts: “*Apparently there is a dress code to protest. People are getting arrested for what they are wearing*”; “*Did anyone order any cops at #occupywallstreet? We already have plenty. It’s a peaceful demonstration*”, etc. In examples, mentioned above the meaning of the statement can be extracted only with the help of the context (the following sentences). Such a coincidence seems to be rather natural for the stylistic device “irony” itself presupposes the contrast of both visible and implicit meaning of the utterance, creating an effect of mockery; most frequently it means notorious mismatch of positive and negative subtexts. [Novyj slovar’ inostrannyh slov 2009]. Thus, the stylistic device itself demands additional analytical actions to derive the true sense of the statement, which corresponds to characteristics of implicit statements.

Further, it is interesting to investigate the frequent use of imperative constructions in explicit statements. As it is well-known, imperative constructions represent one of the meanings of the category of mood. The imperative often expresses a request, an order or advice. With the help of imperative constructions the speaker informs of his wish for some action to be carried out by another actor. An important peculiarity of imperative statement is that it is regarded both as a message and an action at the same time: the speaker not only informs of his wish, but tries to force the recipient to fulfill it. In consequence of that, it is important to carry the sense of the message directly to the recipient in order to force him or her take certain actions, the appeal to which is hidden in an imperative statement. The meaning of the statement in this case should be as clear as possible, otherwise the

aim of the imperative statement is unlikely to be achieved. The recipient should clearly understand what actions he is called for by the author of the utterance, extra analytical operations to define the sense can prevent him from following the order of fulfilling the request. The examples of such messages are: *“Go on, criticize the unclean, unclear goal-having Occupy Wall Street folks. But! Utilize your wise detachment and suggest a better idea”*, *“Thanks #occupywallstreet..keep sending the messages.keep fighting..this is one we MUST not lose our lives and dreams and hopes depend on it!”* The meaning of utterances as well as the call for action is clearly expressed in the examples mentioned above.

From the table it is also seen that idioms were used more frequently in implicit statements, while in explicit statements they occurred two times less. It is necessary to note, that the concept of an idiom as a collocation, the sense of which cannot be derived from the meaning of its components, for the first time was formulated by a Swiss linguist Charles Bally in his work *Précis de stylistique*, where he juxtaposed them with another type of word combinations – phraseological groups with variational combination of components. At a later date V.V. Vinogradov marked out three main types of phraseologisms: phraseological fusion (idioms), phraseological units and phraseological combinations. N.M. Shanskiy points out also an additional type – phraseological expressions. As idioms represent semantically indivisible phrases and in most cases are clear only to native speakers, then for defining their meaning it is necessary to carry out a number of additional actions and analysis of the utterance for decoding the message of the statement. That is why the use of phraseologisms or idioms in implicit expressions seems to be very justified. On the other hand, as it is seen from the table, a small number of phraseologisms were combined together with imperative constructions and explicit expressions. This fact can be explained by the existence of phraseological word combinations, the structure of which allows semantic substitution or replacement of certain words and their general meaning is derived from the meaning of their separate constituents. Thereby, to state the meaning of such message is frequently not as difficult as it may seem. As a result, the statement with the use of phraseological combination can be considered as explicit.

And finally, the critics of the protest movement according to the research data was expressed both explicitly and implicitly in an equal extent. However, it is necessary to note the use of irony in expression of critics of the ongoing events. As it was mentioned above, the irony presupposes the negative context in a statement. In compliance with this, the use of irony in critical expressions appears to be quite logical and rightful. This regular occurrence is easily seen in the following expressions: *“Wonder what it feels like at #occupywallstreet right now, with 200 kids there fighting for economic justice + another 1000 to see Radiohead”*; *“Visibly homeless people taking advantage of #OccupyWallStreet’s food table”*.

As it is seen from the research results, the participants of the movement Occupy Wall Street used the platform Twitter for solving a number of tasks at the same time. Linguistic characteristics of the message changed depending on the aim of communication. In most cases users expressed their opinion explicitly, that is characterized by the tendency to share their opinion with other users of the microblog and carry the meaning as clearly as possible within the scope of technical restrictions of the social net (the length of the message cannot exceed 140 characters). On the other hand, high percentage of implicit statements among the messages of activists and people who took part in discussion of

the protest indicates the tendency to express their point of view on political events in a concealed way especially if the opinion is critical.

Reference

Baranov A.N. Lingvističeskaja jekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovanija i praktika. – M., 2007.

Boxer S.B. Romney: Wall Street protests “class warfare”// National Journal – URL: <http://www.nationaljournal.com/2012-presidential-campaign/romney-wall-street-protests-class-warfare--20111004> (the date of access 20.10.2013).

Дзялошинский И.М., Пильгун М.А. Ресурсы коммуникативного воздействия // Медиаскоп. – 2012. – № 2. – С. 14.

Constanza-Chock S. Mick Check! Media cultures and the Occupy movement// Social Movement Studies, Journal of Social, Cultural and Political Protest. – 2011: 3-4, 375-385. – 2012: 15.

Constanza-Chock S. Se ve, se siente: Transmedia mobilization in the Los Angeles immigrant rights movement. Doctoral Dissertation// University of Southern California. – Los Angeles. – 2011: 13.

Earl J., Kimport K. Digitally enabled social change: Activism in the Internet age// Cambridge, MA – MIT Press. – 2011.

Greenhow C., Robelia B. Informal learning and identity formation in online social networks// Learning Media and Technology, №34(2). – 2009: 119-140.

Jenkins H. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. Working paper for the MacArthur Foundation. – 2006 – URL: <http://digitalllearning.macfound.org> (the data of access 03.11.2013).

Leistert O. From Protest to Surveillance – The Political Rationality of Mobile Media Modalities of Neoliberalism. Peter Lang: Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien. – 2013. IX, – 280 p.

Montopoli B. Occupy Wall Street: more popular than you think// CBS news – URL: http://www.cbsnews.com/8301-503544_162-20120052-503544.html (the data of access 17.12.2013).

Novyj slovar’ inostrannyh slov- by *EdwART*, 2009 – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17590/ (the data of access 21.12.2013).

Penny J., Dadas C. (Re) Tweeting in the service of protest: Digital composition and circulation in the Occupy Wall Street movement// New Media Society, Sage. – 2013: 7.

Пильгун М.А. Речевые особенности политической коммуникации. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. Т. 152. – № 2. – С. 236-246.

Saba M. Wall Street protestors, inspired by Arab Spring movement//CNN – URL: <http://www.cnn.com/2011/09/16/tech/social-media/twitter-occupy-wall-street/index.html> (the data of access 29.10.2013).

Santo A. Occupy Wall Street’s media team// Columbia Journalism Review – URL: http://www.cjr.org/the_news_frontier/occupy_wall_streets_media_team.php (the data of access 29.10.2013).

Stein J. Occupy Boston – Oct. 9th, 2011 – URL: http://www.youtube.com/watch?v=lnPvgZG_2Y&w=560&h=315 (the data of access 05.11.2013).

Ю.В. Бекреева

УДК 811.111'37 (045)

**ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУБЪЕКТА
В ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА
(В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ Э. РОШ)**

Статья посвящена определению семантических признаков, указывающих на категориальную принадлежность субъекта в структуре значения субъектно-ориентированных глаголов физического действия. Рассматривая проблему нежесткого ограничения на сочетаемость глагола с именами, обозначающими субъект действия, автор опирается на концепцию прототипической категории Э. Рош. На основе анализа словарных конкретизаторов, данных об устойчивых ассоциациях и контекстов употребления глагола в сочетании S – P автор приходит к выводу о прототипической организации субъектного компонента в глагольном значении, который включает образ субъекта-прототипа и вероятностные семантические признаки, отражающие физическое и психическое состояние субъекта.

Ключевые слова: субъектно-ориентированный глагол, семантический компонент «субъект», прототипическая категория, эффекты прототипичности, уровни категоризации (супербазисный, базисный, суббазисный), прототип, «семейное сходство», вероятностные признаки.

Yuliya V. Bekreyeva

**FEATURES OF SUBJECT CATEGORICAL MEMBERSHIP IN THE
VERB MEANING
(IN CONTEXT OF THE PROTOTYPE THEORY OF E. ROSCH)**

The article reveals semantic features of subject categorical membership in the structure of meaning of subject-oriented verbs of physical action. The author applies E. Rosch's theory of prototypical category. On the basis of definition analysis, data of associations and contextual analysis of S-P constructions the author concludes about a prototypical organization of the "subject" component. It includes an image of subject-prototype and stochastic features, denoting physical and emotional state of the probable doer.

Keywords: subject-oriented verb, semantic component «subject», prototypical category, prototypical effects, levels of categorization (superordinate, basic, subordinate), prototype, family resemblance, stochastic features.

Когнитивный аспект изучения глагольной семантики предполагает стремление к более полному описанию значения глагола. Глагол рассматривается не столько как обозначение разных процессов, действий или состояний, сколько как обозначение свернутых ситуаций, включающих участников действия и отношения между ними (например, [Кубрякова 2004: 266–267; Уфимцева 2002: 137]). В нашем исследовании мы обращаемся к детальному изучению отдельного компонента значения глагола, отражающего информацию о предполагаемом исполнителе (субъекте) обозначаемого действия.

Между субъектом и действием существует тесная взаимосвязь: в объективной действительности действие не проявляется как изолированное нечто, оно осуществляется как функция субъекта. Данная онтологическая связь находит свое отражение в глагольной семантике, что подтверждается многочисленными исследованиями. Так, например, А.А. Уфимцева в качестве обязательного компонента глагольной номинации называет «ракурс логико-семантических связей обозначаемых признаков и предметов, как они складываются в предметном или идеализированном (отображенном в языке) мирах» [Уфимцева 2002: 142]. Автор выделяет класс субъектно-ориентированных глаголов, в значениях которых отражена ономастическая направленность на характеристику субъекта – исполнителя или источник действия [там же: 160]. Семантические признаки, выделяемые в структуре субъектно-ориентированных динамических глаголов современного английского языка и отражающие различные свойства и характеристики предполагаемого исполнителя действия, и составляют предмет нашего исследования. Совокупность субъектных, или, точнее, субъектно-ориентированных семантических признаков формирует содержание семантического компонента «субъект» в структуре лексического значения глагольного слова. Определение субъектно-ориентированных сем в значении динамического глагола позволит расширить понимание природы взаимосвязи «субъект – действие» и ее репрезентации в глагольной семантике. Кроме того, вскрытие механизмов «упаковки» знания о предполагаемом исполнителе действия в глагольных лексемах, а также определение способов активизации этих знаний в процессе коммуникации вносит определенный вклад в развитие когнитивного направления.

Предметом осмысления в предлагаемой статье является проблема выделения признаков категориальной принадлежности субъекта в структуре значения субъектно-ориентированных глаголов. Способность глагола регламентировать класс имен, обозначающих исполнителя действия, при порождении высказывания неоднократно отмечалась лингвистами (сравните, например, исследования семантической валентности или теорию глубинных падежей глагола). В этой связи отметим работу О.А. Михайловой, в которой автор определяет сему специализированного субъекта как лимитирующий компонент глагольной семемы [Михайлова 1998]. Такие семы указывают на конкретный класс субъекта, ограничивая денотативное поле глагольного действия. В нашем исследовании мы акцентируем внимание на двух диалектически связанных явлениях: отсутствии жестких ограничений на сочетаемость с именами, обозначающими определенный класс субъектов, и присутствию в глагольном значении семантических признаков, которые в предложении соответствуют категориальным признакам субъектного актанта. Такая постановка вопроса согласуется с прототипическим подходом к пониманию категории, наиболее полно представленным в работах Э. Рош и ее последователей.

Предваряя дальнейшее изложение, остановимся на важнейших положениях теории Э. Рош, которые послужили теоретической основой для нашего исследования. Исследования проблем категоризации Э. Рош и ее последователей доказали ограниченность классического подхода к категоризации, сводимую к выделению необходимых и достаточных признаков категории, установлению четких границ и одинакового статуса для всех членов категории [Залевская 1999: 112]. Э. Рош пред-

лагает другой путь определения категории, связанный не столько с установлением межкатегориальных границ, сколько с выделением наиболее ясных фактов категориальной принадлежности [Rosch 1978: 35–36]. Проводя серии экспериментов по изучению естественных категорий, кодированных в языке и культуре, Э. Рош обнаружила асимметрию (получившую название «прототипных эффектов» [Лакофф 1988]): испытуемые оценивали некоторые члены категории как более репрезентативные для данной категории, чем другие. Проявление асимметрии позволяет предположить, что категория должна иметь дополнительную внутреннюю структуру, благодаря которой появляются оценки **степени соответствия** элемента категории.

Основное положение концепции Э. Рош заключается в том, что процесс категоризации осуществляется по линии **прототипа**, определяемого человеком в результате субъективного восприятия как наиболее репрезентативный член категории [Rosch 1978: 36]. В понимании Э. Рош прототип максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности и связан отношениями подобия одновременно со многими членами категории на основе **«семейного сходства»**. Показатель «семейного сходства», заимствованный Э. Рош у Л. Витгенштейна, рассматривается как совокупность признаков «прототипичности», которыми обладает член категории. Вес каждого признака определяется тем, сколько всего членов категории им обладает. Р.М. Фрумкина приводит следующий пример рассуждения Э. Рош: «...для категории "птицы" большим весом обладает признак "летать", поскольку он присущ подавляющему большинству членов данной категории; признак "петь" обладает меньшим весом, так как далеко не все птицы – певчие, и т.д. Птицы, обладающие большим числом характерных признаков, оказываются ближе к центру (*соловей*), а меньшим числом – дальше от центра (*пингвин*)» [Фрумкина 1991: 52]. Таким образом, члены категории дифференцируются по степени типичности, а признаки категориальной принадлежности рассматриваются с точки зрения вероятности их проявления в описании членов категории.

Прототипичность в концепции Э. Рош связывается не только с понятием прототипа, но и с выделением разных **уровней категоризации**: супербазисного, базисного (прототипического) и суббазисного (сравните, например, *furniture – chair – kitchen chair*) [Rosch 1978: 34]. Дифференциация категориальных уровней определяется как «виденье объекта то с позиций более «высокой» (абстрактной) категории, в которую он входит, то, напротив, с позиции той более «низкой» (конкретной) категории, члены которой ему подчинены» [Кубрякова 2004: 109]. Э. Рош и ее ученики экспериментально подтверждают, что базисный уровень является наиболее подходящим уровнем абстракции для представления, называния и оперирования объектом в большинстве ситуаций [Rosch 1978: 43]. Именно на этом уровне люди вычлняют объекты легче всего и оперируют при этом их перцептивными и функциональными признаками, соответственно формируя представление о прототипических и непрототипических членах категории.

Подводя итог описанию ключевых положений теории Э. Рош, представим основные признаки прототипической категории, которые Д. Гирертс называет «прототипическими эффектами» [Geeraerts 2009: 187]:

- 1) прототипическая категория имеет нечеткие очертания границ;
- 2) прототипическая категория не может быть определена посредством един-

ственного набора критериальных (необходимых и достаточных) признаков, которые разделяли бы все члены категории;

3) структура категории отражает разные уровни типичности ее элементов: некоторые члены категории определяются как образцы и типичные представители данной категории, другие члены категории оцениваются как более периферийные единицы;

3) связь членов категории осуществляется по принципу «семейного сходства», т.е. большей или меньшей степени подобия.

Выводы и положения, сформулированные в рамках концепции Э. Рош и ее последователей, позволяет с иных позиций подойти к вопросу о том, как знание о категориальной принадлежности субъекта «встраивается» в структуру глагольного значения. В настоящей статье мы ставим **задачу** показать прототипический характер семантического компонента «субъект» в значении динамических субъектно-ориентированных глаголов. Для решения поставленной задачи мы обратились к анализу нескольких источников языкового материала:

- выборка субъектно-ориентированных глаголов осуществлялась по толковым словарям на основании наличия в дефиниции прямого указания на субъект, выраженного конкретной лексемой;

- данные ассоциативного словаря *Edinburgh association thesaurus* использовались при определении связи действия, обозначенного глагольным словом с прототипическим субъектом (реакция со значением «исполнитель действия» должна иметь высокий ранг (1-3) в ассоциативном поле стимула-глагола);

- выборка текстового материала для анализа условий контекстуальной актуализации прототипического субъекта, имплицированного в значении глагола, производилась по электронному корпусу текстов *British National Corpus* (относительная частота глагольной леммы в корпусе должна составлять не менее 20 примеров для каждого глагола).

В группу анализируемых глаголов вошли ЛЕ, обозначающие физические действия: звукопроизводство (например, *bark, bleat, howl, roar* и др.), передвижение (например, *flutter, gallop, toddle* и др.) прием пищи (*gobble, nibble*), физическое воздействие (например, *sting*).

Анализ словарных дефиниций позволяет установить способы представления релевантной информации о субъекте для значения глагола, которые должны быть понятны и полезны (а практика использования толковых словарей это доказывает) для большинства людей. Категориальный тип конкретизаторов, определяющих субъект для обозначаемого действия, устанавливается в соответствии с тремя уровнями категоризации.

Указание на субъект, заключенное в скобки, обладает обобщенно-отвлеченным значением и относится к супербазисному уровню категоризации в понимании Э. Рош. Дифференциация субъекта проводится на основе естественных категорий: «животные», «птицы», «насекомые», «жидкость (вода)», «транспорт» и т.д. Например,

ramp '(esp. of **animals**) to rush around in a wild excited manner';

flow '(of **liquids**) to move as in a stream';

twitter '(of a **bird**) to utter a succession of chirping sounds'.

Общий класс «человек» не указывается в определении глагола (за редким исключением в производных значениях). В этом мы усматриваем проявление антропоцентричности в представлении действия: человек мыслится как активный субъект, способный к волевому, контролируемому, целенаправленному действию – т.е. как типичный агент для глаголов со значением действия. При отсутствии спецификации, по умолчанию, субъектом действия мыслится человек. Например, в значении глагола *mime* ‘to express (an idea) in actions or gestures without speech’ очевидным субъектом выступает человек. В отдельных глаголах при семантизации может указываться конкретная социальная группа:

lynch ‘(of a **mob**) to punish (a person) for some supposed offence by hanging without a trial’;

или называться представитель определенной профессии:

undershoot ‘(of a **pilot**) to cause (an aircraft) to land short of (a runway).

Наиболее интересным случаем, раскрывающим особенности категоризации субъекта через глагольное значение, на наш взгляд, является смена общего класса субъекта на основе оппозиции «животное – человек» во вторичных значениях глагольных лексем. Дальнейшее изложение будет направлено на анализ таких субъектно-ориентированных глаголов, в первичном значении которых указан неантропонимический субъект.

Анализ словарных дефиниций глаголов, ономаσιологически ориентированных на неантропонимический субъект, позволил выделить три основных способа представления субъекта:

1. Оформление субъектного конкретизатора может производиться по схеме:

<i>общий класс</i>	<i>конкретный представитель</i>
супербазисный уровень	прототип (базисный уровень)

Например, в определении *bark* ‘(of a **dog** or any of certain other animals) to make its typical loud abrupt cry’ названо конкретное животное (собака) и отмечена возможность расширения класса субъектов (выраженное союзом *or*) на некоторых представителях класса «животные», которые, могут быть определены на основе подобия с прототипом *dog*.

В дефиниции *nibble* ‘(esp of **animals**, such as **mice**) to take small repeated bites’ указан онтологический класс «животные»; сравнительный оборот уточняет прототипический субъект «мыши».

2. Дефиниция может включать *перечисление нескольких субъектов*, способных выполнять данное действие. Например, в следующих дефинициях субъектный компонент представлен несколькими номинациями субъекта базисного уровня: *coo* ‘(of **doves**, **pigeons**, etc.) to make a characteristic soft throaty call’ – перечисленные названия субъектов относятся к одному роду птиц. На возможность выбора из членов перечислительного ряда указывает союз *or*: *yea* ‘(of a **sheep or goat**) to give birth to (offspring). Уточнение с помощью перечислительного ряда также выполняет иллюстративную функцию и ориентировано на среднего пользователя языком. Частичное представление семантического множества активизирует в сознании человека весь участок парадигматически связанных членов категории, и говорящему не сложно продолжить соответствующий перечислительный ряд. Перечислительный

ряд может указывать на отсутствие единственного прототипа для субъектов в обозначаемой ситуации действия. Такую возможность отмечала и Э. Рош.

3. В определении глагола представлен **прототипический субъект** обозначаемого действия. Такой способ представления субъекта самый частотный для глаголов, обозначающих физические действия животных. Например, *neigh* 'to utter the characteristic sound of a **horse**' или *bellow* 'make a cry like that of a **bull**'. Словарный конкретизатор может определять субъект на базисном уровне категоризации с пометой *especially*, которая подчеркивает типичность указанного исполнителя действия: *cackle* '(esp of a **hen**) to squawk with shrill notes'.

4. Указание на субъект выражено атрибутивным словосочетанием, представляющим категорию суббазисного уровня. Например, *toddle* 'to walk unsteadily as a **small child**'; *yip* 'to bark sharply, as a **young dog**'; *lap*³ '(of **small waves**) to wash against, usually with light splashing sounds'. В указанных субъектных конкретизаторах из группы субстанций (*child, dog, waves*) выделяются субстанции, характеризующиеся по определенному параметру («возраст» *young* или «размер» *small*). В этом случае мы имеем дело с самым строгим, конкретизированным ограничением.

Следует отметить, что и перечислительный ряд с указанием возможных исполнителей данного действия, и обозначенные базисные конкретизаторы категориальной принадлежности субъектов остаются открытыми, обеспечивая возможность расширения категории на основе функционального подобия с указанными субъектами. Отсутствие четких границ в денотате субъектного компонента подтверждает часто встречаемая в дефиниции помета *etc.*, используемая для обозначения неопределенного множества членов ряда.

Анализ способов представления субъекта при определении глагольного значения позволил установить следующие **закономерности в организации содержания субъектного компонента**:

- различие естественных классов при определении субъекта;
- употребление классообразующего имени для обозначения субъектного компонента;
- отсутствие четких границ при определении круга возможных субъектов (т.е. в экстенсionale субъектного компонента);
- наличие равновероятных вариантов спецификации субъекта (т.е. вероятностный характер субъектных сем);
- регулярное указание на типичный субъект из ряда возможных, потенциальных исполнителей действия.

Данные закономерности соотносятся с «прототипическими эффектами», выделенными Д. Гирертсем, и свидетельствуют о том, что компонент «субъект» в глагольном значении структурирован **по прототипическому принципу**. Данная структурная модель включает признаки наивного понятия (совокупность категориальных признаков, которые с определенной степенью вероятности обнаруживаются в характеристике членов категории) и представление о стандартном образце – прототипа категории. Э. Рош подчеркивала в своих работах, что прототип подразумевает целостное представление, а не набор отдельных признаков. Соглашаясь с данным тезисом, мы рассматриваем прототип, обозначенный в глагольной дефиниции, как устойчивый целостный образ, включенный в импликациональную часть глагольной семемы.

Подтверждение ассоциативной (психологически устойчивой) связи прототипического субъекта и действия, обозначенного глагольным словом, демонстрируют результаты ассоциативного эксперимента, представленные в Эдинбургском ассоциативном тезаурусе. Мы сопоставили определения глаголов, в которых зафиксированы прототипические субъекты с ассоциативными полями реакций на стимул-глагол из данного тезауруса. Выделив в ассоциативном поле слова со значением исполнителя действия, мы получили класс субъектов, который совпадает с обозначенным в дефиниции прототипическим субъектом, причем номинация субъекта является частотной реакцией для таких глаголов (1 – 3 ранг в поле). Примеры сопоставления указаны в таблице 1.

Таблица 1.

Глагол	Субъектный конкретизатор в словарной дефиниции	Ассоциаты со значением «субъект»
bleat	a sheep, goat, or calf	sheep (0,44 ¹), lamb (0,35)
flutter	birds, butterflies	bird (0,14), butterfly (0,09)
gallop	a horse or other quadruped	horse (0,48)
howl	a dog, wolf, or the like	wolf (0,18), dog (0,13)
nibble	animals such as mice	mouse (0,11)
toddle	as a young child	child (0,15), baby (0,14)

На основе установленной связи действия, обозначенного глагольной лексемой, с прототипическим субъектом мы попытаем реконструировать семантические признаки, которые обеспечивают синтагматическую связь глагола с «непрототипическим» субъектом действия в контексте употребления. Данные семантические признаки являются субъектно-ориентированными и носят вероятностный характер, т.е. с большей или меньшей степенью вероятности актуализируются в агентивных сочетаниях глагола в функции предиката.

Экспликация субъектно-ориентированных семантических признаков производилась на основе анализа корпусных примеров конструкций S – P с субъектно-ориентированными глаголами в функции предиката. В результате анализа для каждого субъектно-ориентированного глагола был сформирован список агентов. Данный список рассматривается как реализованный экстенционал субъектного компонента, репрезентирующий категорию субъекта для определенного глагола. Очевидно, что значение самостоятельной лексики, функционирующей в роли агента при глаголе-предикате богаче содержанием, чем семантический компонент «субъект», включенный в состав глагольного значения. Сравнительный анализ контекстуального значения агентов и содержания компонента «субъект», включающим образ прототипического субъекта, позволил определить общие, интегральные семантические признаки, которые закреплены в глагольном значении, а также структурировать экстенциональное поле субъекта по модели «центр – периферия». Таким образом, мы рассматриваем семантические отношения между лексемами на

¹ В скобках указана частотность слова-реакции в процентном отношении

синтагматической оси – между номинацией субъекта (агенса) и номинацией действия (точнее части его значения, отражающей представление о предполагаемом субъекте); и на парадигматической оси – между именными лексемами, способными заполнять позицию агенса при глаголе-предикате в речевой цепи.

Определение категории агенса проводилась на супербазисном уровне: «животное», «человек», «предмет», «природное явление», «механизм» и т.д. Мы также учитывали особенности смысловой структуры глагола (т.е. наличие вторичных ЛСВ в системном значении). В некоторых семемах вторичные значения имеют свое ограничение на выражение субъекта. Например, во вторичном ЛСВ глагола *howl* субъект конкретизируется указанием на природное явление: '(of the **wind**, etc.) to make a wailing sound'. Следует отметить, что во вторичных значениях исследуемых глаголов ограничение на неантропонимичность субъекта нивелируется, т.е. субъектом обозначаемого действия мыслится человек. Контекстуальный анализ показывает, что именно человек является самым частотным агенсом при глаголе со значением физического действия. Проиллюстрируем данный вывод примерами процентного распределения агентов по супербазисным категориям для нескольких глаголов в Таблице 2:

Таблица 2.

Глагол	Супербазисная категория агенса					
	человек	животное	часть тела	явление природы	предмет	абстрактная сущность
bellow ²	92 %	4 %	4 %			
coo	88 %	8 %	2 %			2 %
growl	76 %	13 %	2 %	3 %	6 %	

Прототипический субъект-животное в первичном значении глагола выступает как самый частотный агенс в рамках выделенной супербазисной категории. Так, в группе агентов «животное» для приведенного выше глагола *growl* слово *dog* выступает агенсом в 5 из 14 примеров (36 %). Другие обозначения агентов выстраиваются вокруг данного прототипа на вертикальной и горизонтальной оси:

Bear, cat, fox и т.д. связаны отношениями функционального подобию с прототипом *dog* как животные в состоянии агрессии

Rottweiler, Labrador, puppy, Sam (клик собаки) и под. связаны отношениями субординации с прототипом *dog*.

Связь с прототипическим субъектом, который включен в импликационал первичного значения глагола, прослеживается и в сочетаниях с агенсом, супербазисная категория которого не совпадает с категорией прототипа. Анализ контекстов употребления позволяет установить, каким образом происходит расширение экстенционала субъектного компонента за счет включения непрототипических агентов. С этой целью мы выделили группы конструкций, в которых агенс выступает как периферийный член категориальной оппозиции «животное – человек».

² Для глаголов с конкордансным списком, включающим более 100 примеров, данные вычислялись на материале первых 100 предложений по запросу Sketch Engine.

1. Агенса может обозначать мифическое или сказочное человекоподобное существо. Например, животное может наделяться способностью говорить, как человек: *"C'mon Sid," the tiger growled.* – в данном случае глагол *growl*, определяя особенности произношения, отличные от «нормальной» человеческой речи, актуализирует семы категориальной принадлежности субъекта к классу животных.

2. Предложение с глаголом-предикатом, ориентированным на прототипический субъект-животное, может описывать ситуацию, при которой человек намеренно имитирует поведение животного. В следующем примере человек имитирует лошадь, двигаясь определенным образом и катая ребенка на плечах: *When Loc, with another worried glance in Jacques Devraux's direction, insisted it was time for them to go to bed, Paul galloped across the clearing with little Hoc on his shoulders and dumped the boy squealing with laughter on his sleeping mat.*

3. В конструкции может присутствовать эксплицитное сравнение агенса-человека с прототипическим субъектом: *...the country men brayed like donkeys and women swooped like owls...* Подобные сравнения служат для создания определенной образности в описании ситуации действия. В ряде случаев агенса сравнивается с некоторым центральным членом категории, отличным от прототипического субъекта: *I just howled some more like a jackal, like a pathetic pye-dog.* В приведенном примере нетипичное сравнение создает яркий образ: агенса-человек в состоянии сильных эмоциональных переживаний не способен контролировать свою речь, тем самым уподобляясь дикому животному и бродячей собаке.

4. Подобие с прототипическим животным может имплицироваться контекстуально. Например, употребление глагола *bellow* в следующем контексте усиливает уподобление героя с быком: *"Lachlan Maclean, you bellowing bull!" he yelled. ... "Dhia knows", Lachlan suddenly bellowed with laughter.* – Субъективная характеристика героя (Лаклан – бык) вызвана его характерной манерой говорить громко и его внешним видом (по описанию он – грузный, большой мужчина).

Следует отметить, что для глаголов, в первичном значении которых присутствует указание на прототипический субъект-животное, при употреблении с агенсом-человеком актуализируются общие с прототипическим субъектом признаки, указывающие на «ненормальное» для человека физическое или эмоциональное состояние. Для приведенного выше глагола *bellow*, например, это признаки, «большой, грузный, массивный», характеризующие фигуру субъекта действия, и признаки «неадекватный, в состоянии аффекта», описывающие его эмоциональное состояние. Такие признаки мы определяем как вероятностные субъектно-ориентированные семантические признаки, выделяемые на основе «семейного сходства» с прототипическим субъектом. Эти семантические признаки выполняют интегрирующую функцию в смысловой структуре глагола для тех ЛСВ, которые дифференцируются по признаку категориальной принадлежности субъекта.

Подводя итог нашему анализу, отметим, что семантический компонент «субъект», выделяемый в значении глагола, характеризуется сложной структурой и включает образный компонент, как представление о прототипическом субъекте для обозначаемого действия, и вероятностные семантические признаки, определяющие категориальную принадлежность субъекта. Категоризация субъекта в глагольной семеме производится на супербазисном уровне как указание на основной онтологи-

ческий класс субъекта, и именно на данном уровне категоризации осуществляется дифференциация семем и семантических вариантов в смысловой структуре глагола. Интегральными семантическими признаками при смене супербазисной категории субъекта выступают признаки, определяющие физические свойства и психическое состояние исполнителя действия, которое связывается с функциональными способностями субъекта. Такой набор признаков является отражением усредненного представления об исполнителе действия в ситуации действительности: эти представления и образы основаны на базовом знании, на том, что относится к базовому опыту носителей данного языка. Определение прототипической организации субъектного компонента на содержательном и экстенциональном уровнях дает необходимое обоснование языковым фактам нежесткого ограничения глагольной сочетаемости по линии агенса.

Список литературы

- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999. – 201 с.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике – Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.
- Михайлова О.А.* Ограничения в лексической семантике русского слова: дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.01. – Екатеринбург, 1998. – 270 с.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
- Фрумкина Р.М., Михеев А.В.* [и др.] Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
- Geeraerts D.* Theories of lexical semantics. – New York: Oxford University Press Inc., 2009. – 327 p.
- Rosch E.* Principles of categorization // Cognition and categorization. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – p. 26–48.
- Источники примеров
- British National Corpus [Electronic resource] / Brigham Young University. – 2012. – Mode of Access: <http://corpus.byu.bnc.edu>.
- Collins English Dictionary: Complete and unabridged / an Imprint of Harper Collins Publishers ; general consultant J.M. Sinclair. – 6th edition. – Glasgow: Collins and Sons Ltd., 2003. – 1873 p.
- Edinburgh Association Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://http://www.eat.rl.ac.uk>.
- Wordnet [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://wordnetweb.princeton.edu>.

А.А. Сардарова

УДК 81'25(045)

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИ СОЗДАНИИ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается процесс перевода художественного текста в психолингвистическом аспекте, а именно индивидуально-личностный вклад переводчика в создание вторичного текста.

Ключевые слова: переводчик, интерпретация, смысловой сдвиг, вторичный текст.

Alina A. Sardarova

TRANSLATIONAL INTERPRETATION IN CREATION OF A SECONDARY TEXT

The article deals with the process of literary translation from a psycholinguistic point of view. The author views the translator of a literary text as an expounder and the choice of the strategies for text interpretation depends on the totality of linguistic and literary skills the translator possesses, his/her cross-cultural knowledge and personal characteristics.

Keywords: translator, interpretation, shift of meaning, secondary text.

Характерной для всех видов перевода чертой, как отмечает Леонтьев, является «заданность программы извне» [Леонтьев 1969: 170], т.е. следование заданному образцу иноязычного текста. Для полноценной замены оригинала переводной текст должен соответствовать норме и узусу языка перевода, что является условием его доступности для иностранного читателя. Чтобы выполнять функции переводного текста, он должен как можно полнее отражать оригинал, его стилистические особенности и национальное своеобразие. Такая двояковая ориентированность перевода определяется лингвистами как противоречие или парадокс перевода [Латышев 1981: 173].

Но данное противоречие имеет еще одну сторону. Несмотря на необходимость выполнения своей посреднической функции, переводчик является индивидуальной языковой личностью, которая стремится реализовать себя при переводе. По образному высказыванию В.В. Набокова, который являлся талантливым писателем и автопереводчиком, «чем больше индивидуальный талант переводчика, тем более он будет склонен утопить иностранный шедевр в сверкающей ряби его собственного стиля» [Набоков 2013: 439]. По мнению Н.Л. Галеевой, в процессе перевода как бы сталкиваются объективно одна и та же ситуация с объективно же различными личностными мирами [Галеева 1998: 112], т.е. вектор "личность автора – личность переводчика" является особым фактором, влияющим на адекватность перевода» [Нуриев 2003:83].

В самом процессе перевода его лингвистическая и психологическая стороны взаимодополняют друг друга. Переводчик воспринимает исходную языковую форму, понимает и интерпретирует смысл и в результате создает новую языковую

форму. Выбор оптимального решения перевода остается за переводчиком, при этом переводчик проявляет себя не только как языковая личность, но и как личность в прямом психологическом смысле этого термина. Справедливо утверждение о том, что «...каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным – это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [Васильева 1996: 188].

Не менее важны и внутренне-личностные свойства переводчика, такие как психологический тип личности, который «характеризуется тенденциями к той или иной субъектной лакунизации и к образованию собственных лакун» [Никонов 1998: 36]; наличие у переводчика творческих способностей, особенно если это переводчик художественной литературы, способность художественного воображения, чувство художественного языка, умение, оставаясь самим собой, сочетаться с индивидуальностью автора, что В.В. Набоков называет «умением мимикрировать» [Набоков 2013: 438], умение быть «прозрачным» настолько, чтобы сквозь личность переводчика отчетливо был виден автор оригинала.

Все перечисленные личностные характеристики переводчика должны помочь ему выполнить функцию «фильтра» (пропуская из оригинала в перевод то, что будет доступно носителям общей с ним культуры), «лупы» (усиливая и увеличивая в тексте перевода то, что может пройти мимо них незамеченным, но при этом является для данного произведения принципиально важным), «трансформатора» (перенос в иное культурно-языковое измерение элементы текста оригинала, которые не могут быть восприняты и поняты адекватно читателем)» [Нуриев 2003: 83].

Большинство лингвистов, занимающихся переводом, сходятся во мнении о том, что смысловой сдвиг является неотъемлемым компонентом перевода. Данный сдвиг вытекает из обработки и трансформации содержания информации, заложенной в тексте оригинала, с учетом концептуальной системы реципиента. Таким образом, в результате процесса интерпретации переводчик порождает свой неповторимый текст, который связан с оригиналом инвариантным смыслом, но в нем присутствует отражение личных и профессиональных качеств переводчика [Сорокин 2003]. Мы разделяем данную точку зрения и считаем, что при переводе художественного произведения переводчик выступает как интерпретатор, а выбор того или иного способа интерпретации зависит от совокупности лингвистических и литературных навыков переводчика, его страноведческих и культурных знаний, его индивидуально-личностных характеристик.

Формальным показателем личностного присутствия переводчика являются случаи расхождения между оригиналом и переводным текстом. Наше исследование направлено на выявление таких случаев, анализ производимых переводчиком трансформаций, установление причин, которые побуждают переводчика выйти за рамки медиатора и использовать свой креативный потенциал. Мы разделяем утверждение Т.А. Фесенко о том, что переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты и определяющая роль при переводе принадлежит учету соотношения концептуальных систем автора и реципиента [Фесенко 2002]. Поскольку исходный текст является авторским воплощением картины мира, ему присуща субъективность. Но субъективная обусловленность присуща

и художественному переводу, так как переводчик – это билингвальная языковая личность, обладающая индивидуальным сенсорно-мыслительным механизмом. Таким образом, при переводе художественного текста можно говорить о «столкновении ментальных пространств автора исходного текста и его переводчиков, т.е. их индивидуально-личностных особенностей» [Нуриев 2003: 83].

Целью данной статьи, обобщающей один из этапов нашего исследования, является выявление изменений в системе концептов автора и реципиента при интерпретативной деятельности переводчика, создание им новых понятийных структур, адаптационная характеристика предпринятых изменений. Материалом нашего исследования послужил английский перевод первых двух томов романа М. Шолохова «Тихий Дон», выполненный английским переводчиком Р. Даглишем [Mikhail Sholokhov. Quiet Flows the Don]. Из текста перевода были выделены текстовые фрагменты, содержащие случаи расхождения с оригинальным текстом. Анализ перевода выделенных фрагментов текста показал, что переводческое переосмысление текста, его интерпретация осуществляется несколькими способами – за счет смыслового сдвига в сторону замены концептов, расширения концептуальной сферы переводимого понятия или его сужения. Рассмотрим выделенные способы переводческой интерпретации в отдельности.

1. Интерпретация за счет замены концептов

Несомненно, что неотъемлемым атрибутом перевода художественного текста является прогнозирование его восприятия реципиентом, который принадлежит к другой лингвокультуре, следовательно, переводчик должен в совершенстве владеть механизмом эмпатии. Переводчик как автор вторичного текста «производит селекцию знаковых форм и отбирает те из них, которые, с одной стороны, максимально полно отражают и выражают замысел, а с другой – максимально соответствуют "типу" реципиента, входят в его знаковую систему и смысловой код, что и позволяет последнему воспринимать и понимать текст» [Красных 1998: 200].

Для иллюстрации данного положения обратимся к анализу перевода выделенных фрагментов текста.

- *Выходи за меня замуж, Лизавета, а?*

- *Глупость!*

- *Жалеть буду, кохать буду...*

- *Liza, will you marry me?*

- *Nonsense!*

- *I'll be good to you, I'll look after you...*

В сознании русского человека понятия любви и жалости очень близки, и именно опираясь на них Митька делает предложение Елизавете. Для англоязычного социума понятнее апелляция к хорошим отношениям и заботе, что и передано английским переводчиком. В данном случае смысловой сдвиг направлен на адаптацию текста для совмещения смысловых полей автора текста и реципиентов перевода.

Еще одним примером, в котором переводчик стремится адаптировать текст и тем самым выполнить свою посредническую миссию, является следующий:

В разговоре Григория с одним из казаков последний спрашивает:

- Скажи: убил ты человека?...
- Убил. Ну?
- **Стенить душа?**
- Tell me, have you killed anyone?...
- Yes. What of it?
- **Does it weigh on your mind?**

Для русского сознания убийство – это грех, от которого болит душа. Для англоязычного этнокультурного сообщества, видимо, более понятно обращение к памяти и разуму, поэтому переводчик именно так и передает терзания Григория.

Роман М. Шолохова изобилует просторечными выражениями, передача которых представляет определенную сложность для переводчика. Рассмотрим такой пример.

- А почему же, Митя, вас не женят?

Митька оправился от минутного смущения и, чувствуя в словах ее неуловимую усмешку, замерцал желтизною глаз.

- **Женилка не выросла.**

Она изумленно взметнула брови, вспыхнула и встала.

- And why don't they marry you off, Mitka?

Mitka recovered from his momentary confusion, and sensing the hidden sneer in her words, let a glitter appear in the yellow of his eyes.

- **The cock must grow before it finds a hen.**

She raised her eyebrows in astonishment, flushed, and rose from her seat.

Русскоязычному реципиенту при прочтении данного предложения становится очевиден эротический подтекст. Пониманию этого способствует использование десубстантивного суффикса **-к**, который образует существительное с оттенком фамильярности, и сам контекст – девушка, услышавшая это, покраснела и смутилась. Английскому переводчику удалось в данном случае передать фамильярный, грубоватый подтекст, реконструируя авторскую интенцию, но облекая ее в понятную для английского реципиента форму: «*The cock must grow before it finds a hen*» (досл. «Сначала петух должен вырасти, а уж потом искать себе курицу»). Известно, что помимо значения «петух», слово «cock» имеет значение «половой член». Таким образом, английский переводчик, интерпретируя авторский текст, очень удачно использовал игру слов, которая содержит эротический подтекст.

Следующий пример демонстрирует, как за счет смещения концептов переводчик передает стилистические параметры переводимого текста:

- Холодно **здесь**... - *подрожав плечами, сказала Аксинья и вышла.*
- Давно ли в чириках по хутору бегала, а теперь уже не скажет **«тут»**, а **«здесь»**...

- There is a **draught** in this room, Aksinya said with a shiver and went out.

...used to be running about the village, now she is a fine lady. She can't even talk straight... «There is a draught in this room»...

Как видно из примера, оригинальный текст содержит стилистическую оппозицию слов *здесь* и *тут*, которые принадлежат к литературному и разговорному стилям. Английский язык не разграничивает стилистическую отнесенность данного понятия, оба русских слова переводятся на английский как *here*. Поэтому пере-

водчик интерпретирует текст так, чтобы передать заложенную в оригинале разницу между литературным и просторечным языком. Вместо слова *холодно* он употребляет слово *draught* (*сквозняк*). Таким образом, стилистический акцент смещается на слово *draught*, так как оно нетипично для речи простой казачки, а скорее характерно для речи городской женщины. Кроме этого, переводчик поясняет авторскую мысль за счет приращения смысла, вводя в текст перевода фразы ... *now she is a fine lady. She can't even talk straight...*, стремясь достигнуть адекватности при передаче данного фрагмента текста.

2. Интерпретация за счет расширения концептуальной сферы переводимого понятия

В своей адаптационной деятельности переводчик стремится усилить и выделить в тексте перевода то, что может быть не замечено или не понято реципиентом, т.е. он выступает как толкователь авторской мысли, используя приращение смысла, что может как способствовать адекватной передаче авторской интенции, так и приводить к переводческой неудаче. Рассмотрим некоторые примеры.

...*обманывая себя, норвила почаще попадаться ему на глаза.*

Making up excuses for her conscience, she tried to place herself more frequently in his path.

В данном примере переводчик развивает авторскую мысль о самообмане, объясняя ее психологическую основу. Вероятно, переводчик понимает, что мотивация действий Аксиньи может быть непонятна иностранному читателю, поэтому он адаптирует оригинальный текст для лучшей передачи авторской интенции.

В следующем примере также происходит приращение смысла. При переводе сцены, в которой Аксинья изменяет Григорию, переводчик вводит дополнительную информацию:

Отягощенная отчаяньем Аксинья, не помня себя, отдалась ему со всей бурной, давно забытой страстностью.

Burdened with her despair; not realizing what she was doing, as if in a dream, Aksinya yielded herself to him with all her strong, long dormant passion.

В данном случае очевидно желание переводчика объяснить поступок Аксиньи и, возможно, оправдать. Таким образом, приращение смысла мотивировано личностным отношением переводчика к описываемому в оригинале событию.

Лукинична на ночь затапливала печь, чтобы пораньше отстрипаться и ко времени выпечь куличи.

Her mother was lighting the stove for the night, in order to have the place tidy early on Easter Sunday morning and to get the Easter cake ready in time.

Приведенный пример показывает, что переводчик неверно трактует диалектное слово *отстрипаться*. Переводчик понимает его как *to have the place tidy*, т.е. *убраться*. При таком переводе не ясно, для чего топилась на ночь печь. Кроме этого переводчик расширяет достаточно лаконичный авторский за счет пояснения времени происходящего события – *early on Easter Sunday morning*, хотя это понятно из контекста. Таким образом, в данном примере переводческая интерпретация приводит к искажению смысла и ненужной избыточности информации.

Она видела, что он не боится Степана, что так он от нее не отступится...

She saw that he was not afraid of Stepan, she felt that he would not hold back because of him...

В данном примере переводческая интерпретация отражает то, как переводчик понимает описываемую ситуацию. Он как бы «додумывает» ее, представляя Степана возможной причиной «отступления» Григория, что отсутствует в оригинале. Таким образом, в данном случае переводческое толкование текста не соответствует авторской интенции и не способствует адекватности перевода.

3. Интерпретация за счет сужения концептуальной сферы переводимого понятия

В рамках своей посреднической миссии переводчик выполняет фильтрационную функцию, пропуская из оригинала в перевод то, что будет доступно реципиентам как носителям другой лингвокультуры, и то, что можно отсечь как отягощающее перевод излишней детализацией, несущественной для иноязычного реципиента.

Выделенные примеры смыслового сдвига за счет опущения при переводе связаны со случаями передачи понятий, не несущих существенной смысловой нагрузки в тексте. В качестве примера приведем следующие:

И когда Мелехов Гришка, заигрывая, стал Аксинье поперек пути...

And when Grisha Melekhov crossed Aksinya's path...

...а скотину убирать приходилось Аксинье, воротать хозяйством – ей.

...and Aksinya had to do everything.

Возможно, переводчик посчитал перевод этих единиц излишним, так как в обоих случаях в широком контексте есть указание на данные смысловые элементы. Английский язык более лаконичен, чем русский, ему не свойственна языковая избыточность. Соответственно, и переводчик прибегает к опущению смысловых элементов, которые, вероятно, являются, на его взгляд, избыточными.

Переводчик также опускает перевод строчек из песен, некоторых названий деревень, вывесок. Их опущение не искажает авторский замысел и не приводит к кардинальным смысловым изменениям переводимого фрагмента.

Другой случай сужения понятийной области переводимого понятия может быть вызван нестыковкой понятийных полей автора и переводчика, что приводит к непониманию переводчиком всей глубины авторской интенции, вследствие чего перевод упрощается, несет смысловые потери. Рассмотрим некоторые примеры.

В разговоре с братом Григорий, потрясенный жестоким характером войны, говорит:

-Я, Петро, уморился душой.

- Pyotr, I'm played out.

Английский фразовый глагол *play out* означает «выдохнуться, потерять силу, изжить себя» [Большой англо-русский словарь 1979], но он не передает ту душевную усталость, разочарование и тоску, которые испытывает Григорий и понимание которых существенно для осознания его образа.

Приведем еще один пример недостаточного понимания авторской интенции английском переводчиком. В тяжелом разговоре двух сватов, полном взаимных обид и непонимания, Пантелей Прокофьевич старается подавить неприязнь:

- Об чем дело? - спросил Пантелей Прокофьевич, трезвея от схлынувшей злобы...

- *Well, what's the business? Pantelei asked in more amiable tones.*

Перевод упрощенно передает чувства Пантелея Прокофьевича, его противоречивый характер, причина внезапного перехода к спокойной беседе остается непонятной.

Еще одним примером неудачного использования опущения является следующий. В английском переводе опущено страстное обращение Аксиньи к Богу с мольбой сохранить жизнь ее больной дочери:

...Аксинья неустово молилась, просила у Бога последнюю милость – сохранить жизнь ребенка. «Господи, прости! Не отнимай! Пожалей, господи, смилуйся!»

...she prayed frantically to God for his last mercy, that its life might be spared.

Возможно, переводчик посчитал эту информацию избыточной, так как контекст передает мольбу Аксиньи, но опущение такого рода лишает текст той эмоциональной составляющей, которая должна находить отклик у читателя. Следовательно, избранное переводческое решение принижает эстетическую ценность произведения, что является недопустимым при художественном переводе.

Совершенно неоправданным является опущение и в следующем примере. В письме Аксинье с фронта Григорий спрашивает о своей дочке:

В каждом письме он справлялся о дочери, просил писать о ней: «...пиши, как моя Танюшка растет и какая она собой стала? Недавно видел ее во сне большой и в красном платье»).

In every letter he asked about his daughter, telling Aksinya to write about her.

Опущенные строчки из письма очень важны для понимания многогранности образа Григория. Возможно, переводчик исключает слова, в которых сквозит любовь Григория к своей маленькой дочке, так как не считает эту грань характера Григория существенной. Это противоречит авторскому замыслу, и, таким образом, переводчик вторгается в авторскую концепцию образа данного персонажа, привнося личное отношение, которое навязывается реципиенту.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Перевод художественного текста следует рассматривать как речевую деятельность, опосредованную деятельностью переводчика, его индивидуальными внутриличностными характеристиками.

2. В результате переводческой интерпретационной деятельности происходят изменения в смысловом пространстве произведения – смыслы расширяются, сужаются, появляются новые, что связано с полным или неполным соотношением концептуальной системы переводчика, его интеллектуально-эмоционального типа с понятийной, стилистико-эстетической системой переводимого произведения. Следовательно, художественный перевод субъективен настолько, насколько близко совмещен объем концептуальных систем двух языков в языковом сознании переводчика.

3. Переводческая интерпретация может приводить к искажению смысла, если в концептуальной системе переводчика переводимый фрагмент действительности представлен нечетко. Это может происходить как в силу отсутствия фоновых знаний, так и в силу неверного совмещения понятийных областей переводимого концепта и выбранного переводчиком эквивалента. Так, например, диалектное сло-

во «стряпать» переводчик передает как «убирать», видимо, соотнося его с русским словом «тряпка», т.е. «то, чем убирают».

4. Переводческая адаптационная деятельность направлена на создание и корректировку зон пересечения концептуальных систем автора оригинала и иностранного реципиента, обладающих различным этническим сознанием.

5. В художественном переводе должны быть соотнесены семантико-стилистические уровни текста оригинала и перевода, так как они формируют эстетическую ценность произведения. Переводческий выбор стратегий такого совмещения зависит от характера переводимой информации, ее коммуникативной значимости, а также от индивидуально-личностных характеристик самого переводчика.

Список литературы

Большой англо-русский словарь в двух томах // Под ред. И.Р.Гальперина. – М. «Русский язык», 1979.

Васильева О.Ф. Переопредмечивание: методические и онтологические аспекты// Понимание как усмотрение и построение смыслов: Сб. научных трудов. Ч. 1. Тверь: ТГУ, 1996. – С. 65-74.

Галева Н.И. Различие смысловых конфигураций в оригинале и переводе художественных текстов // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования: Сб. научных трудов. – Тверь:ТГУ, 1998. – С. 138-142.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.:Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

Латышев Л.К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения. – М. «Международные отношения». – 1981. – 246 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания – М. «Наука». – 1969. – 312 с.

Набоков В. Лекции по русской литературе /Пер. с англ. С.Антонова и др. – СПб.: «Азбука-Аттикус». – 2013. – 448 с.

Никонов В.М. Некоторые аспекты лингвокультурологических проблем перевододенотативные и коннотативные параметры) // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж: Из-во ВГУ. – 1998. – Вып.2. – С. 32-46.

Нуриев В.А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – №1 – С. 80-87.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М: ИТДГК «Гнозис». – 2003. – 160 с.

Фесенко Т.А. Принципы когнитивной транслятологии // Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов / Отв.ред. Т.А.Фесенко. – Тамбов: Из-во ТГУ им.Г.Р. Державина. – 2002. – Вып.2. – С. 15-28

Mikhail Sholokhov. Quiet Flows the Don. Translated by R.Daglish. Carrol and Graf Publishers, Inc. New York. – 1996. – 637 p.

СВОЕ СОРОКАЛЕТИЕ ОТМЕТИЛА КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СТИЛИСТИКИ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского университета создана в 1973 г. доктором филологических наук, профессором Зинаидой Даниловной Поповой, которая возглавляла кафедру со дня ее основания до февраля 1995 г. С февраля 1995 г. по настоящее время кафедрой заведует проф. И.А. Стернин. Сейчас на кафедре работают 4 доктора наук, профессора (З.Д. Попова, заслуженный деятель науки РФ, И.А. Стернин, заслуженный деятель науки РФ, профессор О.Н. Чарыкова, профессор Н.М. Вахтель), 5 доцентов, кандидатов наук (Н.А. Козельская, Г.Я. Селезнева, А.В. Рудакова, М.С. Саломатина, М.Я. Розенфельд) и двое преподавателей (Н.В. Акованцева, В.В. Головинова).

Отличительной чертой развития кафедры на протяжении всего периода ее существования был интенсивный научный рост сотрудников. В период работы на кафедре кандидатские диссертации защитили 15 человек; докторские диссертации, работая на кафедре, защитили 6 человек – А.М. Ломов, Т.А. Колосова, И.Я. Чернухина, И.А. Стернин, А.А. Кретов, О.Н. Чарыкова, Н.М. Вахтель; кроме того, защитившие на кафедре кандидатские диссертации Е.И. Беляева, З.Е. Фомина, Г.Ф. Ковалев, В.Ю. Копров, В.М. Топорова, М.А. Стернина, А.П. Бабушкин, Л.В. Ковалева, М.Ф. Панкина, В.М. Топорова впоследствии стали докторами наук, работая в других коллективах. На кафедре стали кандидатами наук более 20 иностранных аспирантов – из Германии, Египта, Алжира, Вьетнама, Китая, Ирака, с Кубы.

Ректору ВГУ Д.А. Ендовицкому кафедра подарила «большого Хирша».

Всего за 40 лет существования кафедры (с 1973 г. по 2013 г.) на кафедре аспирантами и соискателями кафедры защищены 215 кандидатских и докторских диссертаций. Под руководством проф. З.Д. Поповой защищены 75 кандидатских и 16 докторских диссертаций, под рук. проф. И.А. Стернина – 73 кандидатских и 11 докторских, под рук. проф. О.Н. Чарыковой – 15 кандидатских, под рук. проф. Н.М. Вахтель – 10 кандидатских, под рук. проф. Т.А. Колосовой – 7 кандидатских, под рук. доцента А.Г. Лапотько – 4 кандидатских, под рук. проф. И.Я. Чернухиной – 12 кандидатских.

Кафедра общего языкознания и стилистики играет ведущую роль в регионе в таких научных областях, как общее языкознание, контрастивная лингвистика, когнитивная лингвистика, общая и русская фразеология и семасиология, психолингвистика, риторика и речевое воздействие.

За время существования кафедры ее сотрудниками опубликовано около 4000 научных работ, более 200 монографий и учебных пособий, более 100 научных сборников, проведено более 50 различных конференций и научных семинаров. Ежегодно кафедрой издаются «Труды кафедры общего языкознания и стилистики» в следующих сериях продолжающихся межвузовских изданий:

Язык и национальное сознание – 20 выпусков

Коммуникативные исследования – 12 выпусков

Лингвоконцептология и психолингвистика – 6 выпусков

Текст. Дискурс. Картина мира – 9 выпусков

Культура общения и ее формирование – 30 выпусков

Семантико-когнитивные исследования - 4 выпуска.

С 2003 г. кафедра ежегодно занимает 1-3 места в рейтинге кафедр ВГУ (из 180 кафедр).

Просветительские проекты кафедры

«Культура общения»

На кафедре разработана программа нового школьного предмета «Культура общения», который введен с 1997/98 уч.г. в школах Воронежской области с 1 по 9 классы в рамках регионального учебного плана. Подготовлены и выпущены учебники «Культура общения» для 1-9 классов средней школы, учебно-методические разработки для учителей. Подготовлено более 1000 учителей культуры общения, регулярно проводятся курсы повышения квалификации для учителей культуры общения региона.

«Служба русского языка»

Кафедрой создана бесплатная телефонная служба русского языка для региона, которая начала работать с 1 марта 2002 г. Телефонная «Служба русского языка» отвечает на 2-3 тысячи телефонных вопросов жителей Воронежа ежегодно.

Радиопрограмма «Территория слова» (прямой эфир)

Программа выходит в эфир по понедельникам с 13.20 до 13.40.

За время эфира программы ведущие отвечают на 15-20 вопросов радиослушателей.

Магистратура кафедры:

«Психолингвистика и лингвокриминалистика»

«Теория и практика речевого воздействия»

«Русский язык как иностранный и межнациональное общение»
«Имиджелогия и спичрайтинг».

Дополнительные специализации кафедры:

Литературный редактор и корректор – 2 года

Русский язык как иностранный – 2 года

Психолингвистика – 2 года

Лингвокриминалистика – 2 года

Речевое воздействие – 2 года.

Поздравить кафедру пришло более 120 человек.

Команда молодости нашей
(кафедральный гимн)

Немало есть команд на белом свете,
но лишь одна всех ближе и родней,
второй такой команды в мире нету,
споем, друзья, о кафедре своей.

Припев

Тебе судьбу мою вершить,
тебе одной меня судить,
команда молодости нашей,
команда, без которой мне не жить.

Припев

Работа вместе нас соединила,
наука нас в команду собрала,
наш капитан команду в поле вывел,
и общая судьба нам суждена.

Припев.

Пусть жизнь порой обходится сурово,
но если испытанья суждены,
то к ним команда кафедры готова,
и мы команде кафедры верны.

Припев

Другой судьбы нам никакой не надо,
нам есть за что судьбу благодарить,
мы преданы единственной команде,
команде, без которой нам не жить.

Припев

«Кафедра на заборе» – на экскурсии
в сафари-парке (Липецкая область).

**От прагмалингвистики к лингвокогнитологии:
рецензия на монографию В.И. Заботкиной «Слово и смысл»
(М.: РГГУ, 2012. 428 с.)**

Рецензируемая монография посвящена системному рассмотрению проблем прагмалингвистики, когнитивистики, семантики и неологии. Аккумуляция в рамках единого издания многочисленных трудов авторитетного ученого, созданных в течение более чем двадцати лет, делает работу уникальным источником по истории отечественного языкознания, демонстрирует эволюцию исследовательских интересов российских лингвистов в конце XX – начале XXI века, становление отечественной антропологической лингвистики как комплексной научной дисциплины. Как справедливо отмечает в предисловии к монографии Елена Самойловна Кубрякова, «книга В.И. Заботкиной открывает широкие горизонты как для описания процессов эволюции когнитивной семантики и неологии, так и для понимания разных этапов становления когнитивно-дискурсивного подхода, показывающих разные ступени обобщения человеческого опыта» (с. 11).

Каждый раздел монографии вносит существенный вклад в развитие одного из направлений внешней лингвистики в сосюрловском понимании. Работа состоит из двух частей. Первая посвящена прагматическим и семантическим основам неологии. Автором детально изучены теоретические проблемы прагмалингвистики в целом и вопросы прагматического анализа лексики в частности, уточнена специфика применимости принципов и законов прагмалингвистики к феномену нового слова, продемонстрирована роль неологии в процессе категоризации и рекатегоризации окружающей действительности средствами языка. Автором четко сформулирована «идейная основа» прагмалингвистики – стремление к определению факторов, влияющих на выбор и приобретение участниками коммуникации языковых действий в контексте (с. 14). Для разрешения данной проблемы необходима разработка междисциплинарной гетерогенной (точнее, гетерархической) модели коммуникативного контекста, позволяющей выйти за пределы традиционного подхода к изучению процессов порождения и передачи знания. Таким образом, в работе постулируется целесообразность рассмотрения контекста как дискурсивного феномена.

Прежде чем перейти к детальному рассмотрению понятия контекст применительно к прагмалингвистике автор осуществляет исчерпывающий анализ базовых категорий данного исследовательского направления, уделяя особое внимание области, предмету и методу прагматических исследований (с. 21-30). Вслед за Т. Гивоном (Т. Givon) В.И. Заботкина выделяет три разновидности прагматического контекста:

- 1) дейктический контекст, включающий в себя отношения говорящего и слушающего, а также дейксис речевой ситуации;
- 2) общий дискурсивный (текстовой) контекст, т.е. общие знания коммуникантов, полученные из предшествующего дискурса;
- 3) культурный контекст – общие знания об окружающей действительности (с. 32).

Абсолютно оправданным представляется тот факт, что данные элементы не рассматриваются автором как равнозначные. Культурный контекст позиционируется в работе как доминанта, детерминирующая дейктическую и дискурсивную составляющие. Дейктический контекст также является комплексным феноменом, формируемым посредством пересечения двух плоскостей – социальной и когнитивно-психологической (с. 35).

Изучение прагматического аспекта лексических единиц позволило В.И. Заботкиной сформулировать ответы на ряд центральных вопросов прагматической теории слова:

- о нормативной или узуальной природе прагматического компонента лексического значения;
- о дифференциации семантического и прагматического аспектов слова;
- о соотношении процесса интерпретации действительности с порождением знаковых единиц;
- о структуре прагматического спектра лексем;
- о соотношении единиц контекста и элементов значения слова.

Автором четко продемонстрировано, что «прагматические компоненты не формируют еще один, отдельный аспект значения, а могут соотноситься с любым из трех аспектов словозначения, уже выделенных семасиологами: интенционалом, импликационалом, эмоционалом. При всей близости прагматических компонентов импликационала и эмоционала они различаются в силу того, что импликационал скорее связан с денотатом, эмоционал же фиксирует эмоции и оценки, закрепленные за словом. Кроме того, импликационал имеет дело с концептуальной картиной мира, эмоционал же связан с ценностной картиной мира» (с. 93).

Второй раздел монографии посвящен рассмотрению базовых проблем прагматики нового слова. Автором определяется статус неологизма и осуществляется разграничение неологизмов и канонической (или конвенционализировавшейся) лексики. Изучение нового слова изучается в эволюционно-номинативном и собственно прагматическом аспектах. Предлагается оригинальная классификация неологизмов, основанная на признаках новизны формы/содержания:

- 1) собственно неологизмы (новая форма + новое понятийное содержание);
- 2) трансноминации (новые способы номинации существующих понятий);
- 3) семантические инновации (перенос имеющихся форм на вновь сформированные понятия) (с. 98-109).

Анализ неологического вокабуляра английского языка позволил исследователю доказать, что в современном словотворчестве доминируют единицы первой группы. Подобная тенденция вполне закономерна и обусловлена ускорением научно-технического прогресса, порождающего новые объекты для номинации.

Несомненным вкладом В.И. Заботкиной в развитие прагматической неологии является введение категории неологической силы – потенциала воздействия неологизма на адресата высказывания (с. 101). С позиций неологической силы автор рассматривает традиционные классификации неологизмов по способу создания.

Высокой концентрацией релевантных для развития прагмалингвистики положений и выводов характеризуются параграфы, посвященные прагматике нового слова. Авторская концепция данного феномена основывается на рассмотрении

комплекса внешних и внутренних прагматических параметров. «Исследование внешней прагматики нового слова показало, что оно является прагматически отмеченным в четырех аспектах:

- 1) в аспекте причин его порождения;
- 2) в аспекте самого акта его порождения;
- 3) с точки зрения процесса его социализации (вхождения в общество);
- 4) с точки зрения его вхождения в систему языка» (с. 136).

Внутренняя прагматика нового слова более информационно насыщена, чем внутренняя прагматика слова канонического. Автор абсолютно справедливо предлагает рассматривать новизну и языковую моду как особые типы коннотации, входящие в состав временного дейксиса (локации).

Теоретические выводы автора получают практическое подкрепление в разделе, посвященном взаимодействию прагматических и семантических аспектов новой лексики современного английского языка. Особый интерес вызывает параграф о семантике и прагматике эвфемии. Эвфемизмы как единицы с повышенной прагматической маркированностью позволяют наглядно продемонстрировать то, как прагматический заряд введенной в фокус высказывания лексической единицы коррелирует с перлокутивным эффектом всего высказывания (с. 178-190).

Весьма перспективными с точки зрения практического применения представляются также рекомендации исследователя по способам лексикографической фиксации неологизмов. Новый тип прагматически ориентированных лингвистических словарей позволит существенно оптимизировать научное обеспечение коммуникативного процесса, а также станет релевантным способом словарного отражения эволюции вокабуляра. Безусловное одобрение вызывают и предложения об оптимизации словарной статьи и систематизации существующей сетки помет, содержащих прагматическую информацию.

Вторая часть рецензируемой монографии посвящена развитию когнитивной и дискурсивной лингвистики. Автором рассмотрены когнитивно-дискурсивные аспекты английской неологии, изучены тенденции интеграции лингвистики и семиотики, проанализированы гендерные детерминанты языкового картирования мира, выявлены прагмалингвистические основы межкультурной коммуникации и перевода. Некоторые разделы этой части написаны на английском языке.

Отмечая очевидные достижения лингвистики в области когнитивных исследований, В.И. Заботкина констатирует их разрозненность, а также существование дефицита в их критическом осмыслении, категоризации, концептуализации и моделировании. Подобная ситуация становится препятствием для теоретического и методологического генезиса лингвокогнитивистики. В.И. Заботкиной предпринята успешная попытка преодоления этого барьера путем методологической интеграции ряда исследовательских проектов, осуществленных ею в различное время. Наряду с доказательством категориально-методологического единства когнитивно-дискурсивных исследований автор приводит ряд интересных выводов по конкретным вопросам антропологической лингвистики. Назовем лишь некоторые из них:

- существование субкультурных различий в хранении знаний о поведенческих и коммуникативных нормах в рамках единой языковой картины мира, нали-

чие в каждой субкультуре системы образцов-стереотипов, являющихся вариантами общекультурных гештальтов (с. 248-249);

- необходимость использования понятия мультимодульного дискурса для изучения новых моделей продуцирования и систематизации информации, характерных для сознания современного носителя языка (с. 250-251);

- определение корреляций между сугубо языковыми особенностями значения фразеологических единиц и когнитивными структурами, на которых они базируются (с. 258-260).

Значительной самостоятельной ценностью обладает раздел, посвященный одному из важнейших концептов любой лингвокультуры – концепту времени. Данный концепт рассмотрен на материале английской и германской культур. Автором продемонстрированы механизмы концептуализации времени, основанные на метафоризации божественных, денежных и виртуальных сущностей, т.е. продемонстрирован весь ход эволюции лингвокогнитивного восприятия данного феномена от Средневековья до современности.

Украшением работы стал параграф, в котором рассматривается языковая политика в российских высших учебных заведениях. Сочетание научной методологии с административным опытом позволили В.И. Заботкиной сформулировать ряд интересных предложений по развитию языковой и коммуникативной компетенций современного студента.

Подводя итоги, отмечу, что считаю данную монографию весомым вкладом в развитие прагмалингвистики, лингвокогнитологии и теории дискурса. Как всякая работа, включающая хронологически дифференцированный материал, монография В.И. Заботкиной также имеет несомненное значение для развития прогностического направления в истории лингвистических учений.

Г.Г. Слышкин

Communication and 'the Good Life'
(Коммуникация и «хорошая жизнь»)

22-26 мая в Сياتле (США) состоялась 64-я конференция Международной коммуникативной ассоциации (ACI), в работе которой приняли участие более 2000 исследователей со всего мира.

Тема конференции «Communication and 'the Good Life'» обозначила вектор актуальных общественных интересов, которые находятся сейчас в центре внимания. В ходе работы конференции было показано, каким образом коммуникативные технологии, в частности новых медиа, влияют на развитие современного общества, как коммуникативные исследования в контексте современной научной парадигмы могут быть использованы для изучения стандартов жизни, формирования представлений населения о качестве и уровне жизни, достижения (или разрушения) гармоничного существования человека и т. д. Общие результаты конференции закономерно оказались в русле основные тенденции развития научной среды: преобладание междисциплинарных исследований, которые принципиально меняют существовавший ранее ландшафт распределения научного знания между четко разделенными дисциплинами, и вытеснение количественными методами исследований качественных.

В ходе работы были организованы 200 панелей, 228 секционных заседаний, 14 круглых столов, 48 творческих встреч, 15 семинаров, несколько международных исследовательских собраний и т. д. Кроме того, состоялось и множество интересных внепрограммных мероприятий, которые позволили специалистам из разных стран встретиться со старыми партнерами, познакомиться с новыми коллегами, наметить и заключить соглашения о сотрудничестве и будущих проектах.

Впервые в работе ежегодной конференции ACI была представлена панель, организованная Российской коммуникативной ассоциацией (РКА): «Russian Life Lived and Communicated: The Media and the Messages High-Density Session».

Результаты исследований, представленные на заседании, и дискуссия позволили раскрыть новые аспекты развития и трансформации коммуникативных процессов в постсоветской России: межличностные, межкультурные, политические, технологические, а также изменения в средствах массовой коммуникации.

Организатором и руководителем панели выступил профессор Майкл Хазен (Michael David Hazen, Wake Forest U), благодаря которому во время заседания царилла благожелательная и заинтересованная атмосфера, а работа панели прошла четко и продуктивно.

Открыла сессию профессор Е. Л. Вартанова, декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, президент НАММИ, с докладом «Russian Media System in the Context of Media Change: Reconstruction of the National», в котором представила авторскую концепцию реконструкции современных российских медиасистем в период смены парадигмы СМИ.

Профессор А.Е. Войскунский рассказал о результатах междисциплинарного исследования группы сотрудников им. М. В. Ломоносова (Н. Ю. Федюнина, А. С. Евдокименко, О. В. Смирнова) «Attitudes Towards Alternative Identities in Social

Networks», раскрывающего специфику межличностного общения в российских социальных сетях.

Профессор НИУ ВШЭ М. А. Пильгун предложила слушателям обсудить классификацию типов коммуникативного поведения в российском виртуальном пространстве по результатам проекта, проведенного в Научно-учебной лаборатории исследований бизнес-коммуникаций.

В докладе профессора Г. В. Синекоповой (Eastern Washington U) «Ecology of Communication: Minority languages in Moscow Linguistic Landscape» была проанализирована экология коммуникативного пространства Москвы с точки зрения функционирования и взаимодействия «малых» языков.

Профессор Е. Б. Пономаренко (РУДН) в докладе «The Next President of the Russian Federation Will be a Woman Peoples» предложила свою трактовку гендерных особенностей российского политического ландшафта.

Доцент В.М. Хруль (МГУ им. М.В. Ломоносова) в сообщении «Communicating Christian «Good Life» Model in a Secular Public Sphere: a Case of Russia» раскрыл особенности взаимодействия сакральной и светской коммуникации в современной российской действительности.

Работу панели завершила активная дискуссия, в ходе которой докладчики и слушатели не только уточнили детали выступлений, но и высказали множество интересных замечаний и пожеланий для будущих исследований и проектов.

Также в рамках конференции состоялось заседание первой панели Национальной ассоциации исследователей массмедиа (НАММИ), которая с 2013 г. является ассоциированным членом ICA.

Панель «Online and Offline Media Dimensions of 'the Good Life' in Multi-Stratified Societies» была посвящена анализу факторов стратификации общества, таких как факторы гендерного, возрастного, культурного, лингвистического характера, и их влияния на качество жизни в России.

Руководителем панели выступила президент НАММИ, профессор Е. Л. Вартанова. Результаты своих исследований представили члены НАММИ доцент О. В. Смирнова (доклад «Russian Local Newspapers' Newsrooms in Digital Environment»), старший научный сотрудник А. А. Гладкова (доклад «Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace as an Indicator of a «Good Life» in Russia») и научный сотрудник Д. В. Дунас (доклад «Online Media Environment as Russian «Good Life»: Consumption Aspect»).

Кроме того, в рамках работы секции «Sex, Sochi, and the Media: Olympic Stakeholder Responses to Russia's Civil Rights Crisis» профессор И. В. Кирия (НИУ ВШЭ) сделал доклад «Glory and unification or corruption and intolerance».

Таким образом, впервые на крупнейшем международном коммуникативном форуме российские ученые представили широкий спектр результатов исследований различных отечественных коллективов.

М.А. Пильгун

Сведения об авторах

Амочкин Василий Владимирович, аспирант, Международная академия бизнеса и управления, e-mail: basile-amochkin@mail.ru

Бекреева Юлия Викторовна, аспирант, Минский государственный лингвистический университет, e-mail: bekreyeva@mail.ru

Борботько Владимир Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра романских и германских языков, Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, e-mail: swolh@yandex.ru

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет, e-mail: aribubnova@gmail.com

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, классического и славянского языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: larisabut@rambler.ru

Горохова Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, e-mail: s.gorokhova@spbu.ru

Габриелова Елена Валерьевна, преподаватель, Научно-исследовательский университет Высшая школа экономики, e-mail: fleura-belle@nm.ru

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, классического и славянского языкознания, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, e-mail: egoots@yandex.ru

Дзялошинский Иосиф Мордкович, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, e-mail: idzyaloshinsky@hse.ru

Зубкова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Курский государственный университет, e-mail: olgaz4@rambler.ru

Каганов Александр Шлемович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, отдел экспериментальных исследований речи, e-mail: a.sh.kaganov@mail.ru

Казнова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра романской филологии Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: kazna.83@mail.ru

Карташкова Фаина Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, e-mail: kartashkova@rambler.ru

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра общей теории словесности филологического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: victoryvk@gmail.com

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: iri-ovchinniko@yandex.ru

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ, заместитель заведующего лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, e-mail: mpilgun@hse.ru

Сардарова Алина Арменовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Минский государственный лингвистический университет, аспирант Московского городского педагогического университета, e-mail: alinasardarova@gmail.com

Слышкин Геннадий Геннадиевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации ИГСУП.

Ушкалова Маргарита Викторовна, аспирант, Курский государственный университет, e-mail: rita_ushk@yahoo.com

Чесноков Иван Иванович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка как иностранного, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, e-mail: isto1923@yandex.ru

Юрьева Надежда Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, e-mail: o.yuriev@list.ru

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть представлена в печатном и в электронном виде или отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru.

На отдельном листе (в отдельном файле) прилагаются сведения об авторе:

- фамилия, имя отчество;
- ученая степень;
- ученое звание;
- место работы;
- должность;
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- контактный телефон;
- адрес электронной почты, который будет опубликован в журнале.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактным адресам и/или телефонам, указанным в заявке.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И СТРУКТУРЕ СТАТЬИ

Статья должна содержать:

- название (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилию автора/авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова (5-7 слов) на русском языке;
- название статьи и фамилии автора/авторов на английском языке (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке (не более 200 слов);
- ключевые слова на английском языке (5-7 слов).

Основной текст статьи должен содержать:

- Введение – с указанием на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы;
- Основную часть (может содержать разделы);
- Заключение (выводы) – с указанием новых результатов, их теоретического или прикладного значения;
- Библиографический список.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере на одной стороне листа (для печатного варианта); формат – А4; поля – 2,5 смс каждой стороны (не более 30 строк на одной странице; 60 знаков в строке включая интервалы между словами); размер

шрифта – 12; гарнитура – NewTimesRoman; абзацный отступ – 1,25 см; интервал между строками – 1,5 см.

Все страницы рукописи в печатном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в число страниц рукописи включаются таблицы, рисунки, подписи к рисункам, библиографический список).

В электронном варианте статьи страницы не нумеруются.

ЗНАКИ, ЦИФРЫ, ФОРМУЛЫ

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также символами: O (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или буква «i»).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отделяют пробелом от смежных символов.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ.

Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, заменяя их подписями.

Подписи приводятся шрифтом одной величины.

На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

ТАБЛИЦЫ

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

В названии таблицы и в ячейке таблицы после названия точка не ставится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список оформляется в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц для каждого источника. Размер шрифта – 12; междустрочный интервал – 1,0.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Единым форматом оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ПРИСТАТЕЙНОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Статья в журнале (сборнике):

Адорно Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic

alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Монография:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Автореферат:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Диссертация:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Аналитический обзор:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Патент:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Материалы конференций, симпозиумов, конгрессов, форумов и т.д.:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. – 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Интернет-документ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rirfawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/>

memoflatchford.htm (дата обращения 23.08.2007).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ

125009, Москва, Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
Институт языкознания РАН, к. 47
Отдел психолингвистики
Телефон: (495) 690-14-64
E-mail: editorial-vpl@yandex.ru

GUIDELINES TO PREPARING AND SUBMITTING A MANUSCRIPT

Papers should be submitted either in printed and electronic format or sent to the e-mail editorial-vpl@yandex.ru.

An attached file, separate from the paper, should contain the following information about the author(s):

- name and surname;
- academic degree;
- academic title;
- place of work;
- position;
- business and personal address;
- telephone number;
- e-mail address which will be published in the journal.

Papers are reviewed and selected. The result of the review and selection process is announced to the author at the addresses or by the telephones provided in the submission form.

The editorial board is responsible for prioritizing papers which receive a favourable review.

Publications are free.

CONTENT AND STRUCTURE REQUIREMENTS

Papers should include:

- title (capitalized, boldfaced, centered);
- author's name and surname (small letters, boldfaced, centered);
- summary in Russian (up to 200 words);
- key words in Russian (5-7 words);
- title and the author's name and surname in English (small letters, boldfaced, centered);
- summary in English (up to 200 words);
- key words in English (5-7 words).

The text of the paper should contain:

- Introduction with a brief account of the background and rationale of the work.
- Main body (it may contain a few short subheadings).
- Conclusion putting the main findings and their value for the field.

References.

FORMATTING

Papers should not exceed 40,000 symbols.

Our preferred format for text is Microsoft Word. We prefer the use of 12-point Times New Roman. Format – A4; margin – 2,5 cm; paragraph break – 1,25 cm; space between lines – 1,5 cm. Pages should not be numbered.

TABLES

Tables should be only used for presenting data which cannot be stated in the text.

Words in tables are typed in its full forms.

Table and cell titles do not take full stops.

REFERENCES

References are each numbered, ordered alphabetically. Please use 12-point Times New Roman, single space.

In the body of the text please use the following format: [Name year: page(s)] (e.g. [Ivanov 2000: 18]).

Please follow the style below in preparing reference lists.

Examples of reference lists

Journal paper:

Адорно, Т.В. К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

Crawford, P.J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P.J. Crawford, T.P. Barrett // *Ret. Libr.* – 1997. Vol. 3, № 58. – P. 75-85.

Monograph:

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – МЛ Проспект, 2006. – С. 305-412.

Философия культуры и философий науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – 199 с.

Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Thesis synopsis:

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

Thesis:

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

Analytical review:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. – 39 с.

Patents:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г.
Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745.1998. Бюл. № 33.

Conference abstracts:

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф., Ярославль, 2003. - 350 с.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. – С.125-128.

Digital and Internet sources:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005-2007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей Н Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.a8p7nomers366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/200e/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. – URL: <http://east-frant.narod.ru/memoflatchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

ADDRESS OF EDITORIAL BOARD

125009, Moscow, B. Kislovski per., 1/1

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, room 47

Department of Psycholinguistics

Telephone: (495) 690-14-64

E-mail: editorial-vpl@yandex.ru